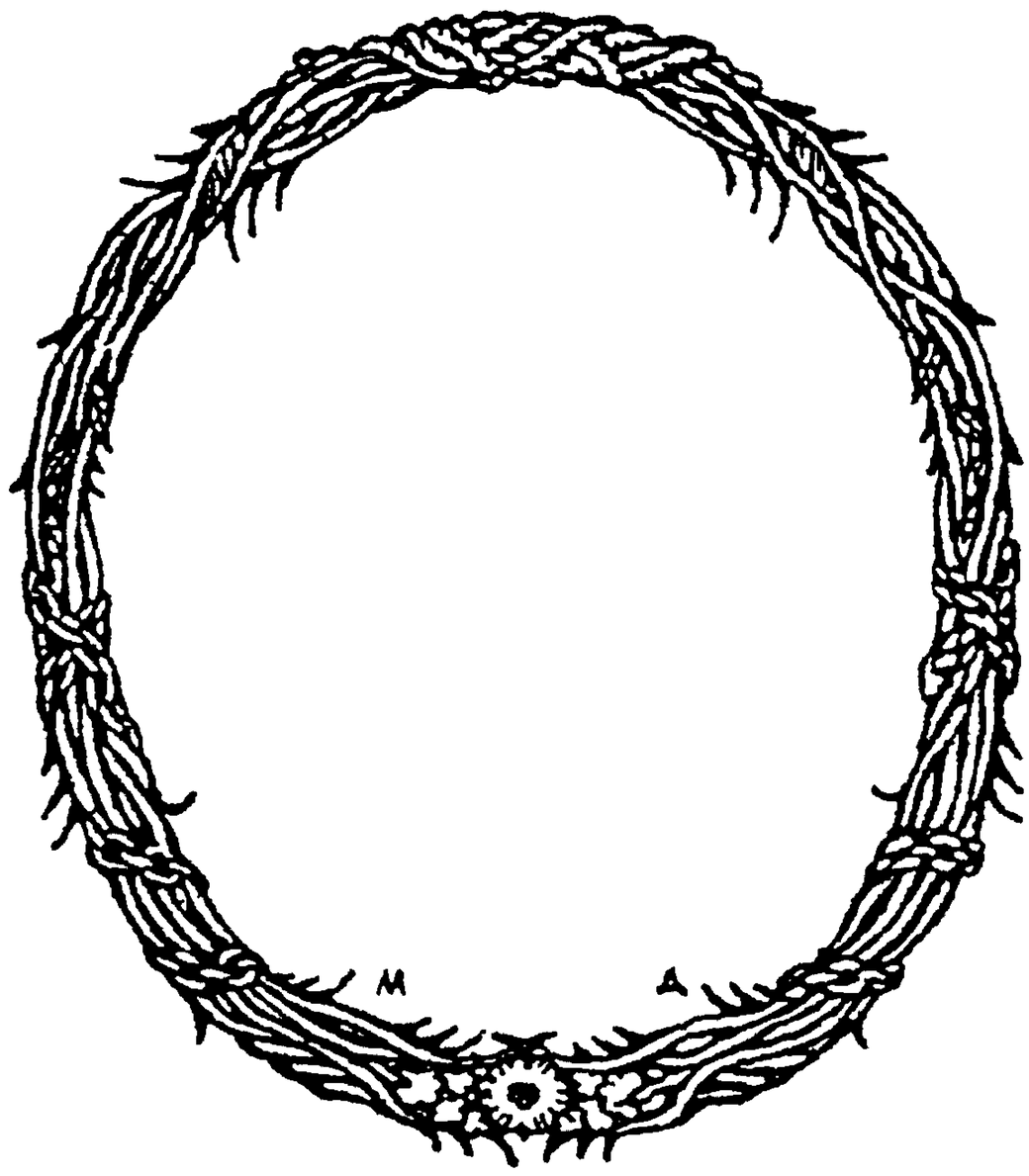
Собраніе сочиненій

ѲЕДОРА СОЛОГУБА

Т. VIII-й



Изъ

ШИПОВНИКЪ

С. П. Б.

ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

Т. VIII.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Типографія
Т-ва «Екатерингофское
Печатное Дѣло»
С.-Петербургъ,
Екатерингоф. пр., 10.

ПОБѢДА СМЕРТИ

Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ.

ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ СЕСТРѢ.

Авторъ трагедіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ трагедіи замѣнилъ маску полумаскою, но все еще не открываетъ своего лица. Онъ хочетъ, чтобы его узнали по улыбкѣ, змѣящейся въ углахъ его губъ.

Если же не узнаютъ...

Всѣми словами, какія находитъ, онъ говоритъ объ одномъ и томъ же. Къ одному и тому же зоветъ онъ неутомимо.

Если же не слышатъ...

Развѣ стихи его не прекрасны? Развѣ проза его не благоуханна? Развѣ не обладаетъ онъ чарами послушнаго ему слова?

Улыбается, и проходитъ, закутавшись въ темный плащъ.

И она съ нимъ, змѣиноокая.

ЗМѢИНООКАЯ

ВЪ НАДМЕННОМЪ ЧЕРТОГѢ.

ПРОЛОГЪ ТРАГЕДІИ

ПОБѢДА СМЕРТИ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король.

Альдонса, именуемая королевою Ортрудою.

Дульцинея, именуемая Альдонсою.

Дагобертъ, пажъ.

Поэтъ, въ сюртукѣ.

Дама, въ шелковомъ платьѣ.

Сѣни королевскаго замка. Стѣны сложены изъ громадныхъ, грубо отесанныхъ камней. Въ передней стѣнѣ—огромная арка входа, черезъ которую и видно зрителямъ сѣни. Спереди широкая и пологая лѣстница до партера, который соотвѣтствуетъ внутреннему двору замка; по серединѣ вышины лѣстницы—неширокая площадка, и отъ нея отдѣляются направо и налѣво двѣ лѣстницы поуже,—онѣ ведутъ подъ боковыя стѣны къ наружнымъ дворамъ замка. Въ глубинѣ и по бокамъ сѣней массивныя колонны. Отъ сѣней подымаются вверхъ три короткія лѣстницы: средняя широкая—въ залъ пировъ и торжественныхъ пріемовъ, двѣ боковыя—узкія, изъ нихъ правая ведетъ въ королевскую опочивальню. Часть лѣстницы освѣщена луною. На ступеняхъ сидитъ король. Всматривается въ темноту неосвѣщеннаго двора, и говоритъ тихо, словно разговаривая съ какимъ-то незримымъ собесѣдникомъ.

Король. Кто зоветъ меня, не знаю, и къ чему зоветъ, не могу понять. Темный призракъ, чего ты отъ меня хо-

чешь? Невнятенъ твой голосъ, и темно лицо твое, словно туманною закрытое личиною. И не знаю, зачѣмъ я пришелъ сюда, въ это темное и полное полуночныхъ страховъ пространство. Вѣщая, ширококрылая птица разбудила меня, и я ушелъ изъ моей опочивальни, оставивъ на моемъ ложѣ мою милую супругу, сладкому отдавшуюся сну. И вотъ я здѣсь, и мнится мнѣ, что передо мною множество невѣдомыхъ лицъ. Словно весь дворъ моего наслѣдственнаго чертога наполнился, и изо всѣхъ оконъ, и съ галлерей, и съ балконовъ смотрятъ на меня блѣдныя тѣни давно почившихъ. Слушаютъ,—и молчатъ. Смотрятъ на меня,—и ничего мнѣ не скажутъ. Страшное равнодушіе, томительное безучастіе пришедшихъ!

По боковой лѣстницѣ подымается Дульцинея. Она имѣетъ обликъ крестьянской бѣдной дѣвушки, и всѣ здѣсь зовутъ ее Альдонсою. На ней бѣдная, въ лохмотьяхъ, одежда; волосы ея полуразвиты; руки у нея обнажены, и ноги босы. На плечѣ несетъ она коромысло съ двумя ведрами.

Дульцинея, Какъ я устала! Боже мой, какъ я устала! Они заставляютъ меня ходить къ источникамъ мертвой и живой воды, и когда я приношу наполненныя ведра, они говорятъ, что эта вода моя не годится для питья. Они заставляютъ меня мыть ею полы, а меня бьютъ за то, что я приношу имъ воду горькую и терпкую. И не знаютъ, что полныя ведра сладкой воды я приношу имъ. И я устала.

Ставитъ ведра на нижнюю ступень. Садится на лѣстницу, близъ короля, долго смотритъ на него молча, и, наконецъ, говоритъ ему тихо:

Дульцинея. Не ты ли король, обитающій въ этомъ надменномъ чертогѣ и владѣющій этою темною страною?

Король. Да, змѣиноокая, я—король этой страны, но страна моя свѣтлая.

Всматривается въ нее, и говоритъ.

Король. Я узнаю тебя. Ты—крестьянская дѣвка Альдонса, та самая, надъ которою смѣются мальчишки за то, что безумецъ называлъ тебя сладкимъ именемъ Дульцинеи, милой очаровательницы, прекраснѣйшей изъ дѣвъ на землѣ. Ты научилась колдовать и ворожить, змѣиноокая, но не нашла себѣ жениха.

Дульцинея. Я жду короля и поэта, которые увѣнчаютъ меня. Увѣнчаютъ красоту, и низвергнутъ безобразіе. Отринутъ обычное, и къ невозможному устремятся.

Король. Ведра твои стоятъ пусты, пославшіе тебя ждутъ воды, и будутъ бить тебя, если ты замедлишь на дорогѣ. Возьми свои ведра, положивъ коромысло на молодое, смуглое плечо, иди за водою, служи усердно тому, кто тебя нанялъ за малую плату.

Дульцинея. За малую плату!

Король. Полновѣснаго и звонкаго золота не стоитъ твой рабскій трудъ. Грубыя объятія хозяйскаго сына въ темныхъ сѣняхъ, гдѣ пахнетъ козломъ и собакой,— вотъ достойная тебя награда. Научилась ты ворожить,— но что же пользы въ твоихъ волхвованіяхъ!

Дульцинея. Сюда идетъ поэтъ, — и вмѣстѣ съ нимъ ты долженъ увѣнчать меня, Дульцинею.

Король. Иди за водою.

Дульцинея. Вотъ твоя милость, король! Усталую, посылаешь ты меня снова. Исполню твою волю, принесу

воды живой, и принесу воды мертвой. А теперь, король, возьми отъ меня этотъ малый даръ.

Даетъ ему амулетъ. Уходитъ съ ведрами на коромыслѣ.

Король. Что дала она мнѣ, волшебница? Злые чары въ этомъ амулетѣ? или благое нѣчто? Но надѣну его на шею.

Надѣваетъ амулетъ на шею.

Король. Все легко, и все свободно становится вокругъ меня. Легкая, такая легкая жизнь! Легкая, такая легкая смерть! И сладкимъ сномъ становится все предстоящее. Золотымъ сномъ.

Склоняется на ступени. Входитъ пажъ Дагобертъ.

Дагобертъ. Король очарованъ змѣинымъ взоромъ Альдонсы, и спитъ на ступеняхъ. Королева Ортруда одна. Судьба благопріятствуетъ мнѣ.

Тихо уходитъ въ королевскую опочивальню. Входятъ поэтъ и дама.

Поэтъ. Намъ попался очень хорошій извозчикъ.

Дама. Да, онъ ѣхалъ очень быстро. Вѣтеръ шумѣлъ въ ушахъ, и замирало сердце. Но онъ странный. Точно мертвый сидѣлъ. Господинъ поэтъ, куда онъ насъ завезъ? Здѣсь тихо, темно и неподвижно.

Поэтъ. Это—кабачекъ. Но извозчикъ мнѣ нравится. Въ стихотвореніи, которое я напишу объ этой поѣздкѣ, я назову его тройкой.

Дама. На вашемъ мѣстѣ, господинъ поэтъ, я назвала бы его автомобилемъ.

Поэтъ. Нѣтъ, моя госпожа, лучше тройка. И я нашелъ къ этому слову хорошія риѳмы.

Дама. Какія, господинъ поэтъ?

Поэтъ. Чародѣйка и водка.

Дама. Это хорошія риѳмы, господинъ поэтъ. Но мнѣ нравится только первая.

Поэтъ. А къ слову автомобиль нѣтъ такихъ хорошихъ риѳмъ.

Дама. А можетъ быть, и есть.

Поэтъ. Какая риѳма?

Слышенъ безстрастный голосъ.

— Смерть.

Дама. Вы слышали?

Поэтъ. Слышалъ. Кто-то спрятался, и шутитъ.

Дама. Кто-то сидитъ на ступенькахъ.

Поэтъ. Это—швейцаръ.

Дама. Господинъ поэтъ, вы близоруки. Посмотрите хорошенько,—это—король.

Поэтъ. Моя госпожа, вы ошибаетесь: короли не сидятъ на ступенькахъ.

Дама. Можетъ быть, вы правы, господинъ поэтъ. Но здѣсь скучно и страшно.

Поэтъ. Мы выпьемъ вина, и закусимъ.

Обращаясь въ пространство, къ партеру, зоветъ.

Поэтъ. Человѣкъ!

Ждутъ. Всматриваются въ темноту.

Дама. Какъ здѣсь темно!

Поэтъ. Такъ надо. Сейчасъ зажгутъ электричество. Человѣкъ!

Выходитъ Дульцинея, сгибаясь подъ тяжестью коромысла.

Поэтъ. Милая дѣвушка, вы здѣсь подаете на столъ? Дайте намъ карточку.

Дульцинея. Я принесла полныя ведра живой и мертвой воды.

Поэтъ. Въ этомъ кабачкѣ свой языкъ. Это—красное и бѣлое вино. Моя госпожа, вы какого хотите?

Дама. Я хочу бѣлаго.

Поэтъ. Это здѣсь называется, очевидно, мертвою водою. Милая дѣвушка, налейте намъ мертвой воды.

Дульцинея подходитъ. Черпаетъ ковшомъ, подаетъ поэту. Тотъ слегка отстраняется.

Поэтъ. Неужели вино подается здѣсь въ ведрахъ? Неужели его надо пить только изъ ковша?

Дама. Мнѣ кажется, это оригинально.

Поэтъ. Мнѣ кажется, это противно.

Дама. Вы правы, господинъ поэтъ. Оригинально, но противно. Мы не будемъ пить этой грязной воды изъ этихъ неопрятныхъ ведеръ, изъ этого ржаваго ковша.

Дульцинея. Вы ошибаетесь, моя милая. Это живая и мертвая вода, и вамъ слѣдовало бы ея выпить. Вы бы увидѣли себя въ волшебномъ зеркалѣ.

Дама (капризно). Не хочу.

Дульцинея. Господинъ поэтъ, я ждала васъ долго. Вы пришли сюда, въ глубину временъ...

Поэтъ. (дамѣ). Этотъ кабачекъ называется „Въ глубинѣ временъ“.

Дульцинея, (продолжаетъ). ...для того, чтобы воспѣть меня, прекраснѣйшую изъ земныхъ дѣвъ, очаровательницу Дульцинею, которую здѣсь, въ этой темной странѣ, неправо называютъ Альдонсою.

Поэтъ. Я пришелъ сюда не для этого.

Дульцинея. Воспойте меня, господинъ поэтъ, и тогда король меня увѣнчаетъ. Воспойте меня, милый поэтъ, и тогда юноша меня полюбитъ. Воспойте меня, милый и прекрасный поэтъ, и тогда для всѣхъ откроется мое настоящее имя.

Поэтъ. Вы самозванка. Настоящая Дульцинея живетъ въ надменномъ чертогѣ. Она не таскаетъ тяжелыхъ ведеръ. На ея ногахъ—атласные башмаки, шитые жемчугомъ.

Дульцинея. Господинъ поэтъ, смотрите въ мои глаза, и слагайте мнѣ стихи.

Поэтъ. Я боюсь твоихъ глазъ, змѣиноокая. Я уже напечаталъ всѣ мои стихи, и у меня нѣтъ новыхъ.

Дульцинея. Господинъ поэтъ, вы, однако, не уйдете отъ моихъ чаръ. И эта чужая вамъ не поможетъ. Сядьте на ступени, и смотрите на то, что здѣсь произойдетъ.

Поэтъ. Я чувствую странную усталость. Сядемте здѣсь, моя госпожа; эта странная дѣвица обѣщаетъ намъ зрѣлище.

Дульцинея. Отъ васъ самихъ зависитъ, чтобы это было только зрѣлище, или чтобы это стало мистеріею.

Поэтъ. Она говоритъ объ интимномъ театрѣ. Посмотримъ.

Король продолжаетъ дремать посреди лѣстницы. Поэтъ и его дама садятся у колонны справа, прижимаясь другъ къ другу, и смотрятъ на зрѣлище, какъ на золотой сонъ.

Дульцинея. Тяжко дремлетъ король,—и не хочетъ меня увѣнчать. Усталый склонился поэтъ на ступени чертога, прижимаясь плечомъ къ плечу своей случайной

спутницы,—и не хочетъ воспѣть меня, и не узнаетъ Дульцинеи. Призову юныхъ и прекрасныхъ, сладкія тайны любви вознесу къ высокому блаженству.

Дульцинея обращается лицомъ къ королевской опочивальнѣ, и зоветъ.

Дульцинея. Альдонса, именуемая королевою Ортрудою! И ты, юный пажъ Дагобертъ! Идите ко мнѣ.

На верху лѣстницы показываются королева Ортруда и пажъ Дагобертъ.

Дагобертъ. Милая госпожа моя Ортруда, зачѣмъ ты вышла сюда? Король, очарованный змѣиными очами безумной Альдонсы, дремалъ бы долго, и не помѣшалъ бы намъ насладиться сладкою нашею любовью.

Ортруда. Кто-то звалъ меня, и такъ повелителенъ зовъ.

Дагобертъ. И она здѣсь, змѣиноокая!

Дульцинея. Милый Дагобертъ, развѣ ты не знаешь, кого ты любишь?

Дагобертъ. Я люблю королеву Ортруду. И она меня любитъ.

Дульцинея. Развѣ ты не видишь, что это—Альдонса? Глаза ея тусклы, и голосъ ея чрезмѣрно звонокъ. Люби меня, милый отрокъ, меня, прекрасную Дульцинею. Отвергни королеву, отдай ее супругу.

Ортруда. Она безумная. Не слушай ее, Дагобертъ.

Дульцинея. Молчи!

Королева молча склоняется рядомъ съ королемъ на ступени, и зачарованнымъ смотритъ взоромъ на зрѣлище.

Дульцинея. Люби меня, милый Дагобертъ.

Дагобертъ. Ты красавица, милая Альдонса. И ты умѣешь очаровать. Вотъ сидятъ на ступеняхъ они, зачарованные тобою. Ты и меня зачаруешь, хитрая Альдонса?

Дульцинея. Не зови меня Альдонсою. Я — Дульцинея.

Дагобертъ. Всѣ знаютъ, что ты—Альдонса. Но мнѣ все равно. Я буду звать тебя, какъ ты хочешь. Меня отъ этого не убудетъ.

Обнимаетъ Дульцинею, и хочетъ ее поцѣловать. Дульцинея отстраняется. Говоритъ тихо.

Дульцинея. И ты мнѣ не вѣришь. И самая страшная насмѣшка надо мною въ томъ, что ты назовешь меня именемъ, которое принадлежитъ мнѣ, но которому ты не вѣришь. Такой любви мнѣ не надо. Вернись къ своей милой.

Дагобертъ садится рядомъ съ Ортрудою, обнимаетъ ее, и дремлетъ на ея плечѣ.

Дульцинея. Опять зрѣлище остается зрѣлищемъ, и не становится мистеріею. Опять не увѣнчана, не воспѣта, не полюблена истинная красота этого міра, очаровательница Дульцинея, во образѣ змѣиноокой Альдонсы. И великая во мнѣ усталость, и великая тоска. Но не хочу оставить моего замысла. Неутомимая, буду стремиться къ тому, чтобы увѣнчана была красота и низвергнуто безобразіе. Неустанно въ разныхъ образахъ явлюсь поэту, любовнику и королю. Воспой меня, — скажу,—полюби меня, увѣнчай меня. Иди ко мнѣ, иди за мною. Только я жива въ жизни и въ смерти, только

во мнѣ жизнь, только мнѣ послѣдняя побѣда. Вотъ, приму образъ рабыни Мальгисты, и дочь мою Альгисту пошлю на великій подвигъ, на исполненіе моего вѣчнаго замысла. Съ ея дѣвственной свѣжестью сочетаю мои вѣчные чары.—Побѣда-ли жизни, побѣда-ли смерти, но побѣда будетъ моя.

ПОБѢДА СМЕРТИ.

Трагедія

въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Король Хлодовегъ.

Берта, его жена.

Альгиста, ея служанка.

Мальгиста, мать Альгисты.

Этельбертъ, братъ Берты.

Лингардъ, пажъ.

Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сѣни слабо освѣщены факелами, вставленными въ желѣзныя кольца у колоннъ. Изъ дверей въ залъ слышатся громкіе голоса пирующихъ, пѣсни, смѣхъ, звонъ бокаловъ.

Пѣсня (въ залѣ).

Въ чашѣ крѣпкое вино
Горько! горько! горько!
Королева подъ фатой—
За туманомъ зорька.
Но въ фатѣ для короля
Развернется складка.
Цѣловать жену въ уста
Сладко! сладко! сладко!

Альгиста и Мальгиста стоятъ близъ входа въ столовую, таясь за колонною. Альгиста закрыла свое лицо сѣрымъ покрываломъ. Говорятъ тихо.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, ты не боишься?

Альгиста. Я не боюсь.

Мальгиста. Настало время совершить великій нашъ замыселъ, — увѣнчать красоту и низвергнуть безобразіе.

Альгиста. Безобразная и злая, глупая и жадная, достойная дочь многихъ поколѣній жестокихъ и коварныхъ, она веселится и торжествуетъ. Она хочетъ быть королевою,—зачѣмъ?

Мальгиста. Нѣтъ, не Берта хромая, дочь кровожаднаго короля Коломана,—ты, моя прекрасная Альгиста, достойна быть королевою.

Альгиста. Я буду королевою. И не будетъ Альгисты, и забудется имя Альгисты,—а я буду королевою.

Мальгиста. Можетъ быть, послѣдній разъ называю я тебя моею дочерью. Дай же мнѣ еще разъ поцѣловать лицо моей Альгисты, цвѣтущія розами уста моей милой дочери. Завтра я склонюсь предъ тобой, какъ рабыня передъ госпожею.

Альгиста быстро откидываетъ покрывало. Любуется ею мать, и цѣлуетъ ея прекрасное лицо. Альгиста закрывается.

Альгиста. Я стояла здѣсь долго одна, прячась въ темномъ углу за столпами. Здѣсь, передо мною, послѣ вѣнчальнаго торжества, съ королемъ прощались рыцари, привезшіе королевну нашу Берту. Ушли, уѣхали, и теперь только мы двѣ остались при ней. Потомъ смотрѣла я, какъ здѣшній король, и Берта, и гости вошли въ тотъ залъ, и сѣли за столъ. Сидятъ и пируютъ, а я стою одна, и смотрю. Съ моего мѣста видно мнѣ лицо короля, и рядомъ съ нимъ Берта.

Мальгиста. Госпожа наша, Берта, слѣдуя древ-

нему обыкновенію, сидитъ, покрытая левантскою тканью, расшитою золотомъ.

Альгиста. Пусть Берта закрыта своею златотканною вуалью,—я знаю, я помню ея изрытое оспою лицо, я знаю, что одна нога госпожи моей короче, чѣмъ другая, и хитро сдѣланными золотыми каблуками она скрываетъ это.

Мальгиста. (тихо смѣется и говоритъ шопотомъ:) Много пышныхъ обрядовъ придумали владыки, чтобы возвеличить себя выше насъ. Ихъ тщеславіе и намъ иногда на пользу. Король Хлодовегъ еще не видѣлъ лица госпожи нашей.

Альгиста. Я знаю. Хотѣли обмануть здѣшняго короля. Увидѣлъ-бы завтра утромъ, да ужъ поздно было-бы. Не прогонишь раздѣлившую ложе, хоть бы и противна она была.

Мальгиста. Нѣтъ, мы дадимъ ему жену прекрасную и мудрую. Онъ упился виномъ. Сейчасъ онъ не увидитъ ея лица во мракѣ опочивальни, а потомъ не пойметъ, кто чѣмъ его обманулъ.

Альгиста. Обманъ и коварство не нами начаты. Владыки увѣнчанные и сильные открыли путь коварства и зла.

Мальгиста. Пиръ кончается. Уйду. Не надо, чтобы меня увидѣли съ тобою.

Поспѣшно цѣлуетъ Альгисту, и уходитъ. Изъ столовой выходитъ пажъ Лингардъ.

Лингардъ. Усталъ. Хоть на полъ сѣсть. Легко сказать -съ утра на ногахъ.

Идетъ въ тотъ уголъ, гдѣ Альгиста.

Лингардъ. Да тутъ кто-то есть. Кто ты?

Альгиста. (притворно глухимъ голосомъ.) Я служанка королевы Берты, Альгиста.

Лингардъ. Что ты тутъ дѣлаешь впотьмахъ? Пировала бы съ другими дѣвушками. Онѣ всѣ пьяны. Или и ты устала? Отдохнемъ, посидимъ вмѣстѣ.

Обнимаетъ Альгисту, хочетъ поцѣловать.

Альгиста. Поди прочь, или я закричу.

Лингардъ. Недотрога! Развѣ я тебѣ противенъ?

Альгиста. Ты красивъ, но сегодня намъ некогда цѣловаться. Да и нельзя. Сейчасъ пойдутъ изъ-за стола, и я должна буду раздѣть госпожу нашу Берту, и погасить огни въ опочивальнѣ, чтобы не разглядѣлъ король раньше времени, чего не надо.

Лингардъ. А чего не надо?

Альгиста. Чего не надо? Нехорошо будетъ, если новобрачный увидитъ раньше времени рябое лицо королевы. Пожалуй, прогонитъ, скажетъ,—уходи, пока ты еще дѣва.

Притворно смѣется.

Лингардъ. Такъ Берта, говоришь, рябая?

Альгиста. Какъ кукушка. И хромая.

Лингардъ. (смѣется.) Значитъ, короля обманули?

Альгиста. Да. Но ты пока молчи.

Отходитъ, притворно хромая.

Лингардъ. А ты зачѣмъ закрылась? Да и ты, никакъ, хромая? По госпожѣ и служанка!

Альгиста. Что ты! Я никогда не хромала.

Прислоняется къ стѣнѣ.

Лингардъ. Дай-ка я самъ посмотрю. Ужъ и ты не рябая-ли?

Хватается за ея плащъ. Альгиста кричитъ пронзительно громко.

Лингардъ. Дура, съ тобою въ петлю попадешь.

Убѣгаетъ. Изъ залы выходитъ король, Берта, рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки.

Король. Кто-то кричалъ здѣсь о помощи. Кто осмѣлился потревожить нашъ свѣтлый и радостный пиръ? Найти и поставить дерзкаго передъ нами.

Альгиста вмѣшивается въ толпу королевскихъ служанокъ. Пажи и слуги съ нестройнымъ шумомъ и восклицаніями мечутся по сѣнямъ. Рыцари стоятъ въ воинственныхъ и нѣсколько смѣшныхъ позахъ, грозно вращая глазами; лица ихъ красны отъ обильно выпитаго вина.

Король. Ты испугана, милая моя супруга Берта? Ты дрожишь?

Берта. Нѣтъ, господинъ мой, рядомъ съ тобою я ничего не боюсь.

Король. Кто-то съ пьяныхъ глазъ поднялъ крикъ, и, самъ испуганный своею дерзостью, скрылся. Для нашей радости прощаемъ дерзкаго. Вѣрные слуги наши, оставьте ваши поиски. Женщины, проводите королеву въ нашу опочивальню.

Берта, дамы и служанки уходятъ въ опочивальню, и съ ними Альгиста.

Король. А мы, друзья, вернемся за столъ, и выпьемъ послѣднюю чашу.

Король, рыцари, пажи и слуги уходятъ въ столовую. Дамы, проводившія королеву въ опочивальню, возвращаются и уходятъ по боковой лѣстницѣ налѣво. Сѣни пустѣютъ. Изъ столовой слышны громкіе крики, нескромныя пѣсни, пьяный хохотъ. По боковой лѣстницѣ осторожно поднимается Мальгиста. Осматривается. Крадется къ дверямъ опочивальни. Прислушивается. Быстро уходитъ, прячась за колоннами. Изъ опочивальни выходятъ служанки. Смѣются. Говорятъ пьяными голосами.

Служанки.

— Какая скромная! Не хотѣла при насъ раздѣваться. Даже лица не открыла.

— Только свою молодую служанку оставила.

— Да и та странная,—закрылась покрываломъ, и молчитъ.

— Старая Мальгиста шепнула мнѣ потихоньку, что ея дочь—рябая.

— И хромая, будто-бы, и потому носитъ башмаки съ разными каблуками,—одинъ высокій, другой низкій.

— Все, равно. увидимъ,—не вѣкъ же имъ прятаться подъ своими длинными вуалями.

Уходятъ внизъ по лѣстницѣ. Сцена пуста. Изъ опочивальни выходитъ Альгиста, босая, въ сорочкѣ, покрытая большимъ темнымъ покрываломъ. Разрѣзываетъ кинжаломъ кожу на своей груди. Отходитъ въ темный уголъ и, полузакрывшись плащемъ, ложится.

Изъ столовой выходитъ король, сопровождаемый шумною толпою. Короля провожаютъ до опочивальни.

Король. Друзья, благодарю васъ за то, что вы раздѣлили мой торжественный пиръ и веселили меня

и королеву веселыми пѣснями и благопристойными шутками. Теперь идите спать, оставивъ здѣсь стражу, и да благословитъ насъ всѣхъ Богъ.

Рыцари, пажи и слуги, кричатъ громко и нестройно. Да хранитъ Богъ короля и королеву на многіе годы! Да пошлетъ онъ счастія королю, и королевѣ, и наслѣднику! И наслѣдника! Счастливой ночи, государь! И удачной!

Король уходитъ. Рыцари унимаютъ шумливыхъ и смѣшливыхъ пажей. Уходятъ. У дверей опочивальни остаются два вооруженные рыцаря. Разговариваютъ шопотомъ. Потомъ дремлютъ, прислонясь къ колоннамъ и опершись на свои копья. Нѣкоторые факелы гаснутъ. Въ тишинѣ слышатся шорохи и шелесты. Альгиста стонетъ. Рыцари встрепенулись.

Первый. Здѣсь кто-то есть.

Второй. Помнишь, кто-то закричалъ, когда еще сидѣли за столомъ?

Первый. Здѣсь лежитъ женщина.

Оба нагибаются къ Альгистѣ.

Альгиста. (со стономъ)—Помогите!

Рыцари освѣщаютъ ее факеломъ.

Первый. Красавица!

Второй. Кто-то полоснулъ ее ножомъ въ грудь.

Первый. Слабый ударъ. Красавица испугана, но не опасно ранена. Плохой ударъ,—точно ребенокъ или женщина.

Второй. Кто ты, красавица?

Альгиста. Берта.

Второй. Она Берту зоветъ.

Альгиста. Я—Берта.

Первый рыцарь. Королева?

Альгиста. Да.

Первый. Но королева съ королемъ въ опочивальнѣ. Ты бредишь, красавица.

Второй. Она опять закрыла глаза.

Первый. Что же намъ съ нею дѣлать?

Второй. Позовемъ сенешаля.

Первый. Хорошо-ли будетъ, если всѣ сразу узнаютъ эту темную и странную исторію?

Второй. Что-же дѣлать?

Первый. Постучимся къ королю. Онъ насъ похвалитъ за скромность. Можетъ быть, эту красавицу или кого другого понадобится убрать безъ шума, чтобы никто и не узналъ, что тутъ было.

Второй. Пожалуй, что и такъ.

Отходятъ отъ Альгисты. Альгиста громко стонетъ. По сценѣ пробѣгаетъ Мальгиста, вопя:

Мальгиста. Гдѣ дочь моя Альгиста? Альгиста, Альгиста, гдѣ ты?

Убѣгаетъ. За сценою слышны ея вопли. Вбѣгаютъ рыцари, женщины и пажи. На шумъ выходитъ король.

Король. Что здѣсь?

Восклицанія, шумъ.

Альгиста. Господинъ мой Хлодовегъ, спаси меня!

Король. Кто эта женщина?

Первый рыцарь. Она лежала здѣсь въ темномъ

углу, раненая кѣмъ-то. Мы спросили ее, она сказала намъ, что она—королева Берта.

Король. Что она говоритъ! Королева въ опочивальнѣ покоится на моемъ ложѣ.

Альгиста, (слабымъ голосомъ). Раздѣли, ушли. Одна осталась. Закрывала лицо. Но я ее узнала. Ударила меня кинжаломъ. Вытащила меня сюда. Рабыня моя Альгиста замыслила на меня злое.

Король. Что ты говоришь, несчастная! Неужели съ рабынею раздѣлилъ я мое ложе!

Альгиста. Горе мнѣ! Я умираю, я, дочь короля, я, супруга короля, я, юная и прекрасная,—а она, моя рабыня, рябая и хромая дѣвка Альгиста будетъ королевою! Лежу на камняхъ, а рабыня моя на моемъ ложѣ!

Король. Женщины, войдите въ мою опочивальню, одѣньте королеву, и приведите ее сюда,—и здѣсь королева уличитъ обманщицу, и правда возсіяетъ ярче солнца.

Мальгиста, (вбѣгая). Добрые люди, скажите, гдѣ моя дочь Альгиста?

Король. Посмотри, не эта-ли твоя дочь, раненая кѣмъ-то?

Мальгиста. Альгиста, дитя мое, кто тебя обидѣлъ?

Бросается къ Альгистѣ. Всматривается. Вскакиваетъ съ громкимъ крикомъ. Отходитъ. Опять бросается на колѣни передъ Альгистою.

Мальгиста. Милая госпожа моя Берта, что съ тобою? Зачѣмъ ты лежишь здѣсь, на холодныхъ камняхъ, полунагая? За что твой супругъ отторгъ тебя отъ своего ложа?

Альгиста. Вѣрная моя Мальгиста, какое горе! Какой стыдъ! Твоя дочь, раздѣвая меня, ударила меня кинжаломъ. Какъ мертвая упала я къ ея ногамъ. Она вытащила меня сюда, бросила въ темный уголъ, и сама ушла на мое ложе.

Мальгиста. О, горе мнѣ! Безумная Альгиста, что ты замыслила!

Берта выходитъ изъ опочивальни, и женщины съ нею.

Мальгиста. Несчастная дочь моя, безумная Альгиста! Зачѣмъ подняла ты руку на свою госпожу?

Лингардъ. Такъ вотъ зачѣмъ она увѣряла меня, что королева рябая и хромая!

Первый рыцарь. Когда? Что ты говоришь?

Лингардъ. Подожди, я все разскажу королю.

Берта. Мальгиста, что ты говоришь! Или горе помутило твой разумъ? Вотъ лежитъ дочь твоя Альгиста, раненая кѣмъ-то.

Мальгиста. О, коварная! Ты—Альгиста, ты—дочь моя, а здѣсь лежитъ госпожа наша Берта. Убить ее ты замыслила, но она еще жива, и уличаетъ тебя, преступница!

Король. Кому-же вѣрить?

Берта. Я—Берта, дочь короля Коломана.

Альгиста. Я—королева Берта.

Берта. Я съ тобою вѣнчалась, король.

Альгиста. Я съ тобою вѣнчалась, Хлодовегъ.

Берта. Я сидѣла съ тобою за пиршественнымъ столомъ.

Альгиста. Я, сидя за столомъ, просила: господинъ мой, поцѣлуй мои плечи.

Берта. Я говорила эти слова.

Альгиста. Вслухъ?

Берта. Я шептала ихъ на ухо моему господину.

Альгиста. Какъ же я могла бы ихъ услышать?

Берта. Мальгиста научила тебя.

Альгиста. Никто меня не училъ, я хотѣла, чтобы приласкалъ меня господинъ мой.

Берта. Верните рыцарей, которые привезли меня,— они скажутъ...

Альгиста. Король, тебѣ разсказывали, конечно, послы моего отца, что я прекрасна?

Король. Да. Развѣ взялъ бы я урода!

Альгиста. Король, смотри, какая я прекрасная, смотри, какая она рябая.

Берта. Да, но я—королева, а ты, красавица Альгиста—моя служанка.

Альгиста. Смотри, король, у нея одна нога короче другой.

Берта. Я—хромая, но королева.

Альгиста. Король, развѣ послы отца моего говорили тебѣ, что Берта—рябая и хромая?

Король. Нѣтъ. Я и не взялъ бы въ жены хромую и рябую, и не думалъ, что король Коломанъ меня обманетъ.

Альгиста притворяется потерявшею сознаніе.

Мальгиста, (склонясь надъ нею). Милая моя госпожа!

Берта. Сѣть обмана, широкая сѣть обмана раскинута надо мною. Кто поможетъ мнѣ разорвать вязкія петли обмана? Кому крикну: помогите? Оставили меня жертвою обмана.

Король. Вижу, кто изъ двухъ — обманщица. Но

скажите, бароны и рыцари, какъ по-вашему, кто королева?

Рыцару. Эта прекрасная раненая дама.

Король. Кто обманщица?

Рыцари. Эта рябая и хромая женщина.

Король. Что сдѣлать съ нею?

Мальгиста. Король, прости мою дочь! Врагъ человѣка помутилъ ея мысли. За мою вѣрность королевѣ прости мою дочь.

Король. Уведите ее далеко въ лѣсъ, и да будетъ надъ нею воля Господня. А ея мать...

Альгиста. Король, оставь при мнѣ эту вѣрную женщину. Видишь, родную дочь уличила она,—истинно-вѣрная душа!

Король. Да будетъ, какъ ты хочешь, милая королева.

Берта. Бѣдный король, ты повѣрилъ обману!

Берту уводятъ. Альгисту поднимаютъ, и несутъ въ опочивальню. Люди уходятъ. Слышенъ безстрастный голосъ:

—Проходитъ ночь. День. Ночь. День. Ночи и дни. Годы
Во мракѣ временъ проходятъ быстро годы. Десять лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же сѣни. Изъ среднихъ дверей стремительно выходитъ Альгиста. На ней торжественный нарядъ королевы. Она безпокойно мечется по сѣнямъ. Мальгиста выходитъ за нею. Слышенъ конецъ пѣсни.

И вотъ король повѣрилъ
Сѣдому колдуну,
И выгналъ онъ за двери
Любезную жену.
Обманутые славятъ
Отродье колдуна,
И королевствомъ правятъ
Волшебникъ и она.
А гдѣ же королева?
Она въ лѣсу глухомъ.
Вернется-ль королева?
О томъ спою потомъ.

Альгиста. Король замѣтилъ?

Мальгиста. Нѣтъ, госпожа,—всѣ заслушались пѣсенъ захожаго пѣвца.

Альгиста. Ты узнала его?

Мальгиста молчитъ.

Альгиста. Что-же намъ дѣлать?

Мальгиста. Онъ ничего не посмѣетъ сказать. Не станетъ же онъ говорить, что король Коломанъ, отецъ Берты и его отецъ,—обманщикъ.

Альгиста. Мнѣ страшно!

Мальгиста. Не бойся, милая дочь моя.

Альгиста. Нѣтъ, даже не страшно, — я устала. Я думала не то. Я вѣрила, что люди хотятъ свободы и свѣта. Какъ настойчиво, какъ хитро, ночью и днемъ, повторяла я королю одно и то же всѣми словами, какія находила! Онъ мнѣ вѣрилъ, онъ, наконецъ, научился думать по-моему. Но онъ ничего не можетъ сдѣлать, кромѣ того, что дѣлали его предки: воевать, судить, награждать. Ничего дерзкаго. Господа хотятъ властво-

вать,—это я понимаю. Но народъ, — всѣ эти простые люди, земледѣльцы и ремесленники, о, какъ они хотятъ быть рабами! Только рабами!

Мальгиста. Всѣ говорятъ, что притебѣ король сталъ милостивъ къ народу, щедръ къ своимъ слугамъ, справедливъ для всѣхъ, прибѣгающихъ къ его суду. Народъ благословляетъ имя твое, милая королева наша Берта.

Альгиста. Прославляютъ имя Берты! Но откроется правда, узнаетъ король мое имя,—прославитъ ли онъ сладкое имя Альгисты?

Мальгиста. Король не узнаетъ.

Альгиста. Узнаетъ.

Мальгиста. И узнаетъ, да не повѣритъ.

Альгиста. Идутъ.

Мальгиста отходитъ отъ нея, и становится за колонною. Альгиста становится впереди сѣней, въ полуоборотъ къ среднимъ дверямъ, такъ что ея лицо въ тѣни. Изъ залы выходитъ король, принцъ Этельбертъ въ одеждѣ захожаго пѣвца, рыцари, дамы и пажи.

Король. Милая Берта, свѣтъ моихъ очей, зачѣмъ ты ушла отъ насъ? Онъ спѣлъ намъ еще двѣ пѣсни, одну лучше другой.

Альгиста. Велико искусство захожаго пѣвца. Кто бы изъ людей могъ пѣть такъ сладко и такъ коварно? Не силою-ли нечистаго бѣса внушены ему его хитрые напѣвы?

Король. По всему видно, что онъ—человѣкъ благочестивый.

Альгиста. Врагъ человѣка и въ рясѣ приходитъ. У меня отъ его злыхъ пѣсенъ закружилась голова.

Король. Прости, милая Берта,—я думалъ, что

тебѣ пріятно. Пѣвецъ, возьми это золото, и иди отдыхать. Хороши твои пѣсни, велико твое искусство, и боюсь, не чародѣйная-ли въ немъ сила.

Этельбертъ. Моя сестра поетъ лучше, и если отъ моихъ пѣсенъ ушла милостивая госпожа Берта съ королевскаго свѣтлаго пира, то пѣніе сестры моей утѣшитъ королеву.

Король. Гдѣ же твоя сестра?

Этельбертъ. Здѣсь, ждетъ на дворѣ. Если позволишь, король, я приведу ее.

Король. Приведи.

Этельбертъ, (проходя мимо Альгисты). И дѣвка Альгиста въ королевахъ.

Альгиста. Сынъ обманщика идетъ съ обманомъ на обманъ.

Этельбертъ. Бичу и розгамъ предадутъ прекрасное тѣло, и позорной смерти.

Уходитъ.

Король. Что бормоталъ тебѣ захожій пѣвецъ?

Альгиста. Непонятныя слова. Онъ одержимъ нечистымъ духомъ, и умъ его охваченъ злыми, жестокими видѣніями. Мерещатся ему измѣны, обманы, кровь, муки и смерть. Напрасно велѣлъ ты ему позвать его сестру. Если и она такая же, наведутъ они на тебя, милый мой господинъ, и на меня, бѣдную, злыя чары.

Король. Такъ пусть имъ скажутъ, чтобы они не входили.

Но едва король началъ говорить, по средней лѣстницѣ уже стремительно поднималась Берта, съ мальчикомъ, и за ними Этельбертъ.

Король. Милый пѣвецъ, усладили нашъ слухъ твои пѣсни. Вѣрю, что еще искуснѣе и пріятнѣе пѣніе и голосъ твоей сестры,—но королева устала, и не можетъ слушать пѣсенъ. А ты, искусница, не досадуй, что напрасно ожидала своей очереди пѣть. Возьми это золото и удались,—можетъ быть, мы съ королевою призовемъ тебя завтра.

Берта. Устала и я, королева Берта. Изгнанная тобою, милый супругъ, потому что обманщицѣ Альгистѣ повѣрилъ ты больше, чѣмъ мнѣ, скиталась я долго по дремучимъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ, по широкимъ доламъ. Рыскучіе вѣтры меня обвѣвали, частые дожди меня мочили, красное солнце меня палило, колючіе кустарники рвали мою одежду и царапали мое тѣло, о песокъ и о камни изранила я мои ноги. Въ полѣ подъ стогомъ родила я тебѣ, король, сына. Повила его нищая старуха, окрестила я его въ бѣдной деревенской церкви, назвала его Карломъ, и будетъ онъ королемъ великимъ. Возьми его, милый король, и меня не гони съ твоего ложа.

Альгиста. Спѣла ты, пѣвица, свою пѣсню, хоть и не хотѣли тебя слушать. Ну что же, пой себѣ дальше,—о себѣ спѣла, обо мнѣ пой.

Берта. Ты—моя служанка Альгиста. Вонъ тамъ, за столпомъ, прячется, блѣдная отъ злобы и отъ страха, твоя мать Мальгиста.

Этельбертъ. Милая Берта, не унижай себя споромъ съ рабынею. Король, узнай, что я—Этельбертъ, сынъ короля Коломана, братъ твоей несчастной супруги Берты, которую ты изгналъ, обманутый злою Альгистою.

Альгиста. Онъ—безумный, и сестра его—такая же.

Этельбертъ. Со мною рыцари, привезшіе тебѣ десять лѣтъ назадъ Берту. Ты ихъ узнаешь, и они скажутъ тебѣ правду.

Трубитъ въ золотой рогъ. По средней лѣстницѣ всходятъ двѣнадцать рыцарей.

Этельбертъ. И вотъ, король, грамота отъ короля Коломана.

Подаетъ королю грамоту. Король беретъ ее.

Король. Канцлеръ, распечатай эту грамоту, и мы прочтемъ ее, какъ надлежитъ читать королевскія посланія, стоя на королевскомъ нашемъ мѣстѣ. А теперь ты, захожій пѣвецъ, называющій себя принцемъ Этельбертомъ, скажи намъ еще разъ, утверждаешь-ли ты, что вотъ эта женщина, пришедшая съ тобою,—она то и есть прекрасная Берта, дочь короля Коломана.

Этельбертъ. Да, это—королева Берта, твоя жена, и дочь моего отца, короля Коломана.

Альгиста, (смѣется). Прекрасная Берта! Красавица! Смотри, король, какой у нея большой ротъ! Какая она рябая! И одна у нея нога длиннѣе другой.

Берта. Ты все это хорошо помнишь, Альгиста,—да и тебѣ ли не помнить! Ты одѣвала и обувала меня.

Этельбертъ. Сестра моя была прекрасна, но злыми чарами по дорогѣ сюда испортила ее Альгиста. Смотри, король, какъ сестра моя похожа на меня.

Альгиста. Такой же рыжій уродъ, какъ и она.

Этельбертъ. Однако, дѣвушки моей родины, да

и въ другихъ странахъ, засматривались на меня, и любая изъ нихъ...

Альгиста. Золотомъ брякнешь,—распутная дѣвка виснетъ на шею.

Этельбертъ. Король, допроси моихъ спутниковъ. Можетъ быть, ты припомнишь ихъ лица.

Король. Вернемся въ нашъ королевскій чертогъ, прочтемъ эту грамоту, разсмотримъ дѣло, и рѣшимъ его по совѣсти. И грозенъ будетъ судъ нашъ для замысливших обманъ.

Уходитъ въ среднюю дверь. За нимъ всѣ, кромѣ Альгисты и Мальгисты.

Мальгиста, (подходя къ дочери). Милая госпожа, иди на свое мѣсто рядомъ съ королемъ. Ничего не бойся.—Не сознавайся.—Король тебя любитъ, и только тебѣ повѣритъ.

Альгиста. Останусь здѣсь. Я устала. И не хочу быть Бертою.

Мальгиста. Что ты говоришь, безумная! И себя, и меня погубишь.

Альгиста. Развѣ я не прекрасна? Развѣ я не была ему вѣрна? Развѣ у меня нѣтъ ему сына? Видѣла ты? Притащили сюда чахлаго выродка, а мой сынъ, мой сынъ—сильный, прекрасный, мой сынъ, о Хильперикъ!

Мальгиста. Видишь, все за тебя, милая дочь моя. Такъ не бойся, иди смѣло, займи свое мѣсто,—король только тебѣ повѣритъ.

Альгиста. Насталъ часъ послѣдняго испытанія. Если онъ меня любитъ, если долгіе дни и сладкія но-

чи насъ навѣки сковали, то онъ меня не отвергнетъ и увѣнчаетъ Альгисту. Иду, открою мое имя.

Мальгиста. Безумная, невозможное ты замыслила.

Альгиста. Иду!

Идетъ къ дверямъ въ залъ. Мальгиста ее удерживаетъ. Краткая борьба.

Альгиста, (кричитъ). Король, я—Альгиста!

Быстро входитъ въ залъ. Мальгиста бѣжитъ за нею (За сценою).

Король. Альгиста?

Шумъ. Отдѣльные возгласы.

Альгиста. Я—Альгиста. Вотъ, Хлодовегъ, я передъ тобою, суди меня, какъ хочешь, казни или миллуй,—но вспомни, вспомни, король, какъ была я тебѣ...

Король. Молчи! Обманщица и рабыня опозорила мое ложе!

Рыцари и дамы. Обманщица! Рабыня! Смерть ей!

Альгиста. Милый король мой Хлодовегъ, я была тебѣ вѣрною женою.

Король. Молчи. Позорной смерти...

Альгиста. Хлодовегъ, милый супругъ мой Хлодовегъ...

Король. Женщины, заставьте ее молчать.

Альгиста глухо вскрикиваетъ. Шумъ, восклицанія. Выдѣляется одинъ голосъ.

Канцлеръ. Замолчите! Король произноситъ свой грозный приговоръ.

Король. Снять съ обманщицы вѣнецъ, ожерелье и одежду королевы. Ты, любезная королева Берта, займи свое мѣсто. Обманщицу позорною и лютою казнить смертію передъ народомъ,—бичу и розгамъ предать, обнаживъ, ея тѣло, и сѣчь до смерти, и тѣло бросить въ ровъ на съѣденіе собакамъ. И мальчишку бить и повѣсить. А мы съ тобою, королева, пойдемъ, и съ высокаго будемъ смотрѣть балкона на ея муки, и слушать ея вопли. Бейте обманщицу!

Заглушенные возгласы Альгисты. Вопли Мальгисты. Смѣхъ. Шумъ. Крики. Шумъ постепенно возрастаетъ. Слышенъ грубый хохотъ. Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки начинаютъ выходить изъ зала. Въ ихъ толпѣ крики.

Рыцари, дамы, пажи, слуги и служанки. Обманщица уличена!

— Это—простая дѣвка Альгиста.

— Съ нея сорвали всѣ уборы и возложили на настоящую королеву.

— Гдѣ ее будутъ наказывать?

— Здѣсь на дворѣ, среди этого народа, который пришелъ смотрѣть на зрѣлище.

— Смотрите, ее уже раздѣваютъ.

— Обманщицу казнятъ сегодня-же.

— Лютою и позорною смертью.

— Ее засѣкутъ до смерти розгами и бичами изъ воловьей кожи.

— И ея мальчишку повѣсятъ.

— Я плюнулъ ей прямо въ глаза!

— Я надавалъ ей пощечинъ!

— На ней одна рубашка, но мы ее сейчасъ сорвемъ.

— Ведутъ, ведутъ!

Изъ дверей зала выводятъ Альгисту. Всѣ толпятся вокругъ нея, хохочутъ, кричатъ, издѣваются. Ее ведутъ по широкой лѣстницѣ внизъ, въ партеръ, гдѣ дверь замка. Сѣни окутываются мракомъ. Слышенъ вопль Мальгисты.

Мальгиста. Добрые люди, добрые люди, спасите дочь мою Альгисту!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же сѣни. Ночь. Слышенъ вой собакъ. Полная луна бросаетъ ясную полосу свѣта на верхнія ступени и на край площадки, оставляя остальное мѣсто въ тѣни. Сѣни сначала пусты. Потомъ по боковой лѣстницѣ медленно поднимается Мальгиста. Несетъ на плечахъ тѣло Альгисты, полунагое, едва прикрытое окровавленною и изорванною одеждою. Положила Альгисту на мѣсто, озаренное луною, сѣла надъ нею, и плачетъ, тихо причитаетъ.

Мальгиста. Дочь моя, дочь моя! Забили, замучили. Долго хлестали безпощадные бичи, и хохотали слуги и мальчишки. И умерла моя Альгиста. И бросили ее въ ровъ замка на съѣденіе собакамъ,—но псы не тронули ея, и выли надъ ея тѣломъ, выли въ тоскѣ надъ тѣломъ ласковой госпожи. И поднималась луна, и выли псы, и тоска моя восходила къ небу.

Плачетъ, точно воетъ. Слышенъ вой собакъ. Мальгиста поднимается тихо, и уходитъ, причитая.

Мальгиста. Къ холодной лунѣ и къ ясному небу восходитъ моя тоска. Воютъ псы, нюхая кровь ласковой госпожи,—и я завою на мѣстѣ, гдѣ въ землю впиталась ея обильно пролитая кровь.

Ушла. Альгиста поднимается, зоветъ.

Альгиста. Спящіе, встаньте!

Все тихо. Альгиста падаетъ. Мальгиста возвращается. Несетъ ребенка. Положила его рядомъ съ Альгистою. Сѣла надъ ними, и плачетъ, причитаетъ.

Мальгиста. И невиннаго не пощадили отрока. Избили, измучили, убили, бросили съ матерью рядомъ. О, Альгиста, Альгиста, дочь моя!

Альгиста приподнимается и вскрикиваетъ.

Альгиста. Спящіе, встаньте!

Мальгиста склоняется надъ нею, спрашиваетъ ее тихо.

Мальгиста. Дочь моя, милая, ты жива?

Альгиста. Въ этотъ страшный часъ только мертвые живы.

За окномъ слышна перекличка часовыхъ. Кто-то поднимается по лѣстницѣ сбоку и заглядываетъ въ сѣни. Замокъ мало-помалу наполняется тихими, все возрастающими, шорохами, шумами.

Мальгиста. Дочь моя, скажи мнѣ,—ты не умерла? ты жива?

Альгиста. Близокъ часъ послѣдняго испытанія.

Мальгиста. Или изъ мертвыхъ встала ты, разбуженная силами ворожащей въ тихомъ небѣ или таинственнымъ шопотомъ блуждающей около ночныхъ распутій?

Альгиста. Смотри,—вотъ два пути,—онъ изберетъ одинъ изъ нихъ. Жива ли я, мертва ли я...

Медленно поднимается, и зоветъ.

Альгиста. Живъ ли ты, мертвъ ли ты, сынъ мой Хильперикъ, встань.

Мальчикъ поднимается. Въ свѣтѣ луны видны блѣдныя лица Альгисты и мальчика, и окровавленныя ихъ одежды. Альгиста обращается лицомъ къ дверямъ, ведущимъ въ королевскую опочивальню, и кричитъ голосомъ громкимъ и дикимъ, наполняющимъ всю громаду зданія.

Альгиста. Спящіе, встаньте!

Въ замкѣ слышенъ шумъ, смятеніе, крики, звонъ оружія. Черезъ сѣни пробѣгаютъ слуги, пажи, рыцари, женщины. Сѣни наполняются смятеннымъ народомъ. Слышны восклицанія.

Слуги и служанки, пажи, рыцари, дамы.
— Кто здѣсь такъ громко кричалъ?
— Что случилось?
— Враги напали?
— Не мертвые ли встали?
— Не трубу ли архангела мы слышали, зовущую на страшный судъ?
— Страшно!
— Дивныя дѣла здѣсь творятся.

— Пролитая кровь вопіетъ къ небу.

— Темно.

— Гдѣ факелы?

Кто-то вноситъ факелъ, потомъ другой, еще и еще. Люди съ факелами безпорядочно мечутся по сѣнямъ. Иные факелы вставлены въ кольца. Люди кричатъ:

— Смотрите, здѣсь Альгиста!

— Замученная королева встала!

— И ея сынъ.

— Горе намъ,—не злое ли совершили мы здѣсь дѣло?

Мальгиста. Горе вамъ,—злое вы совершили здѣсь дѣло, прекрасный вы разбили сосудъ, и многоцѣнное пролили вино.

Возрастающимъ свѣтомъ факеловъ все болѣе освѣщаются сѣни. Альгиста и ея сынъ у края лѣстницы, остальные тѣснятся къ стѣнамъ и колоннамъ. Выходятъ король, Берта и Этельбертъ. Хлодовегъ и Берта едва одѣты, но на головахъ ихъ короны. Въ рукахъ у короля обнаженный мечъ. Шумъ затихаетъ. Всѣ, кромѣ короля, останавливаются неподвижно, молчатъ, и смотрятъ на Альгисту.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, скажи ему сладкія слова любви.

Альгиста. Король, злое ты совершилъ дѣло, но моя любовь тебя прощаетъ. Оставь эту чужую, иди за мною, иди къ жизни свѣтлой и свободной.

Король. Кто ты? И зачѣмъ ты здѣсь? Если ты жива, сокройся отъ нашего праведнаго гнѣва. Если ты отъ мертвыхъ встала, вернись къ своему покою, и живущихъ на землѣ не тревожь ночными явленіями.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, зови его, чтобы онъ шелъ за тобою.

Альгиста. Милый господинъ и супругъ мой Хлодовегъ, я—твоя Альгиста. Я люблю тебя, я пришла къ тебѣ призвать тебя ко мнѣ. Иди ко мнѣ, иди за мною.

Король. Ты меня обманула.

Альгиста. Я была вѣрна тебѣ, я останусь вѣрна тебѣ до конца.

Берта. Король, убей волшебницу.

Альгиста. Хлодовегъ, скажи мнѣ, любилъ ли ты меня?

Король. Любилъ.

Альгиста. Скажи мнѣ, любишь ли ты меня?

Король. Люблю.

Альгиста. Иди же за мною.

Король. Муки ли заслуженной тобою кары помрачили твой разумъ? Или воздвигнутая злыми чарами пришла ты къ намъ? Скажи намъ, кто же ты? полночный призракъ или живая Альгиста?

Берта. Король, зачѣмъ же въ рукѣ твоей мечъ? Вонзи его желѣзо въ злое сердце обманщицы.

Мальгиста. Милая дочь моя Альгиста, очаруй его сладкими словами любви, таинственныя скажи ему заклинанія.

Альгиста. Господинъ мой, къ тебѣ пришла я,—возьми меня такъ, какъ ты самъ хочешь, живою или мертвою. Властію моей безмѣрной любви, силою моихъ нестерпимыхъ мученій, надъ жизнью и надъ смертью торжествующею моею волею купила я у земли и у неба и у темнаго подземнаго міра твое тѣло и твою душу и твою полночную тѣнь. Вотъ, я передъ тобою, едва

жива, едва мертва, дыханіемъ едва дышу, тлѣніемъ едва тлѣю, на страшномъ колеблюсь перекресткѣ, кровь моя въ сырой землѣ, и голосъ мой къ лунѣ ворожащей,—и я зову тебя: иди ко мнѣ, избери нашъ путь къ жизни или смерти по своей волѣ, иди со мною живою, люби меня,—или останься здѣсь, но и здѣсь со мною, съ мертвою мною. Люби меня, господинъ и супругъ, навѣки мой, люби меня.

Король. Обманомъ ты взошла на мое ложе, ты похитила имя и честь королевы.

Берта. Она—чаровница. Скорѣе пронзи ее мечомъ.

Альгиста. Когда ты меня любилъ, когда ты меня ласкалъ, когда ты нѣжныя шепталъ мнѣ слова, что намъ были и блескъ твоей короны, и твоя верховная власть! Не напоила ли я тебя всѣми сладостями любви? Не всякую ли твою радость я прославила свѣтлымъ моимъ веселіемъ? Не всякую ли твою печаль я растворила въ моихъ слезахъ? Не была ли я тебѣ яснымъ небомъ, и прохладною тѣнью, и птицей-щебетуньей, и звонко-лепечущимъ ручьемъ? Мои бѣлыя, мои голыя руки легче королевскаго ложились ожерелья на твои утомленныя плечи. Слаще фалернскаго вина были тебѣ знойные поцѣлуи моихъ алыхъ губъ. Ярче многоцвѣтныхъ алмазовъ и рубиновъ твоей короны сіяли тебѣ мои очи. Не была ли я прекраснѣе всѣхъ королевъ? И не ты ли говорилъ, что я мудрѣйшая изъ женъ, что слова мои падаютъ, какъ золото, на легкій пепелъ рѣчей старѣйшихъ твоихъ вельможъ?

Король. Ты была прекрасна и мудра, и я тебя любилъ. Но минувшее невозвратно. Удались.

Берта. Пронзи мечомъ.

Альгиста. Я не уйду отъ тебя. Мы соединены навѣки тайною силою моей любви.

Король. Вотъ жена моя, королева Берта,—подъ охраною вѣрныхъ въ своей свѣтлицѣ почиваетъ сынъ нашъ и наслѣдникъ Карлъ,—тебѣ и твоему сыну нѣтъ мѣста между нами.

Альгиста. А ты меня любишь?

Король. Люблю.

Альгиста. Такъ пусть останутся здѣсь королева Берта и юный Карлъ. Отдай ему свою корону, иди за мною. Я открою тебѣ счастливый и вольный міръ, я уведу тебя въ долину межъ дальнихъ горъ, гдѣ нѣтъ владыкъ и рабовъ, гдѣ легокъ и сладокъ воздухъ свободы.

Король. Безумны твои рѣчи. Я—король.

Берта. Убей.

Альгиста. Хлодовегъ, твоя судьба въ твоихъ рукахъ. Смотри,—гаснутъ факелы. Слушай,—за окномъ воютъ чуткіе псы, обнюхивая на тонкой дорожной пыли невѣдомый слѣдъ. Смотри, король, какъ все тихо, темно и неподвижно вокругъ тебя. Слышишь,—они молчатъ, и только мои слова падаютъ во тьму передъ тобою.

Король. Безумная, уйди. Пажи, уведите ее.

Всѣ вокругъ короля неподвижны, и смотрятъ на Альгисту.

Альгиста. Здѣсь только я, вся жизнь и вся смерть во мнѣ,—а выборъ твой, Хлодовегъ, мой милый господинъ и супругъ. Приближается послѣдній мигъ. Судьба не ждетъ. Въ послѣдній разъ говорю тебѣ: иди за мною, со мною иди къ жизни, только со мною жизнь,—а тамъ, гдѣ цѣпенѣешь ты, король, въ безуміи своей

короны, въ своей кровавой мантіи, — тамъ смерть. Иди за мною, сними свой вѣнецъ.

Король. Я не пойду за тобою. Я — король. Удались, безумная.

Изъ-за оконъ слышны удары церковнаго колокола.

Альгиста. Часъ насталъ. Хлодовегъ, твой выборъ сдѣланъ. Ты не уйдешь? Нѣтъ?

Король. Нѣтъ.

Мальгиста. Холоднымъ камнемъ среди камней стоитъ онъ передъ тобою, Альгиста. Альгиста, змѣиноокая дочь моя, страшными очаруй его словами, вѣчной обреки его неподвижности.

Альгиста. Холоднымъ камнемъ среди камней стоишь ты передо мною. Каменѣй, король, холоднымъ камнемъ стой, пока не изгложетъ и тебя время.

Альгиста падаетъ у ногъ короля. Ея сынъ падаетъ на ея трупъ. Король и остальные стоятъ неподвижно. Слышенъ безстрастный голосъ:

—Смотрите,—умерла Альгиста, умеръ Хильперикъ. Неутѣшная навѣки надъ ними мать. Смотрите,—окаменѣлъ Хлодовегъ и бывшіе съ нимъ. Смотрите, — они стоятъ, уподобясь изсѣченному изъ камня изваянію. Смотрите,— плоскою картиною становится зрѣлище окаменѣвшей жизни, и меркнетъ луна, и всякій свѣтъ бѣжитъ отъ этого мѣста, и чернымъ облакомъ смерти закрывается громада надменнаго чертога. И вѣрьте,—Смертію побѣждаетъ Любовь, — Любовь и Смерть — одно.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Содержаніе этой трагедіи заимствовано въ общихъ чертахъ изъ преданія о королевѣ Бертѣ Длинноногой, матери Карла Великаго. Имя короля измѣнено съ намѣреніемъ, чтобы оторвать эту трагедію отъ исторіи и даже отъ легенды, которая завязывается нѣсколько иначе и кончается не совсѣмъ такъ, какъ у меня. Вотъ какъ изложена эта легенда въ книгѣ Г. Н. Потанина „Восточные мотивы“, стр. 5—7:

„Французскій король Пепинъ хочетъ жениться; пэры ѣдутъ въ Венгрію, въ городъ Буду, и просятъ у венгерскаго короля его дочь. Король очень польщенъ этимъ сватовствомъ, но боится, что Пепинъ отвергнетъ невѣсту, потому что она уродлива: у нея одна нога больше другой. Однако, пэры, хотя лично убѣдились въ этомъ, остались при прежнемъ рѣшеніи. Родители отпускаютъ дочь съ двумя служанками, старой и молодой; старая — Маргиста, молодая—ея дочь Альгиста. Невѣста принята въ Парижѣ съ почетомъ; наступаетъ ночь, Берта должна итти на брачную постель. Маргиста высказываетъ опасеніе, какъ бы Пепинъ не убилъ ее; Берта смущена, Маргиста согласна послать вмѣсто нея Альгисту, чтобы спасти принцессу.

Берта проводитъ ночь въ комнатѣ Маргисты, а утромъ крадется въ королевскую спальню, чтобы незамѣтно для короля смѣнить Альгисту. При ея входѣ Альгиста наноситъ себѣ рану ножомъ, и обвиняетъ Берту въ желаніи убить ее. Король, принимающій Альгисту за Берту, возмущенъ и велитъ казнить мнимую Альгисту. Берта отвезена въ лѣсъ и заблудилась въ немъ... Она долго бродитъ по лѣсу, наконецъ, выходитъ къ дому мельника и поселяется у него. Король живетъ съ Альгистой, не подозрѣвая обмана, и приживаетъ съ ней двухъ сыновей. Родители Берты надумались посѣтить свою дочь, пріѣзжаютъ въ Парижъ и видятъ на мѣстѣ королевы Альгисту. Венгерскій король подозрѣваетъ, что подмѣна сдѣлана по волѣ самого Пепина, хочетъ вернуться въ Венгрію, чтобы притти вновь съ войскомъ и наказать Пепина, но Пепинъ уговариваетъ тестя передъ отъѣздомъ съѣздить на охоту. На охотѣ Пепинъ заблудился и очутился въ домѣ мельника, у котораго жила Берта и у котораго были двѣ дочери. Вечеромъ Пепинъ проситъ мельника, чтобы онъ прислалъ ему на ночь одну изъ трехъ своихъ дѣвицъ. Мельникъ предоставилъ ему Берту; онъ устроилъ королю ночное ложе въ телѣгѣ, прикрытой листьями... Тутъ Берта разсказала королю, кто она и какъ очутилась у мельника. По большой ногѣ Пепинъ убѣдился, что это была настоящая Берта, а та, которую онъ принималъ за Берту, фальшивая. Онъ беретъ Берту въ Парижъ, дѣлаетъ ее королевой, казнитъ ложную Берту и примиряется съ родителями настоящей. Отъ настоящей Берты родится сынъ, который потому, что зачатъ въ телѣгѣ, или потому, что родился въ телѣгѣ, названъ Charro mano, это Карлъ.

ДАРЪ МУДРЫХЪ ПЧЕЛЪ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ОТЪ АВТОРА.

Статья Ѳ. Ф. Зѣлинскаго „Античная Ленора“ дала мнѣ мысль написать эту трагедію. На ту же тему есть трагедія И. Ѳ. Анненскаго „Лаодамія“ (Сборникъ Сѣверная Рѣчь СПБ. 1906).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Лаодамія, жена царя Протесилая.

Мойра-Афродита, богиня, движущая міры и волнующая сердца.

Аидъ, богъ подземнаго міра.

Персефона, богиня, супруга его.

Гермесъ, богъ.

Протесилай, царь Өессалійскаго города Филаки.

Акастъ, отецъ Лаодаміи, царь Іолка.

Лисиппъ, юноша-ваятель.

Нисса, рабыня.

Антимъ, рабъ.

Вѣстникъ.

Сатиръ.

Эосъ, румяная заря.

Лета, адская рѣка.

Нимфа рѣки Леты.

Змѣя.

Эхо.
Хоръ, дающій голосъ множеству и природѣ.
Подруги царицы, жены вельможъ.
Жены и Дѣвы.
Народъ.
Ночныя Колдуньи.
Тѣни Умершихъ.
Оры, пролетающія мгновенія.
Подземные боги.
Голоса волнъ, камышей, цвѣтовъ въ царствѣ Аида.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

У темныхъ, но широкихъ воротъ въ царство Аида плещутся тяжелыя волны Леты. Шелеститъ камышъ, и шелестъ его иногда слагается въ слова, и другія порою доносятся темныя рѣчи. Печальное мѣсто, лишенное яснаго неба и свѣтлой дали. Все туманно и мглисто, все кажется плоскимъ и неподвижнымъ, словно является тѣнью на экранѣ.

Освѣщеніе пепельно-сѣрое; изрѣдка надъ говорящими вспыхиваютъ яркіе фіолетовые лучи, неколеблющійся, неживой свѣтъ закованной, заколдованной молніи. Изъ челна Харона на берегъ Леты выходитъ блѣдный рой вновь умершихъ. Тѣни предковъ встрѣчаютъ ихъ. Тѣ и другіе движутся медленно, и движенія ихъ кажутся расчлененными на рядъ неподвижныхъ позъ.

Тѣни Предковъ. Привѣтъ вамъ, милыя тѣни. Въ мірѣ навѣки законченныхъ дѣяній и вамъ есть мѣсто, и ваша доля утѣшеній ожидаетъ васъ.

Вновь Пришедшіе. Пройдя смертныя томитель-

ныя муки, покинувъ печальную землю, мы на челнѣ молчаливаго Харона тѣшили себя надеждою за мрачно-шумными волнами Леты найти на этихъ берегахъ вѣчное забвеніе скорби.

Шумныя Волны Леты. Забвеніе, забвеніе, въ нашихъ волнахъ вѣчное пейте забвеніе. Мы объ одномъ, лишь объ одномъ поемъ, плещась объ адскій берегъ, —о забвеніи, о вѣчномъ забвеніи шумная наша рѣчь.

Становится темнѣе.

Вновь Пришедшіе. Какъ забыть? Слышимъ, тяжкіе раздаются стоны изъ мрачной глубины, намъ на встрѣчу. Неужели и здѣсь, какъ на землѣ, царствуетъ горе?

Шелестъ Камышей на берегахъ Леты. Мы смѣемся, мы шумимъ, мы говоримъ о забвеніи, о забвеніи, о вѣчномъ забвеніи.

Вновь Пришедшіе. Мы слышимъ вопли и стоны, вѣщающіе скорбь. Что дастъ намъ Аидъ въ замѣну утраченныхъ нами радостей мгновенныхъ переживаній? Чѣмъ утѣшатъ насъ его широко-прохладныя сѣни?

Тѣни Предковъ. Персефона тоскуетъ въ многоколонномъ чертогѣ супруга своего, царя Аида, тоскуетъ и плачетъ, и не хочетъ утѣшиться. О невозвратномъ, о невозможномъ тоскуетъ она, и нѣтъ для нея утѣшенія. Только недолгое усмиреніе скорби приноситъ ей краткая и сладкая радость вешнихъ возстановленій.

Цвѣты на берегахъ Леты. Мы цвѣтемъ, отцвѣтаемъ, зацвѣтаемъ опять, опять, всегда,—цвѣты вѣчные, не рождающіе, и ароматъ нашъ, томный, влажный,

мертвый ароматъ нашъ—забвеніе, забвеніе, вѣчное забвеніе.

Вспыхиваютъ молніи.

Тѣни Предковъ. Отъ золотой осени до невинно-зеленѣющей весны тоскуетъ Персефона, тоскуетъ и плачетъ, пока не дойдетъ до ада благостная вѣсть о пробужденіи матери Деметры, о сладкомъ, буйномъ возстаніи Діониса.

Лета. И сладчайшія имена тонутъ въ моихъ шумныхъ волнахъ, тонутъ въ забвеніи, въ забвеніи, въ вѣчномъ забвеніи. Сладчайшее забудется имя, вожделѣннѣйшій погрузится образъ въ забвеніе, въ забвеніе въ вѣчное забвеніе.

Мгновенныя молніи.

Тѣни Предковъ. Вопли менадъ низойдутъ къ намъ, и усыпляютъ скорбь Персефоны, и тогда замираютъ стенанія на ея устахъ. Гермесъ приноситъ ей бѣлые, нѣжные, едва только раскрывшіеся первоцвѣты, и она плачетъ сладко, и смѣется нѣжно и звонко, и недолгою радуется радостью. Но легкимъ полетомъ быстро промчатся улыбающіяся златокудрому Фебу отрадныя Оры,—и несетъ Гермесъ Персефонѣ осенніе златоцвѣты, пышные, но пониклые и печальные, —и затоскуетъ опять Персефона, и утѣшные краткіе миги тонутъ въ шумной, мрачной Летѣ.

Темнѣетъ еще болѣе.

Нимфа въ Камышахъ Леты. Я ныряю, я играю зыбкими улыбками, ожемчуженными въ мрачной глубинѣ. Вѣчный шелестъ, безконечный надо мною. Вол-

ны полны чѣмъ-то преходящимъ. Жемчугъ тусклый,— были слезы. Я не знаю. Я играю.

Вновь Пришедшіе. Сколь многіе годы промчались, и все еще Персефона не хочетъ утѣшиться! О, великіе боги! Или и вѣчность не истощаетъ вашихъ мірообъемлющихъ печалей?

Мракъ сгущается.

Тѣни Предковъ. Познайте, вступающіе въ великое царство подземнаго бога Аида,—вы входите въ міръ, гдѣ все неизмѣнно во-вѣки,—и радость, и скорбь.

Вновь Пришедшіе. Ужасное слово—во-вѣки.

Шелестъ Камышей. Доколѣ не распадутся чары великой богини, равняющей горы и долы и низводящей тѣни въ адъ. Доколѣ не придетъ послѣдній, и несокрушимый воздвигнется мостъ.

Мгновенныя молніи.

Далекій Вопль Прометея. Расторгну оковы, —и ты погибнешь, неправедный.

Вновь Пришедшіе. Чей вопль доносится къ намъ? Не голосъ-ли это страдающаго бога?

Шелестъ Камышей. Прикованный Прометей грозитъ богамъ свѣтлаго Олимпа.

Змѣя. Боги трепещутъ, но смѣются.

Тѣни умершихъ удаляются. Сцена тонетъ въ непроглядномъ мракѣ. Слышенъ затихающій плескъ Леты. Внезапная молнія разрѣзываетъ мракъ,—и черная завѣса раздвигается, открывая темный чертогъ Аида. На

престолѣ— Аидъ, и рядомъ съ нимъ Персефона. Угрюмо и мрачно лицо Аида, и весь онъ туманный и елезримый. Приготовлена трапеза. Подземные боги безмолвно предстоятъ царю и царицѣ.

Аидъ. Тоскуешь и плачешь, милая супруга! Не осушая глазъ, плачешь. Или сладки тебѣ слезы? Мнѣ, познавшему конецъ всякаго страданія и всякой радости и этимъ познаніемъ утвердившему мою державу, мнѣ, богу отжившаго, забавны стоны скорби,—но тебя, возлюбленная супруга, мнѣ жаль. Что можетъ сравниться со скорбью богини?

Персефона. Только адъ полонъ моими стонами, —не омраченъ златокудрый метатель стрѣлъ. Только адъ, озаренный безрадостными созвѣздіями неподвижныхъ молній, рождаемыхъ вѣчнымъ треніемъ янтарныхъ смолъ, только адъ слышитъ мои стенанія.

Аидъ. О, Персефона! ты, дѣлящая со мною власть надъ всѣмъ, что было, что жило, что перешло въ вѣчное нѣтъ для жизни неизмѣнной во-вѣки,— о чемъ ты можешь тосковать? Непонятна мнѣ тоска твоя,—къ зыбкимъ, къ невѣрнымъ переживаніямъ обращены твои желанія, къ поспѣшнымъ утвержденіямъ надъ безднами міровой пустыни.

Персефона. Здѣсь, гдѣ въ мертвомъ свѣтѣ мертвыхъ смолъ блѣдныя проходятъ передо мною тѣни, и ни единаго не вижу милаго лика, кого я встрѣчу? Кому скажу привѣтъ и сладостное ДА жизни? Кому покличу: желанный, милый! явись мнѣ нынѣ, сойди ко мнѣ?

Аидъ. Неисчислимо населеніе моего царства,—

призови кого хочешь, возведи къ себѣ, утѣшь себя, какъ пожелаешь.

Персефона. Я ли утѣшусь призраками и блѣдными тѣнями? На то ли мнѣ величіе богини?

Аидъ. И если хочешь, призови, кого хочешь, изъ Зевесова свѣтлаго міра,—къ тебѣ придетъ всякій, чье имя скажетъ твой нѣжный и сладостный голосъ.

Персефона. Увы! мрачною скорбью овѣяно мое смутное сердце,—только мертвые, только мертвые приходятъ къ намъ изъ-подъ милаго Зевесова полога,—съ золотыхъ полей, взлелѣянныхъ моею тоскующею матерью.

Змѣя. Низойдетъ и Онъ.

Персефона. И если Онъ нисходитъ, желанный, нисходитъ онъ безъ Гиметскаго сладкаго меда,—только воскъ—его бѣлыя руки, и въ померкшихъ очахъ его скорбь.

Змѣя. Выпью свѣтъ очей.

Аидъ. Къ намъ приходятъ всѣ,—отъ насъ же никто не найдетъ дороги.

Тихій Шелестъ Камышей. Возстанетъ, воскреснетъ.

Аидъ. Добромъ и зломъ взвѣшены и раздѣлены человѣческія дѣянія, добро и зло многія и разныя строятъ дороги. Но всѣ земныя дороги приходятъ въ нашу вѣчную область. Всякое сказываніе жизни встрѣчаетъ свое окаменяющее нѣтъ, и влечется имъ къ берегамъ Леты. Всякій, кто въ отвѣтъ первому искусителю сказалъ когда-то: Да, хочу жить!—кончаетъ свой путь у того столба при входѣ въ мои чертоги, на которомъ я начерталъ вѣчное слово: Нѣтъ возврата.

Эхо. Нѣтъ возврата.

Тихій Шелестъ Камышей, (какъ отзвукъ эха) —Возврата.

Далекій Вопль Прометея. Расторгну узы,— погибнешь, погибнешь, неправедный! Зажгу огни, которыхъ ты не погасишь.

Персефона. Всѣ къ намъ приходятъ... Какъ домой, приходятъ всѣ... Но скроешь-ли отъ меня скорбную истину? Приходятъ всѣ неволею.

Эхо. Неволею.

Тихій Шелестъ Камышей, (какъ отзвукъ эха) Волею.

Аидъ. Отъ береговъ, гдѣ плещетъ Лета, я слышу хриплый, вѣщательный крикъ,—адскіе вороны кричатъ, вѣщая о томъ, что придутъ многіе, герои и воины, падшіе въ славныхъ бояхъ за прекрасную Елену.

Персефона. За бѣдный призракъ красоты, за измѣнчивую земную личину небесной очаровательницы. О, счастіе земного безумія! О, счастливые! о, неразумные! устремились за нею, а быстрый вѣтеръ умчалъ далеко, въ страну иную, и похитителя, и его добычу. И не похитителя радуетъ добыча.

Аидъ. Стремящійся творитъ самъ свои цѣли. Стрѣла ранитъ вонзаясь, хотя бы и ошибся глазъ мечущаго стрѣлы.

Персефона. Изъ-за призрака, изъ-за блѣдной тѣни стали призраками и подъ вѣчную сѣнь сошли мужи, полные доблестей и силы. О, злосчастный родъ людской! О, безумное своеволіе Айсы! Не истощивъ своей злобы надъ людьми, и надъ богами простерлась ты, страшная Тѣнь! Надъ богами царящая Ананке, зачѣмъ, зачѣмъ навѣки скорбію омрачила ты сердце мое?

Аидъ. Пойми, какъ противорѣчивы помыслы и желанія твои, Персефона.

Персефона. О, да! Иначе какъ бы не найти имъ воплощенія? Увы! въ зыбкое море измѣнчивости брошены земныя утвержденія.

Аидъ. Нынѣ, Персефона, какъ и прежде, согласно завѣту гостепріимства, достойнаго царскаго чертога, предложимъ доблестнымъ пришельцамъ раздѣлить нашу трапезу.

Персефона. Я встану съ моего темнаго, съ моего пышнаго ложа, я сниму мою тяжелую діадему и царскую мою багряницу, я пойду имъ навстрѣчу, я омою усталыя ноги бѣднымъ героямъ, я поклонюсь вѣчной мукѣ высокаго стремленія къ призрачной, недостижимой цѣли. Они хотѣли, они посмѣли.

Аидъ. Ты—богиня и царица. Къ чему твой трудъ и униженіе? Уже и то имъ будетъ великою честью, что ты склонишь къ нимъ божественный взоръ, и они утѣшатъ тебя земною своею и грубою рѣчью. Склониться-же передъ ними ты не можешь.

Персефона. Утѣшатъ. Увы! Они только разскажутъ, только вспомнятъ, только повторятъ. Они мертвые, какъ мое вѣчное въ скорби сердце,—сладкое упоеніе предчувствій не взволнуетъ ихъ крови. Мертвы, и слова ихъ—блѣдныя тѣни свершенныхъ и несвершенныхъ дѣлъ.

Вновь пришедшіе (входя въ чертогъ). Привѣтствуемъ тебя, великій обладатель и господинъ нашъ Аидъ. Отнынѣ и во-вѣки мы въ твоей власти. И тебѣ привѣтъ, гостепріимная богиня, опечаленная царица Персефона.

Аидъ. Подъявшіе труды, свершившіе подвиги,

исполнившіе тяжкіе завѣты жизни, пожелавшіе, достигшіе или отвергнутые, и перешедшіе Летійскія шумныя волны,—приблизьтесь, займите мѣста за нашимъ царскимъ столомъ, раздѣлите съ нами нашу святую и божественную трапезу.

Тѣни вновь пришедшихъ заняли мѣста за царскимъ столомъ. Протесилай противъ Персефоны. Мертвое ликованіе.

Персефона (Протесилаю). Милый гость, повѣдай намъ, кто ты, и откуда, и почему ты печаленъ.

Протесилай. Я — Протесилай, сынъ Ификла, царь Филаки. Черезъ мрачную Лету принесъ я печаль о милой моей Лаодаміи. На призывъ доблестнаго царя Агамемнона поспѣшилъ я съ моею ратью къ стѣнамъ далекой Трои.

Персефона. Зачѣмъ?

Протесилай. Мы вознамѣрились отомстить дерзкому похитителю прекрасной Елены и возвратить ее въ ея домъ, ея мужу, царю Менелаю.

Персефона. Милый гость, тщетнымъ желаніемъ горѣло сердце ваше, за призракомъ устремились ваши доблестныя рати. Похититель не сохранитъ своей добычи, но не вернуть, никогда не вернуть того, что похищено.

Протесилай. Отъ живущихъ на землѣ сокрыты велѣнія судьбы. Но долгъ царя и воина повелѣлъ мнѣ итти туда, куда устремились и всѣ ахейскія рати. Оставивъ недостроенный мой домъ, разставшись съ милымъ другомъ моимъ Лисиппомъ и послѣ первой брачной ночи покинувъ мою возлюбленную жену

Лаодамію, я ввѣрилъ мою жизнь вѣтрамъ и морю, и жребію битвъ.

Персефона. И ты увидѣлъ стѣны Трои? повергъ врага рѣшительнымъ ударомъ?

Протесилай. О, царица! прельщенный громкимъ зовомъ славы, я первый вышелъ изъ корабля на берегъ, и первый былъ убитъ дарданцемъ. И не увижу моей Лаодаміи.

Персефона. Милый герой, утѣшься питіями и яствами подземнаго міра.

Протесилай. Разлука съ милою Лаодаміею омрачаетъ мое сердце,—а ты, великая царица міра, въ который сойдутъ всѣ, насладившіеся свѣтомъ солнца, скажи мнѣ, отчего скорбію омрачены твои взоры.

Персефона. Милый гость съ милой земли, открою тебѣ печаль моего сердца,—грустно мнѣ, о золотыхъ тоскую я стрѣлахъ, и о миломъ, вожделѣнномъ мнѣ. Не веселитъ меня власть надъ этимъ великимъ міромъ, ни многообразіе утѣшеній, которыя непрерывно предстаютъ очамъ моимъ въ образѣ переходящихъ въ неизмѣнную вѣчность сладостныхъ мгновеній жизни,—ничто не радуетъ меня.

Протесилай. Славная царица, супруга великаго и могущественнаго владыки, въ чьей власти всѣ мы, свершившіе подвиги и труды жизни,—тебѣ-ли печалиться? ты-ли въ чемъ чувствуешь ущербъ или недостатокъ? Всегда получающая, все сохраняющая, ничего не отдающая, ты, и міродержавнымъ Мойрамъ страшная,—ты-ли тоскуешь?

Персефона. Взгляни передъ собою,—что видишь?

Протесилай. Обильную вижу, взоры и обоняніе

услаждающую пищу, и многія вина, источающія благоуханія, манящія къ себѣ жаждущія уста.

Персефона. Милый гость, познай истину, одну изъ многихъ, открываемыхъ за завѣсами восторга силою обличающей противорѣчія міра Ироніи,—познай эту истину: мертвое вино и мертвыя яства на моемъ столѣ.

Протесилай. Царица, какъ понять мнѣ тебя? Неужели ты хотѣла-бы разрывать живую плоть и пить живую кровь изъ теплаго тѣла? Дикіе люди и великіе боги одни-ли и тѣ-же имѣютъ вожделѣнія?

Персефона. Улыбаешься, милый гость, и не понимаешь меня. А тебѣ-ли меня не понимать? Или такъ быстро смерть отнимаетъ память о сладкихъ трепетахъ жизни? Но и ты вкушалъ нектаръ заревыхъ росъ съ амврозіею созрѣвшихъ плодовъ.

Темнѣетъ постепенно, и къ концу дѣйствія адъ окутывается мракомъ. Голоса звучатъ глуше, и вся сцена кажется исчезающимъ во мракѣ сномъ.

Протесилай. Никогда не забуду. О, милая Лаодамія!

Змѣя. Нѣтъ забвенія? Нѣтъ забвенія!

Эхо. Забвенія.

Персефона. О, живое вино человѣческой жизни, проливаемое въ изобиліи!

Тѣни Умершихъ. Мы страдали.

Персефона. О, живая снѣдь человѣческой плоти!

Тѣни Умершихъ. Мы хотѣли.

Персефона. О, тѣло, земное, пронизанное солнцемъ!

Тѣни Умершихъ. Мы любили.

Персефона. Мойры, жестокія, какую ткань вы мнѣ ткете!

Тѣни Умершихъ. Мы свершили весь нашъ путь. Не ждемъ ни радости, ни печали.

Персефона. О, златокудрый, рождающій мудрыхъ пчелъ! Какъ золотыя стрѣлы, жужжатъ золотыя пчелы. И сладостный въ земныхъ цвѣтеніяхъ для пчелъ благоухаетъ медъ.

Протесилай. Вздыхая о златокудромъ метателѣ стрѣлъ и о золотыхъ, его свѣтлою мудростью упоенныхъ пчелахъ, ты, великая царица, забыла тающій отъ огня даръ мудрыхъ пчелъ,—воскъ. Какъ воскъ, таютъ личины. Персефона, видишь-ли ты Ликъ?

Три черныя завѣсы мрака закрываютъ адъ, означая конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ Ѳессалійскомъ городѣ Филакѣ, въ царскомъ чертогѣ, еще не совсѣмъ достроенномъ, царица Лаодамія тоскуетъ въ разлукѣ со своимъ мужемъ, царемъ Протесилаемъ, еще не зная объ его смерти. Раннее утро. Царица только-что пробудилась. Еще не одѣта. Рабыня Нисса убираетъ ея косы, и говоритъ притворно-ласково утѣшныя слова.

Нисса. Не плачь, госпожа, не плачь, милая. Смотри въ окно,—какъ свѣжи и зелены платаны! какое ясное небо! какіе цвѣты красуются передъ царскимъ чертогомъ! Слушай, какъ звонко стрекочутъ цикады,

таясь въ травѣ, какъ медленно и ровно жужжатъ золотыя пчелы, вѣчныя работницы, собирая сладкій медъ и мягкій воскъ.

Лаодамія (глядитъ отуманеннымъ взоромъ, и говоритъ, причитаетъ).—Налетѣли на меня, окружили меня темныя пчелы печали, изжалили онѣ мое сердце, соты горькаго меда скопили въ немъ, злыя,— и таетъ мое сердце, какъ таетъ воскъ.

Нисса. Милая царица, да посиди ты спокойно хоть немного. И мнѣ-то съ тобою горе,—не мѣшай ты мнѣ заплести твои черныя косы, убрать ихъ осыпанными утреннею росою цвѣтами, которые такъ сладко пахнутъ, а потомъ покрою твою голову золотымъ вѣнцомъ на багряномъ пурпурѣ.

Лаодамія. Тоскую о моемъ миломъ, о доблестномъ Протесилаѣ. Горькою мукою полно мое бѣдное сердце,—горькій медъ злыхъ пчелъ!—и помыслы мои черны,—вѣщія птицы кружатъ и кричатъ, и пророчатъ, черными махая крыльями. И какъ же не плакать мнѣ, злосчастной, женѣ одинокой, оставленной!

Нисса. Утѣшься, милая госпожа,—разлука передъ свиданіемъ, слезы передъ смѣхомъ, горе передъ счастіемъ,—такъ установила судьба, такъ всегда бываетъ въ жизни свободныхъ и повелѣвающихъ.

Лаодамія. Что-же мнѣ моя бѣдная свобода? Вотъ, я и царица,—но что-же мнѣ? Какое мнѣ въ этомъ утѣшеніе? Мой милый далеко, а я одна. О, зачѣмъ я не послѣдовала за нимъ!

Нисса. Ужъ такъ повелось, госпожа,—не идутъ жены воевать. Говорятъ, есть царство амазонокъ, да вѣдь то у варваровъ,—а у насъ бы засмѣяли воительницъ.

Лаодамія. Жестокая участь жены! сидѣть дома, тосковать и печалиться, вѣтру повѣрять слова скорби.

Нисса. И подругамъ, госпожа.

Лаодамія. Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный, милый гость, всюду желанный, донеси къ возлюбленному моему Протесилаю мои горькія воздыханія, и слова мои нѣжныя!

Нисса (надѣваетъ на Лаодамію діадему, и говоритъ).—Такъ всегда было, такъ и будетъ,—воины сражаются далеко, жены устраиваютъ домъ, а рабы и рабыни имъ служатъ. Зато, вернется милый изъ похода,—то-то у нихъ будетъ радости!

Лаодамія. А если его ранятъ? Онъ—самый храбрый, въ самую жестокую бросится онъ сѣчу.

Нисса (склонившись передъ царицею, обуваетъ ее, и говоритъ).—Царя защитятъ его воины, да и на царѣ крѣпкіе доспѣхи,—и шлемъ оперенный, далеко блещущій, и твердый щитъ, и латы, и поножи защищаютъ все его тѣло.

Лаодамія. А если свирѣпый врагъ обрушитъ на его щитъ жестокій ударъ, и разобьетъ щитъ и латы, и разсѣчетъ своимъ варварскимъ мечомъ или проткнетъ своимъ ужаснымъ копьемъ тѣло милаго моего Протесилая? Или лукавая стрѣла, съ тонкимъ визгомъ, выбравъ среди доспѣховъ случайно незащищенное мѣсто, вонзитъ свое злое остріе въ тѣло милаго моего Протесилая.

Нисса. Раны—честь герою.

Лаодамія. О, Протесилай! Раны твоего тѣла,—раны въ моемъ сердцѣ. Не отъ того-ли горитъ, горитъ мое сердце? Мое бѣдное сердце!

Нисса (надѣвая на Лаодамію багряный хитонъ,

говоритъ).—Каждому судьба дала свою долю печали. Но не надо предаваться скорби. Ты—царица. Вотъ придутъ подруги твои, филакійскихъ вельможъ почтенныя жены,—съ ними утѣшься, какъ пристойно, пѣніемъ, играми. разумною бесѣдою, изобильною трапезою.

Лаодамія. Онъ, возлюбленный мой, терпитъ труды и лишенія, а ты надѣла на меня, проворная, такъ, что я и не замѣтила, золотомъ шитую багряницу, и золотую діадему, и богато изукрашенныя сандаліи. Увы мнѣ, женѣ оставленной, одинокой! одеждою скорби надлежитъ мнѣ покрыться, совлечь, совлечь съ себя все это, украшенное и блещущее.

Нисса. Ой, милая царица, печалью не накликать-бы тебѣ на царя нашего бѣду! Какъ снимешь ты вѣнецъ? ты—его супруга, и боги сочетали васъ навѣки. На тебѣ вѣнецъ, а на немъ—шеломъ. Если скорбь скинетъ съ тебя вѣнецъ, бойся, не сбросила бы завистливая, темная, вѣчно-подстерегающая, шеломъ съ его чела!

Лаодамія. А и правду говоришь ты, Нисса. Вотъ вѣдь какая я глупая! Печаль отуманила мои мысли. Такъ, намъ, вступившимъ на высокій царскій путь, не снять, не снять этой свернувшейся на головѣ золотой змѣи.

Нисса. Да, царица, нельзя снять. Но это не змѣя,—этотъ вѣнецъ обозначаетъ стѣны огражденія. Увѣнчанный царь защищаетъ свой городъ.

Лаодамія. Такъ, не сниму золотого обруча съ головы,—чешуйчатой змѣи огражденія не трону. Жми, жги мою голову, золото, скованное молотомъ во знаменіе высокаго пути, обольстительная золотая змѣя

власти,—жги, жаль, пей мою кровь, пей свѣтъ моихъ очей! Но эту багряницу ты унеси,—она красная, на ней кровь. Кровь, кровь краситъ царскія багряницы.

Нисса. Сильный въ браняхъ—царь. Не убьетъ,—не надѣнетъ вѣнца. Такъ искони повелось, царица, и въ далекихъ вѣкахъ не будетъ иначе.

Лаодамія, (сбрасываетъ багряный хитонъ).—Не хочу крови. Унеси багряницу. Надѣну шерстяной хитонъ.

Нисса. Тѣло такое нѣжное, кожа такая тонкая,—неужели эту надѣнешь грубую одежду, царица?

Лаодамія. Мой милый терпитъ труды и усталость,—пусть они падутъ и на мои плечи. И унеси эти сандаліи.

Наклоняясь, снимаетъ сандаліи.

Нисса. Хоть ихъ оставь себѣ, госпожа.

Лаодамія. Нѣтъ, брось, брось ихъ въ огонь. Не пойду на пути веселія, пока не вернется изъ страны далекой мой милый. Съ далекаго востока привезетъ мнѣ Протесилай царскія одежды и богато вышитые башмаки. А нынѣ обнаженными приникну къ землѣ стопами, да услышу подъ ногами содроганіе земли отъ далекаго грохота колесницъ.

Нисса (надѣвая на Лаодамію шерстяной хитонъ).—Хорошо, царица, исполню, что хочешь. Вы, могучіе и свободные, въ знакъ скорби можете принять и рабскій обликъ,—только бы одно осталось знаменованіе власти, въ діадемѣ золотой или хотя въ мгновенныхъ молніяхъ потупленнаго взора. А намъ, несущимъ легкій удѣлъ рабства, чѣмъ-бы ознаменовать свою скорбь? Или и самое тѣло испепелить на кострѣ?

Лаодамія. Взошла бы я на костеръ, пепломъ сбросила бы тяготѣющую землю моего тѣла. Легкою, очищенною въ пламени тѣнью скользнула бы къ моему милому, обняла бы его, приникла бы къ нему.

Нисса. Говорятъ, что македонскія старухи-колдуньи умѣютъ дѣлать такія страшныя дѣла.

Лаодамія. Какъ пламенны поцѣлуи моего милаго! Какъ пламенны и сладки! Какъ нѣжны его ласки! О, пусть бы инымъ героямъ оставила судьба битвы и славу, а моему Протесилаю—только любовь.

Нисса. Какъ не пожалѣешь тебя, милая госпожа! Только одну ночь была ты въ его объятіяхъ. Едва минула сладкая брачная ночь, уже покинулъ тебя царь Протесилай,—спѣшилъ, чтобы не изъ послѣднихъ быть ему на полѣ битвы.

Лаодамія. Стыдно мнѣ, Нисса, но скажу тебѣ,—раньше свадьбы, не свершивъ жертвоприношеній, приходила я къ моему милому, въ его неоконченный домъ, тайно ускоряя мое счастіе,—потому-что я ревновала Протесилая къ сладкорѣчивому отроку Лисиппу, который изваялъ изъ воска такъ много дивныхъ статуй.

Нисса. Не тужи объ этомъ, милая царица,—пусть гнѣвъ Геры ты навлекла на себя, но зато заслужила ты милость Афродиты, и Афродита утѣшитъ тебя въ печаляхъ, и защититъ тебя отъ мстительной богини.

Лаодамія. Боюсь, что и Афродита не сжалится надо мною. Гнѣваются на насъ обѣ великія немилосердныя богини,—раньше брачнаго обряда познала я, самовольная, сладкое счастіе любви, и прогнѣвала этимъ Геру, а небесная Афродита гнѣвается на Протесилая за его былое влеченіе къ черноокому, прекрас-

ному другу его Лисиппу. Увы мнѣ, женѣ одноночной, мгновенной, оставленной, неутѣшной!

Нисса. Госпожа, говорятъ въ Филакѣ, что Лисиппъ вылѣпилъ изъ воска статую царя Протесилая. Дивно похожъ царь, точно живой. Говорятъ, что даже смотрѣть страшно. Не повелишь-ли мнѣ, госпожа, сказать Лисиппу, чтобы показалъ онъ тебѣ эту статую? Можетъ быть, онъ и продастъ ее тебѣ. Ты бы утѣшилась, глядя на изображеніе милаго.

Лаодамія долго молчитъ.

Нисса. Прости, милая царица.

Лаодамія. Благодарю тебя, Нисса. Да, сходи къ Лисиппу, скажи, что царица хочетъ увидѣть его. Пусть придетъ ко мнѣ Лисиппъ передъ закатомъ докучнаго дневного свѣтила.

Къ царицѣ Лаодаміи приходятъ ея подруги, жены филакскихъ вельможъ. Нисса уходитъ.

Подруги. Здравствуй, милая царица, госпожа Лаодамія. Мы встали рано утромъ, одѣлись поспѣшно, сошлись у водоема, надъ которымъ сидя, весело смѣется изваянный юнымъ Лисиппомъ молодой сатиръ, и пришли къ тебѣ съ благоуханными цвѣтами, — видишь, еще вьется надъ этою розою золотая пчела, и жужжитъ, — пришли съ утѣшными рѣчами, съ веселыми пѣснями.

Лаодамія. Привѣтъ вамъ, дорогія подруги! Сколько цвѣтовъ принесли вы для меня, неутѣшной!

Подруги. Но что же? Бѣдная одежда на тебѣ, и только діадема, высокій знакъ власти, на смоляночерныхъ кудряхъ твоихъ, Лаодамія. Или слишкомъ рано

мы пришли, и помѣшали тебѣ облечься въ одежды, приличныя царицѣ?

Лаодамія. Я рада, что вы пришли ко мнѣ, мои милыя подруги. Обнимите меня, поцѣлуйте меня.

Подруги (цѣлуя Лаодамію). Отчего же ты такъ печальна, такъ уныло смотришь и такъ тихо говоришь? Гдѣ твоя багряница, шитая золотомъ, и твои богато изукрашенныя сандаліи? Зачѣмъ эта смиренная одежда? Царицѣ ли носить ее хотя и во дни скорби и печали?

Лаодамія. Мой милый далеко, мой Протесилай.

Подруги. Не печалься милая царица, не тужи, не затмевай яснаго взора частыми слезами, не стѣсняй высокой груди глубокими вздохами. Минуетъ тяжкое время разлуки съ возлюбленнымъ твоимъ супругомъ, вернется онъ, прославленный и свѣтлый, ты радостно обнимешь героя, а мы будемъ громко и весело славить его и тебя, и говорить: „вотъ Лаодамія, царица наша, жена царя Протесилая, покрывшаго себя великою славою въ войнѣ съ троянцами“.

Лаодамія. Милыя мои подруги, благодарю васъ за ваши утѣшныя слова, — прямо отъ сердца идутъ они. Но не знаю, сможете ли вы, милыя, утѣшить меня. А жажду я утѣшенія. Мы, бѣдныя женщины, какъ дѣти, — насъ бы утѣшали да ласкали. Но кто и какъ меня утѣшитъ? Какой страшный сонъ приснился мнѣ нынче ночью!

Подруги. Разскажи намъ, милая Лаодамія, разскажи твой сонъ. Мы любимъ слушать разсказы о снахъ, и разгадывать любимъ, къ добру они или къ худу.

Лаодамія. Слушайте, милыя, я разскажу вамъ сонъ мой, — но что разгадывать его? Увы, ясенъ его страшный смыслъ!

Подруги. Старые люди говорятъ, что и прозрачныя воды бываютъ глубоки.

Лаодамія. Нынче ночью видѣла я во снѣ моего Протесилая. Темны были очи его, и лицо его было покрыто мглою. Увы мнѣ! оставилъ онъ меня, неутѣшную.

Плачетъ. Подруги обступили ее, и ласкаютъ.

Подруги. Лаодамія, не плачь, милая, — доскажи намъ твой сонъ. Что же сказалъ тебѣ царь Протесилай?

Лаодамія. Видѣла я, что пришелъ ко мнѣ мой Протесилай въ окровавленной и изорванной одеждѣ. Прости, Лаодамія,—сказалъ онъ мнѣ,—неумолимая увлекаетъ меня въ царство Аида. Оскорбленная мною нѣкогда Афродита, — говорилъ мнѣ Протесилай, — направила вражье копье въ мою грудь, и предала меня въ руки неумолимой. Такъ говорилъ мнѣ мой Протесилай, несносною терзая скорбію мое бѣдное сердце.

Подруги. А ты, милая царица, что ты отвѣтила ему?

Лаодамія. Обливаясь горькими слезами, я сказала:—О, Протесилай, мы будемъ вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ,—сказала я;—повсюду за тобою, за тобою, Протесилай, и въ самый адъ,—такъ сказала я,—послѣдуетъ твоя Лаодамія. И я поспѣшно подошла къ нему, чтобы обнять его,—но уже его не было, и только милый голосъ его прозвучалъ издалека, — прости, Лаодамія,— услышала я, и проснулась, обливаясь горячими слезами. Золотыя пчелы жужжали за моимъ окномъ, жужжали, и золотыя стрѣлы свѣтлокудраго Феба упали на мое плечо, и пчелы темныя, злыя жалили мое

сердце, и ныло отъ боли мое сердце, — соты горькаго меда,—и я плакала, плакала неутѣшно.

Подруги. Теперь-то не плачь, милая,—а то и мы, глядя на тебя, заплачемъ, еще ничего не зная,—и какъ мы тогда тебя утѣшимъ? А можетъ быть, еще и не о чемъ плакать. Можетъ быть, мелкими и злыми демонами недостроеннаго дома внушенъ тебѣ этотъ сонъ. Бываютъ-же,—говорятъ старые люди,—такіе сны, которые и не могутъ сбыться,—только опечалить, только смутить человѣка хотятъ враждебные демоны, но не имѣютъ силы исполнить свои темныя угрозы.

Лаодамія. Ахъ, милыя! я слышала голосъ моего Протесилая. Мнѣ-ли не узнать его? Онъ самъ приходилъ ко мнѣ, онъ прощался со мною. Зачѣмъ онъ прощался? Когда тѣло его неподвижно лежало на сыромъ пескѣ, зачѣмъ онъ приходилъ ко мнѣ легкою тѣнью, ночнымъ призракомъ? Зачѣмъ сказалъ мнѣ: - прости, Лаодамія? Можетъ быть, его... можетъ быть, онъ забылъ меня для другой, которая понравилась ему больше?

Подруги. О, милая Лаодамія, какъ можетъ молодой мужъ такъ скоро забыть свою жену, съ которою онъ провелъ только одну ночь.

Лаодамія. Одну ночь! Увы!

Подруги. И на кого онъ тебя промѣняетъ? Ты прекрасна, какъ обитательница свѣтлаго Олимпа, и хорошо, что Парисъ миновалъ Филаку.

Лаодамія. Тамъ, на далекомъ востокѣ, цвѣтутъ, можетъ быть, розы пышнѣе и благоуханнѣе нашихъ. Пышно-одѣтыя красавицы, въ діамантовыхъ діадемахъ, въ жемчужныхъ ожерельяхъ, въ золотыхъ запястьяхъ, обольстятъ его лукавыми своими улыбками, призыв-

ными своими рѣчами, варварскою пышностью своихъ смуглыхъ тѣлъ. Забылъ онъ меня, забылъ меня, оставленную здѣсь, и самъ наслаждается любовью въ краю далекомъ и отрадномъ. Злыя разлучницы! ихъ ласки безстыдны, ихъ глаза обманчиво-нѣжны. Изъ-за блудницы оставили воины родной край, за бѣглою женою устремились,—и чужія прелестницы обольстятъ ихъ.

Подруги. Не думай такъ, милая Лаодамія,—не забудетъ тебя Протесилай для заморской красавицы. Варварскія лица не любы эллину, варварскій обычай противенъ ему.

Лаодамія. Ахъ, милыя, говорю,—и сама не вѣрю. Мой Протесилай меня не забудетъ, мнѣ не измѣнитъ. А можетъ быть, она, вѣщунья сладкая, по ночамъ таинственно-ворожащая подъ луною, увела его на свой темный лугъ, зачертила его въ свой волшебный кругъ, опоила его полуночнымъ зеліемъ, обольстила его чародѣйнымъ веселіемъ... Увы мнѣ, женѣ оставленной, неутѣшной!

Подруги. Утѣшься, милая наша царица,—сама придумываешь ты для себя скорби, которыхъ нѣтъ, сама напрасною мукою терзаешь свое сердце.

Лаодамія. И зачѣмъ, изъ-за чего пошли они въ такой далекій и трудный путь! Блудницу прославить и увѣнчать, призракъ воплотить, медомъ жизни напоить бѣглую тѣнь,—о, безумные!

Подруги. Высокому безумію—слава.

Лаодамія. Зачѣмъ, зачѣмъ слава, омытая въ крови? Мнѣ нужна любовь.

Съ шумомъ и плачемъ въ чертогъ быстро входятъ жены, дѣвы, дѣти, старцы,—вельможи и народъ, и съ ними Нисса.

Жены и Дѣвы. Царица Лаодамія! Вѣстникъ, посланный вождями нашего войска, пришелъ и принесъ тебѣ, царица, и городу вѣсти. Одежда его въ пыли, истомленъ великою онъ усталостью, и нерадостенъ его мутный взоръ. Боимся, что многія печали возвѣститъ онъ тебѣ, царица, и намъ.

Лаодамія. Протесилая моего убили! Чуяло мое сердце!

Вѣстникъ (входитъ и обращается къ царицѣ).—Царица Лаодамія, тебѣ и городу возвѣстить великую скорбь посланъ я нынѣ вождями.

Лаодамія. Протесилая моего убили!

Вѣстникъ. Царица, ты знаешь, что долго стояли мы въ Авлидѣ, и вѣтра не было. И знаешь ты про смерть Ифигеніи, и про то, какъ мы покинули Авлиду. Путь былъ труденъ, и велики раздоры среди вождей, и море бурно. Но всѣ корабли пришли къ троянскимъ берегамъ. Тогда мы вспомнили слова вѣщателя.

Лаодамія. Несносный вѣстникъ, не томи меня долгимъ разсказомъ. Протесилай мой,—что съ нимъ? Скажи мнѣ, что онъ живъ.

Вѣстникъ. Царица, дѣло вѣстника—разсказать по порядку все, что ему велѣли передать вожди, и все, что онъ самъ видѣлъ.

Лаодамія. Ни слова не дамъ сказать тебѣ ранѣе, чѣмъ возвѣстишь мнѣ, живъ-ли Протесилай.

Вѣстникъ. Узнай-же, царица,—царь Протесилай убитъ. Первый вышелъ онъ изъ корабля на берегъ вражеской земли, и сбылось предвѣщаніе,—царь Протесилай первый палъ, пораженный копьемъ дарданца.

Жены и дѣвы. О горе, великое горе! Бѣдная Лаодамія, плачь, плачь, подыми вопль до неба,—воплями

и воздыханіями утоми черное горе, утѣшь своими слезами мстительныхъ богинь.

Лаодамія. Первый палъ! Такъ, злая, торопилась ты умертвить моего милаго, съ неумолимою поспѣшностью нанесла ты мнѣ ударъ. Иди, злой вѣстникъ, я не хочу ни видѣть, ни слышать тебя. Иди, иди,—говори другимъ о битвѣ, о геройствѣ, о доблестяхъ павшихъ и о славѣ побѣдившихъ,—мой Протесилай убитъ.

Вѣстникъ. Царица, царь Протесилай убитъ, но войско наше подошло къ стѣнамъ Трои.

Лаодамія. Вѣстникъ и народъ,—идите отсюда на городскую площадь,—ты, вѣстникъ, говори народу все, что надлежитъ, все, что ты знаешь, а я останусь одна съ моимъ горемъ.

Подруги. О, бѣдная царица! какую горькую долю далъ тебѣ немилосердный рокъ! Мы узнаемъ отъ вѣстника о нашихъ мужьяхъ и сыновьяхъ, и потомъ придемъ къ тебѣ утѣшать тебя или плакать вмѣстѣ съ тобою.

Вѣстникъ, жены и народъ уходятъ.

Нисса. А меня, госпожа, не гони,—мнѣ слушать не о комъ,—посижу надъ тобою, распростертою на ложѣ, вѣя надъ тобою опахаломъ.

Лаодамія. О, горе мнѣ! Не самая-ли я несчастная изъ женъ? Едва обняла мужа,—и нѣтъ его,—мстительныя, злыя, чуждыя человѣку силы умертвили радость мою. О, злая семья верховныхъ!

Нисса. Боги требуютъ покорности отъ людей, какъ господа отъ рабовъ.

Лаодамія. Обольстила его призрачная, призракомъ манила моего Протесилая, въ царство тѣней лег-

кимъ призракомъ заманила его. Такъ поспѣшно, такъ страстно сорвали мы нѣжный цвѣтъ, между ласками отрока и ударомъ дарданца насладились мы его мгновеннымъ благоуханіемъ, — и гдѣ-же ты, счастіе наше? Увы мнѣ, женѣ покинутой, неутѣшной! Вы, неправедные боги! Или и вовсе недоступны чертоги ваши? О, трепещите,—проклятія горячимъ пепломъ упадутъ на головы ваши! Возстанетъ изъ земного праха мужъ, который отвѣтитъ стрѣлой на стрѣлу, ударомъ на ударъ.

Нисса. Ударомъ на ударъ!

Стало темно, и неясными являются очертанія предметовъ. Сонною мглою окутывается ложе Лаодаміи. Нисса тихо отходитъ, и Лаодамія медленно исчезаетъ во мглѣ. Афродита во образѣ старухи,—повторяя лицомъ и одеждою аспектъ рабыни Ниссы,—является и говоритъ Лисиппу, остановившемуся снаружи, за дверью:

Афродита. Сюда иди за мною, Лисиппъ,—зачѣмъ ты колеблешься на порогѣ? Уже обѣщалъ ты мнѣ, что отдашь эту статую бѣдной Лаодаміи. Не жалѣй дивно изваяннаго воска,—Лаодамію пожалѣй, утѣшь ее дивнымъ даромъ.

Входитъ Лисиппъ. Онъ несетъ завернутую въ полотно статую, держа ее поперекъ тѣла. Афродита поддерживаетъ. Ставятъ закутаннаго идола у порога.

Лисиппъ. Хитрая старуха, куда ты меня привела? И донынѣ я не пойму, зачѣмъ ты хочешь, чтобы я отдалъ Лаодаміи статую друга моего Протесилая. Для себя лѣпилъ я изъ воска образъ моего милаго,—нѣжною памятью возсоздалъ я дорогія черты. Ей-ли, жадной до счастія, очаровавшей друга моего, отдамъ

я то, что великою радостью, растворенною въ печали, волновало мое сердце!

Афродита. Милый отрокъ, уже конченъ споръ нашъ. Лаодаміи, Лаодаміи дивный даръ мудрыхъ пчелъ,—я такъ хочу.

Лисиппъ. Жалостью отравила ты мое сердце, печаль мою о другѣ моемъ растворила ты въ сожалѣніи къ женѣ Протесилая. Кто-же ты, коварная?

Афродита. Я—неустанно зовущая.

Свѣтелъ становится обликъ дивной богини,—и подъ старческими чертами сквозитъ величіе небесной красоты. И Лисиппъ, трепеща отъ внезапнаго восторга, склоняется къ стопамъ богини.

Лисиппъ. Узнаю, узнаю тебя, великая богиня! Хотя ты и обличіе старой рабыни приняла, но узнаю тебя, дивная, изъ морской пѣны рожденная Афродита, небесная очаровательница.

Афродита. Чуждый мнѣ обликъ я приняла,—но ты, милый отрокъ, исполнилъ мою волю, хотя и рабынею тебѣ возвѣщенную.

Лисиппъ. Хвалятъ меня за мои изваянія и въ Филакѣ, и далече окрестъ,—но еще ни разу не удавалось мнѣ вылѣпить такой прекрасной статуи, какъ эта, и такъ искусно ее раскрасить. Окончилъ я утѣшный мой трудъ,—и самъ ужаснулся сходству ея съ моимъ милымъ Протесилаемъ. И нынѣ понялъ я, дивная очаровательница,—твое въ этомъ чародѣйство.

Афродита. Такъ, милый отрокъ,—человѣкъ творитъ, но только боги чаруютъ.

Лисиппъ. Говорятъ въ Филакѣ, что твоимъ гнѣвомъ пораженъ царь.

Афродита. Первыя брачныя ласки, святыя объятія онъ прервалъ,—и навлекъ на себя мой гнѣвъ.

Лисиппъ. А нынѣ, богиня, что же ты замыслила? Уже умеръ царь,—или и царицу новою казнью ты хочешь поразить, чарами этого дивнаго изображенія?

Афродита. Не мщеніе и не награду замыслила я. Мы, боги, иныя знаемъ вожделѣнія, недоступныя смертнымъ, и высокія ставимъ себѣ цѣли, выше человѣка, выше бога, въ ту область, гдѣ царитъ верховная Ананке-Айса. Воздвигну умершаго, надъ смертію вознесу чары мои, обаяніемъ моимъ расторгну плѣнъ Протесилая и власть незримаго бога.

Лисиппъ. Онъ, другъ мой, великою упоенный любовію, нынѣ покоится во владѣніяхъ тихаго Загрея.

Афродита. Расторгну, расторгну я узы смерти. Мною движутся міры.

Лисиппъ. Богиня, говорятъ старцы, что міры не ты движешь, великая движетъ ихъ мать Мойръ, державная Ананке.

Афродита. Смѣшно, когда отроки судятъ и рядятъ о богахъ. Я—любовь, я—роковая, я—Афродита-Мойра. Безрадостно и пустынно томился древній Хаосъ, и не было ничего въ мірѣ явленій, и вѣчныя тосковали матери въ довременной своей могилѣ, скованныя ледянымъ сномъ. Но въ холодномъ сердцѣ Хаоса, которому даютъ мудрецы имя Логоса, возникла Я. И умирая умеръ безсильный, истлѣла безумно-искаженная личина, и проснулись вѣчныя, и зажглись неисчислимыя молніи изволеній и устремленій. И все, что было въ творчествѣ божескомъ и человѣческомъ, все изъ Моего изникло святого лона, все мною рождено, все во Мнѣ только дышитъ, все устремляется

Мною и ко Мнѣ. Только Я, только Я,—люби Меня, милый юноша,—въ каждомъ земномъ прельщеніи открывай Мои черты, въ каждомъ очарованіи сладостной жизни узнавай Мой зовъ. Люби Меня.

Лаодамія выходитъ изъ мрака, объявшаго ея ложе, и тихимъ голосомъ говоритъ:

Лаодамія. Ты пришелъ, Лисиппъ? Я ждала тебя. Нисса, уйди.

Афродита опять принимаетъ образъ старухи. Что-то бормочетъ, и уходитъ.

Лаодамія. Лисиппъ, говорятъ въ Филакѣ, что ты и мертвыя черты дѣлаешь живыми,—чародѣй ты, милый ваятель! О, если бы ты взялъ меня, какъ воскъ, какъ мягкій воскъ, и изъ воска, изъ мягкаго воска изваялъ бы Иную!

Лисиппъ. Царица,—тебѣ невольный даръ принесъ я нынѣ. Для себя лѣпилъ я статую,—но дивная, движущая мірами, повелѣла мнѣ отдать ее тебѣ.

Снимаетъ покровъ со статуи,—и видно изображеніе Протесилая, дивно изваянное изъ воска, и раскрашенное искусно. Лаодамія молча смотритъ. Заплакала.

Лисиппъ. Лаодамія, ты плачешь?

Лаодамія. Какъ страшно! Точно живой.

Лисиппъ. Страшно! Какъ странно!

Лаодамія. Если онъ такъ похожъ,—о, Лисиппъ, что-же онъ не молвитъ слова? А если онъ заговоритъ?

Лисиппъ. Оставлю тебѣ твоего Протесилая, а самъ уйду. Утѣшься, царица, смотри на милыя черты.

Лисиппъ уходитъ.

Лаодамія. Увы, слабыя руки человѣка, безсильное искусство земного творца! Этотъ воскъ—милый даръ, такъ страшно-похожій на моего Протесилая. Но у моего Протесилая сладкая рѣчь,—ты, милый кумиръ, молчишь. У моего Протесилая пламенный взоръ,—а ты, милый кумиръ, глядишь, и не видишь. Не видишь, не слышишь. А можетъ быть! О, безумная надежда! Умолить, умолить незримаго бога ты, милый кумиръ, помоги мнѣ. Или я безумна? Или благимъ ко мнѣ демономъ внушена мнѣ надежда, и неложныя чары въ тебѣ, о милый даръ мудрыхъ пчелъ?

Входитъ Афродита въ образѣ старухи. Лаодамія принимаетъ ее за Ниссу.

Лаодамія. Подойди ко мнѣ, посмотри на этотъ милый кумиръ.

Афродита. Это—Протесилай.

Лаодамія. Изъ воска вылѣпилъ его Лисиппъ. Смотри, какъ искусно онъ вылѣпилъ этотъ милый кумиръ.

Афродита. Для всѣхъ—воскъ, для тебя—утѣшительный даръ, твой Протесилай. Долгія ночи онъ будетъ твой. И насладишься, насладишься ласками и нѣгой. Долгія ночи онъ будетъ въ твоихъ объятіяхъ, какъ живой, и какъ живого ты будешь ласкать его.

Лаодамія. Воскъ растаетъ.

Афродита. И съ воскомъ, въ блаженномъ восторгѣ забвенія, истаетъ твое тѣло, и непорочная Психея придетъ въ объятія Небеснаго Жениха.

Лаодамія. Въ мірѣ мертвыхъ, въ царствѣ Аида Протесилай.

Афродита. Въ царствѣ Аида только тѣнь Протесилая,—а онъ, свѣтлокудрый, правитъ путь въ небесахъ, и свѣтлыя на встрѣчу ему, и Ты.

Лаодамія. Утѣшительна, утѣшительна твоя сладкая рѣчь. За Ниссу приняла я тебя,—но горьки тихія рѣчи моей Ниссы, - а твоя рѣчь—Гиметскій медъ, и даръ твой—милый воскъ,—а кто-же ты?

Афродита. Мірами владѣющая, первая изъ верховныхъ Мойръ, тебя, Лаодамія, обрекла я на великій восторгъ любви, побѣждающей Смерть. Сожгу тебя, сожгу въ блаженномъ пламени страданія и Любви.

Лаодамія. Вся душа моя въ этомъ воскѣ. И душа моя—твоя, Протесилай.

Сцена закрывается завѣсою ночного мрака.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Садъ передъ чертогомъ Лаодаміи. Вечерѣетъ. Входитъ Акастъ. Останавливается у порога.

Акастъ. Приди ко мнѣ, Лаодамія, выслушай утѣшныя мои слова.

Выходитъ Лаодамія, въ одеждѣ печальной и бѣдной, босая. Лицо ея блѣдно, она истомлена горемъ и страстью, на губахъ ея странная улыбка, и глаза ея смотрятъ, словно не видятъ предметовъ.

Акастъ. Милая дочь моя, Лаодамія, да будетъ

краткою твоя скорбь. Настало время тебѣ утѣшиться, а мнѣ опять на тебя радоваться. Вотъ, пришелъ я возвѣстить тебѣ великую радость.

Лаодамія. Нѣтъ уже для меня радости на землѣ. Кровожадный Оместесъ пожралъ мою радость, похитилъ для своей забавы свѣтъ моихъ очей. Нѣтъ мнѣ радости на землѣ, доколѣ не вернетъ мнѣ Аидъ моего Протесилая. Но неумолимы, неумолимы подземные великіе боги, и всякое божество навѣки враждебно самовольной радости человѣка, дерзко взятому имъ счастію. Не радоваться намъ, доколѣ царитъ надъ міромъ жестокая верховная семья.

Акастъ. Не говори о божествѣ словъ нечестивыхъ. Каждый день Геліосъ восходитъ въ торжественный, высокій путь,—каждый день расточаетъ онъ землѣ нашей новыя радости. Новаго мужа нашелъ я для тебя, моя красавица.

Лаодамія. Зачѣмъ?

Акастъ. Развѣ ты сама не понимаешь, что надлежитъ намъ смирить гнѣвъ оскорбленной тобою Геры?

Лаодамія. Не сжалится, жестокая. И отъ нея мнѣ ничего не надо. Не ея стану я молить, склоняясь къ ногамъ милаго моего кумира.

Акастъ. Дѣтей у тебя нѣтъ, недостроенъ стоитъ домъ Протесилая, ничто не связываетъ тебя съ памятью царя-героя. Протагору отдамъ я тебя въ жены.

Лаодамія. Отецъ, зачѣмъ ты это замыслилъ?

Акастъ. Почтенный Протагоръ, мужъ опытный и разумный, достроитъ домъ Протесилая, и будетъ царемъ въ Филакѣ, потому что угоденъ онъ богамъ, старѣйшинамъ и народу.

Лаодамія. Меня бы спросили!

Акастъ. Завтра быть свадьбѣ. Такова моя воля,— а ты, милая моя дочь, должна хорошо знать свойство моей воли,—ей надо покориться, хочешь или не хочешь.

Лаодамія. Знаю я, отецъ, непреклонность твоей воли. А ты знаешь ли силу моей любви? Любовь моя сильнѣе всякой земной силы. Не буду женой Протагора, ничьею женою не могу быть, не хочу быть ничьею женою.

Акастъ. Удивляюсь, Лаодамія, твоему упрямству. Впрочемъ, женщины и всѣ таковы. Онѣ хотятъ, чтобы ихъ долго уговаривали, и потомъ повлекли силою. И тогда онѣ сами довольны. Скажи мнѣ, почему ты не хочешь быть женою Протагора.

Лаодамія. Люблю Протесилая, Протесилая моего.

Акастъ. Нѣтъ въ мірѣ живыхъ твоего Протесилая.

Лаодамія. Люблю Протесилая.

Акастъ. Безумная! Пойми, что его нѣтъ.

Лаодамія. Нѣтъ? Кто это знаетъ! Есть, нѣтъ,— не все ли равно! Я хочу.

Акастъ. Вижу, что не переспорить мнѣ тебя. Уйду, а ты готовься къ свадьбѣ. Не пойдешь сама, повлечу силою.

Лаодамія. Подожди, отецъ. Злое ты замыслилъ. Какъ мнѣ уговорить тебя? Да и не надо. Пусть свершится воля твоя. Моя воля—только моя воля. Или ты думаешь, что моя воля—ничто? Но пусть... Дай мнѣ только три дня,—свершить таинственные обряды, и послѣднія очистительныя принести жертвы, да умилостивлю темнаго Загрея.

Акастъ. Три дня, такъ и быть, еще помедлю. А потомъ быть свадьбѣ. Уже агора шумными голосами

множества привѣтствовала возвѣщенное ей мною избраніе твое, и на вопросъ старѣйшинъ: „быть ли царемъ второму супругу царицы Лаодаміи, почтенному Протагору?“ возгласила громоподобнымъ крикомъ: да.

Лаодамія (грустно улыбаясь).—Боги отняли моего милаго, люди ведутъ ко мнѣ другого,—а я? Аида и Персефону сладкими умолю мольбами, непреодолимою силою небесной очаровательницы. И возстанетъ мой милый.

Уходитъ. Жены филакскихъ вельможъ, подруги Лаодаміи, въ праздничныхъ нарядахъ, радостно шумною толпою пришли и говорятъ Акасту.

Подруги. Радуйся, милый царь Акастъ. Твоя дочь, наша возлюбленная царица, послѣ краткой скорби вдовства, снова вкуситъ удѣлъ брачнаго счастія. Долго плакала бѣдная Лаодамія, цѣлые дни ея тяжкіе стоны и пронзительные вопли томили насъ великою печалью, и многія проливали мы слезы, глядя, какъ тоскуетъ царица. И только съ приближеніемъ ночи милая Лаодамія затихала, и улыбалась сквозь слезы, и утѣшительнаго ждала сна,—словно милаго ея супруга,—а на утро опять вставала блѣдная и усталая, точно сонъ и не смыкалъ ея очей, и снова рыдала неутѣшно. Но ты подумалъ о томъ, чтобы Лаодамію утѣшить да и намъ дать царя,—и скоро мы на свѣтломъ возликуемъ праздникѣ. Надлежитъ почтить печалью умершихъ,—но не любятъ свѣтлые боги долгихъ рыданій. Сладки утѣхи брачныхъ ночей,—и угодны онѣ олимпійскимъ богинямъ.

Акастъ. Красно говорите вы, милыя, а вотъ мнѣ съ моею глупою горе: не радуетъ ее вѣсть о свадьбѣ, плачетъ, не осушая глазъ, не хочетъ утѣшиться. Боюсь,

что силою придется влечь ее къ алтарю. Ужъ вы побесѣдуйте съ нею. Уговорите вы ее, неразумную.

Подруги. Ты не печалься ни о чемъ, благородный Акастъ,—мы скажемъ ей всѣ, какія знаемъ, утѣшныя слова. Нельзя же ей не поплакать о первомъ ея миломъ. И второй мужъ за это еще крѣпче ее полюбитъ,—скажетъ: привязчива. Скажетъ: такъ-то и по мнѣ будетъ Лаодамія тосковать, если я раньше ея умру.

Акастъ уходитъ. Одна изъ подругъ подходитъ къ двери. Зоветъ.

Подруга. Милая Лаодамія, выйди къ намъ, побесѣдуй съ нами. Оставь темный и скучный теремъ.

Лаодамія. Грустно мнѣ.

Подруги. Идетъ.

Стали безмолвно, и съ любопытствомъ смотрятъ на дверь. И выходитъ къ нимъ Лаодамія, въ одеждѣ печальной и бѣдной, босая, склоняя туманные взоры, не глядя на милыхъ подругъ. Онѣ разступаются, и она тихо входитъ въ ихъ нарядно-пестрый кругъ. Слушаетъ ихъ рѣчи. Молчитъ. И утѣшаютъ ее подруги. Говорятъ ей ласково.

Подруги. Не плачь, милая Лаодамія, не плачь. Довольно плакать. Уже не одну глубокую наполнилъ чашу Собирающій слезы, уже не мало оросилъ онъ ими цвѣтниковъ на туманныхъ поляхъ во владѣніяхъ Аида. Не вернешь рыданіями и воплями почившаго героя,—только сердце томишь, только свѣтъ отъ очей твоихъ черныхъ слезами застишь,—милыя щеки горькою влагою мочишь.

Лаодамія. Какъ не плакать мнѣ о моемъ Протесилаѣ!

Подруги. Вѣчною вѣнчанный славою, онъ умеръ смертью героя. Въ далекихъ вѣкахъ не изгладится изъ памяти потомковъ его славное имя. Тебѣ ли о немъ печалиться.

Лаодамія. Пустая слава, призракъ жизни, сказка, сладкая для буйныхъ мальчишекъ, любящихъ драку,—что мнѣ въ ней?

Подруги. Не услышитъ твоихъ стоновъ Протесилай. А если и перенесетъ какой-нибудь шаловливый невѣдомый маленькій богъ черезъ Летійскія волны твои свирѣльные вздохи, улыбнется имъ Протесилай, обитающій нынѣ въ царствѣ успокоенныхъ тѣней и свершенныхъ дѣяній.

Лаодамія. О, если бы онъ услышалъ!

Подруги. Подумай, Лаодамія, какое счастіе посылаютъ боги тебѣ въ замѣнъ утраченнаго. Новый мужъ утѣшитъ тебя, неутѣшную,—по тебѣ онъ станетъ у насъ царемъ,—какая тебѣ честь будетъ отъ царя и отъ народа!

Лаодамія (улыбаясь).—Милыя подруги, воистину мудры ваши рѣчи, сладостны ваши утѣшенія, и совѣтовъ вашихъ нельзя отвергнуть. Такъ, милыя, забуду всю скорбь мою, сброшу все, что было моимъ, стану совсѣмъ иною. И уже не будетъ, не будетъ стонущей о героѣ Протесилаѣ Лаодаміи, будетъ царица, правящая домомъ и хозяйствомъ благоразумнаго Протагора.

Подруги. Благо рѣшеніе твое, милая царица, и слова твои радуютъ насъ. И если ты сама такъ рѣшила, то уже близка свадьба. Сними же трауръ, надѣнь нарядъ приличный.

Лаодамія. А нынѣ жду ночи. О, какъ нетерпѣливо жду ночи! И когда настанетъ она,—хочу очиститься отъ погребальныхъ воздыханій обрядомъ таинственнымъ и утѣшнымъ. Восторга хочу, уносящаго душу.

Подруги. И мы будемъ съ тобою, милая царица, и сдѣлаемъ все, чего ты захочешь.

Темнѣетъ. Становится прохладно.

Лаодамія. Ты, ночь, слаще дня и радостнѣе. Когда приходитъ съ тобою чарующая, та, которой боятся глупыя дѣти, та, имени которой не назову,—и, можетъ быть, не знаю,—уже давно заснули шумныя пчелы, и на горней дорогѣ улеглась, наконецъ, послѣдняя мерцающая пыль, яркими брызгами взлетавшая изъ-подъ копытъ дивныхъ коней, изъ-подъ колесъ быстробѣгущей колесницы, на которой мчался онъ, златокудрый, далеко разящій и смѣющійся богъ.

Небо синѣетъ. Зажигаются звѣзды.

Лаодамія. И такая утѣшительная пришла она, блуждающая около распутій,—тихая? безмолвная? да? нѣтъ? Тихая, тихая, прильнула, смѣется и сбросила легкотканную одежду, и мчится въ чародѣйной пляскѣ, и буйнымъ воплемъ будитъ ожидающихъ ночного восторга.

Уходитъ въ домъ. За нею идутъ подруги. Входящія въ чертогъ, одна за другою, однообразнымъ и привычнымъ движеніемъ, опираясь одною рукою о притолку двери, снимаютъ другою рукою сандаліи. Нѣсколько женщинъ замедлили на порогѣ. Бесѣдуютъ межъ собою. Засмо-

трѣлись въ двери, сблизились, положили руки на плечи подругъ.

Одна. Что тамъ дѣлаетъ Лаодамія?

Другая. Тяжелый занавѣсъ полуоткрытъ, и за нимъ видна крытая зеленью бесѣдка.

Третья. Восковой въ ней стоитъ кумиръ, вѣнчанный плющемъ.

Четвертая. Этотъ восковой кумиръ, очертанія лица котораго намъ смутно видны изъ-подъ осѣненія плюща, скажи, кто онъ? Не Діониса-ли онъ изображаетъ?

Снимаютъ сандаліи, входятъ въ чертогъ. Въ саду одна Нисса. Въ чертогѣ зажигаются огни. Слышно пѣніе, шумъ пляски, звуки флейты, кифары, кимваловъ, бубна. Дали темнѣютъ и туманятся. Ночная мгла медленно надвигается.

Лаодамія, въ домѣ.

Строфа I.

Ночь за ночью пролетала.
Много было ихъ иль мало,—
Бога, друга я искала,
Я нашла, и обнимала
Милый воскъ высокихъ плечъ.
И отъ сладостныхъ лобзаній,
Отъ ночныхъ очарованій
Я-ль должна мечты отвлечь?

Хоръ подругъ.

Антистрофа I.

Оры быстро пролетаютъ,
Тѣни меркнутъ, тѣни таютъ,

Взоры странные сверкаютъ,—
Боги тайное свершаютъ,—
И таинственную рѣчь
Я въ смущеньи услыхала.
Съ кѣмъ царица почивала?
Съ кѣмъ опять должна возлечь?

Строфа II.

Гостя ждетъ царица наша,
Ждетъ она.
Вотъ наполненная чаша
Сладкопѣннаго вина.
Встрѣчу радостнымъ желаньямъ
Предъ царицей станетъ онъ,
Съ ней полночнымъ заклинаньемъ
Обрученъ.

Антистрофа II.

Гость ночной тихонько станетъ
На порогъ.
Онъ на плачущую глянетъ.
Кто же онъ? герой иль богъ?
Или силою заклятья
Воскъ недвижный оживетъ
И въ царицыны объятья
Упадетъ?

Нисса. Для госпожи мой флейты играютъ, кимвалы гудятъ, тайно вѣнчается она съ возставшимъ Загреемъ.

Изъ ночного тумана выходятъ, справа и слѣва, ночныя колдуньи, въ свѣтло-сѣрыхъ одеждахъ, босыя. Въ саду

сплетаются въ хороводъ, поютъ и пляшутъ, сначала медленно, потомъ ускоряя темпъ.

Ночныя колдуньи.

На перекресткахъ мы ворожимъ.
Тамъ стелется туманъ, какъ дымъ.
Все зыблемо, и все намъ явлено,
Что дивною навѣкъ предуставлено.
Мы знаемъ и не знаемъ, что явитъ день,—
Мы гадаемъ и видимъ только тѣнь.
Но когда восходитъ ворожащая,
Въ туманную полночь не спящая,
Мы радостно мчимся вокругъ темныхъ могилъ,—
Мы знаемъ восторгъ невѣдомыхъ силъ.

Нѣкоторыя изъ подругъ выходятъ въ садъ; ночныя колдуньи разбиваютъ свой кругъ; то входятъ въ чертогъ, то выходятъ изъ него; смѣшиваются съ подругами, поютъ и пляшутъ вмѣстѣ.

Хоръ подругъ и ночныхъ колдуній.

Строфа III.

Сходятъ мертвые къ Аиду.
Ихъ пріемлетъ Персефона.
Въ полночь на распутье выду,
Кличу, кличу: Персефона!
Ты, царица съ темнымъ ликомъ,
Плачешь, сердце къ намъ склоняя.
Мы ночныя,
Молимъ въ таинствѣ великомъ:
Дай Лаодаміи,
Дай Протесилая.

Антистрофа III.

Невозвратно то, что было,—
Но печальна Персефона.
Я надъ воскомъ ворожила,
Тихо клича: Персефона!
Ты, предѣлъ земныхъ желаній,
Плачешь, сердцемъ холодѣя.
Мы, ночныя,
Молимъ въ часъ очарованій:
Дай Лаодаміи
Обнимать Загрея.

Нисса. Пламенныя очи менадъ, ихъ пляска и пѣніе восторгомъ, восторгомъ напоили госпожу. Что-же я одна стою? Пойду, вмѣшаюсь въ безумный кругъ,— о, если бы умереть въ легкомъ и свободномъ бѣгѣ!

Нисса входитъ въ чертогъ.

Хоръ въ чертогѣ.

Строфа IV.

Самъ сковалъ Загрей
Чары адскаго порога.
Но сковать-ли бога?
Самъ расторгшій чары
У дверей.
Звонъ кифары
Славитъ бога,—
Діонисъ—Загрей!

Хоръ въ саду.

Антистрофа IV.

Діонисъ воскресъ!
Вотъ стоитъ онъ у порога.
Слышимъ голосъ бога.
Паръ восходитъ тонкій
До небесъ.
Пѣсней звонкой
Славимъ бога,—
Діонисъ воскресъ!

Пляшущія жены шумною толпою выбѣгаютъ въ садъ. Между ними Лаодамія. Образуютъ хороводъ, сплетаясь въ широкій кругъ.

Хоръ.

Строфа V.

Кругъ свивайте, развивайте,
Становитесь, сестры, въ кругъ,
Заплетайте, заплетайте
Кругъ прекрасныхъ рукъ!
Умеръ кто-то или ожилъ,
Засіялъ или померкъ,
Ликованья-ли умножилъ,
Воплемъ сердце-ль растревожилъ,
Утѣшенья-ли отвергъ,—
Надо всѣмъ колеблютъ боги
Пѣсню бурную отрадъ,
Окрыляя пляской ноги
Съ воплемъ мчащихся менадъ.

Хороводъ разрывается въ двухъ мѣстахъ; пляшущія движутся двумя змѣеобразными лентами, отъ которыхъ сначала одна обѣгаетъ вкругъ чертога, потомъ другая скрывается въ туманномъ полѣ и опять выбѣгаетъ.

Антистрофа V.

Торжествующій надъ страхомъ,
Одолѣвшій ярость мукъ,
О, пускай внезапнымъ взмахомъ
Разорвется кругъ!
Міръ дневной въ восторгѣ тонетъ,
Зачарованъ твой чертогъ,—
Тѣни злыя милый гонитъ,
Онъ придетъ и взоры склонитъ,
Тихо ступитъ на порогъ.
Тихій, кроткій, но мятежный,
Побѣдившій смерть и адъ,
Усладитъ онъ пѣсней нѣжной
Вопли буйныя менадъ.

Хороводъ сплетается въ одинъ быстро мчащійся кругъ.

Эподъ.

Руки легкія сплетайте,
Сестры милыя, вставайте
Въ тѣсный кругъ,—
Быстро, быстро мчатся ноги,
Съ нами демоны и боги.
Сестры, сестры! не разнимайте
Тѣсно сжатыхъ рукъ.

Ночныя колдуньи образуютъ внѣшній хороводъ. Поютъ

протяжно, и подъ ихъ пѣніе замедляется пляска замкнутыхъ въ ихъ кругу подругъ.

Хоръ ночныхъ колдуній.

Мы ворожили
Надъ могилой
Діониса.
Мы собирали
Злыя зелья.
Мы вызывали
Изъ вѣчныхъ мраковъ,—
Мы вызывали,
И дожидались
Гостей загробныхъ,
И зыбкимъ смѣхомъ
Смѣялись
Вмѣстѣ съ ними.

Медленно движутся оба круга, внѣшній и внутренній, слышенъ печальный напѣвъ. Ночь все темнѣе.

Хоръ.

Строфа VI.

Плачьте, жены!
Плачьте, дѣвы!
Мы увидѣли могилу
Діониса.
Гибель бога возвѣстили
Намъ ночные голоса.
Сокомъ жизни наливались
Травы,
Сокомъ жизни стали полны

Жилы звѣря,
Ядомъ жизни дышитъ вѣтеръ,
Ядомъ жизни напитались
Стрѣлы Змія золотого,—
Только онъ, источникъ жизни,
Пестро оцвѣтившій поле,
Напоившій звѣря,
Взволновавшій море,
Отравившій стрѣлы,
Только онъ въ сырой могилѣ,
Самъ своимъ упившись ядомъ,
Мертвый спитъ.

Свѣтъ изъ чертога все ярче, а ночь все темнѣе. Вдругъ помчались въ буйной пляскѣ. Одежды зыблются, обнажая плечи и ноги и почти спадая съ иныхъ. Бубенъ громокъ. Пѣніе звучитъ дивнымъ восторгомъ. Къ концу антистрофы кругъ разрывается. Въ рукахъ пляшущихъ появляются сорванныя съ деревьевъ вѣтви.

Хоръ подругъ.

Антистрофа VI.

Смѣйтесь, жены!
Смѣйтесь, дѣвы!
Мы увидѣли возстанье
Діониса.
Радость, радость возвѣстили
Намъ ночные голоса.
Радость жизни напоила
Травы,
Мудрость жизни озарила
Человѣка,

Сталъ душою быстрый вѣтеръ,
Сладкій медъ несутъ Гимету
Стрѣлы Феба золотого,—
Діонисъ, источникъ жизни,
Сѣменамъ дающій волю,
Возводящій звѣря,
Укротившій море,
Медъ и воскъ дающій,—
Онъ упился виноградным,
Веселящимъ, сладкимъ сокомъ,
И поетъ.

Садъ наполненъ пляшущими женами, подругами Лаодаміи, и чужими. Ихъ неистовыя движенія разрываютъ ткани одеждъ. Мелькаютъ все чаще обнаженныя тѣла, смуглыя или темныя отъ загара; въ полумракѣ всѣ онѣ кажутся бѣлыми. Всходитъ луна. Свѣтъ ея часто закрытъ тучами,—то прояснѣетъ, то опять совсѣмъ темно. Видны взмахи вѣтвей въ рукахъ женъ.

Хоръ.

Строфа VII.

Повинуясь луннымъ чарамъ,
Мы помчимся,
Закружимся,
И въ безумствѣ бурно-яромъ
Племенѣющее тѣло
Обнажая смѣло,
Предадимъ ударамъ.
Кличемъ, мчимся,
И кружимся,
Повинуясь луннымъ чарамъ.

Все чаще и чаще взмахи рукъ, держащихъ вѣтви. Слышны удары вѣтокъ о нагія тѣла, вскрики, визги и стоны внезапной боли.

Антистрофа VII.

Въ часъ полночнаго радѣнья
Быстро мчимся
И кружимся,
И въ восторгѣ изступленья
Пламенѣющее тѣло
Обнажаемъ смѣло,
Вольнаго мученья
Не боимся,
Мчимся, мчимся
Въ часъ полночнаго радѣнья.

Хороводъ сближается тѣсно. Объятія и поцѣлуи перемежаются съ неистовыми ударами вѣтвей.

Строфа VIII.

Руки смѣлыя мелькаютъ.
Боль внезапна и остра.
Поцѣлуи чьи-то таютъ.
Сладко, больно мнѣ, сестра.
Стонъ и визгъ отъ острой боли,
Брыжжетъ кровь,—
Не боюсь внезапной боли!
Все въ моей безумной волѣ,—
Кровь, и слезы, и любовь.

Хороводъ сливается на короткое время въ широкій кругъ женъ, которыя мчатся одна за другою, ударяя одна другую вѣтвями. Всѣ обнажены, кромѣ двухъ, которыя отходятъ въ сторону.

Антистрофа VIII.

Звонко тонкіе удары,
Визгъ менадъ и тонкій свистъ.
Боль, восторгъ, и кровь, и чары.
Кругъ мелькающій лучистъ.
Быстры ноги, быстры руки,
Брыжжетъ кровь.
Вы быстрѣй мелькайте, руки!
Все мое: восторгъ и муки,
Пляска ночи и любовь.

Къ концу антистрофы хороводъ развертывается и мчится въ туманное поле. Звуки пѣнія и пляски постепенно удаляются. Двѣ женщины, отдѣлившіяся отъ пляшущихъ, заботливо оправляютъ одежды, и говорятъ тихо.

Первая. Мнѣ страшно. Не уйти ли?

Вторая. И я боюсь. Онѣ обезумѣли.

Первая. Рвутъ на себѣ дорогія и нарядныя одежды,—а въ чемъ потомъ будутъ ходить на собранія? Купцы изъ Тира когда еще пріѣдутъ, а наши рабыни такія лѣнивыя и неискусныя.

Вторая. Великая скорбь отуманила разумъ царицы. Жалко смотрѣть мнѣ было на нее, какъ она пляшетъ, неистовая, съ пламенными взорами, безумныя выкрикиваетъ слова, и послѣдніе куски одежды упадаютъ съ ея прекраснаго тѣла.

Первая. Да, горюетъ, а сама хитрая,—шерстяной надѣла хитонъ, да и то не свой, а рабыни своей Ниссы,—его и не жаль ей разорвать. А на подругахъ дорогія Сидонскія ткани. Такія глупыя.

Слышно, что пляшущія приближаются. Пѣніе и бубенъ ближе и громче, хотя слова еще невнятны.

Вторая. И боли не чувствуютъ, а уже кровь проступила на ихъ тѣлахъ.

Первая. Что тѣло! Была бы цѣла одежда, а пролить сколько-нибудь крови для очистительнаго обряда хорошо,—угодно богамъ и царицѣ, и полезно для здоровья. Но этого наряда мнѣ жалко, я пойду домой.

Вторая. И я. А царица не обидится?

Первая. Ей не до насъ. Да и безъ насъ много. Какія-то чужія набѣжали, безстыдныя и неистовыя. О насъ и не вспомнятъ. Надо бы только поискать сандаліи,—онѣ у меня совсѣмъ мало ношеныя и очень красивыя,—да гдѣ ихъ найдешь въ такой суматохѣ.

Вторая. Придемъ за ними завтра.

Уходятъ.

Хоръ въ туманномъ полѣ.

Строфа IX.

Смѣйтесь, пляшите.
Живъ или умеръ,
Воскресъ или спитъ
Въ области мрачной,
Гдѣ Лета шумитъ,
Да или нѣтъ,
Возвѣстите,
Это—одно.

Луна за тучами. На сценѣ почти совсѣмъ темно. Къ концу пѣнія строфы въ садъ вбѣгаютъ пляшущія; во мракѣ слабо мерцаютъ ихъ нагія, смуглыя тѣла.

Антистрофа IX.

Смѣлыя, смѣйте!
Днемъ или ночью,
Видитъ весь народъ
Или только стѣны
Буйный хороводъ,—
Честь или стыдъ,
Разумѣйте:
Такъ я хочу.

Черная ночь окутываетъ сцену. Голоса смолкаютъ. Огни чертога тускнѣютъ,—исчезаютъ. Глухой шумъ. Плескъ воды.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Раскрывается царство Аида. Еще темнѣе, чѣмъ въ первомъ дѣйствіи. Боги и тѣни почившихъ слабо видны, и только по временамъ вспыхиваютъ неживымъ огнемъ янтарные свѣточи адскаго свода.

Аидъ почиваетъ на престолѣ. Лицо его угрюмо и туманно,—и печаленъ ликъ Персефоны.

Персефона. Передо мною предстоишь ты, милый герой, съ печалью во взорахъ, и съ желаніемъ въ сердцѣ. Увы! никакое желаніе не властно открыть путь, проходимый только въ одну сторону,—путь безвозвратный.

Протесилай. Великая богиня, прежде, чѣмъ я началъ говорить, ты уже знаешь, что я скажу. До-

кучна тебѣ рѣчь моя,—но дай мнѣ словами излить скорбь мою, и тѣмъ облегчить мое сердце.

Персефона. Говори, милый герой, — если ты еще не забылъ слова живой страсти, утѣшны будутъ они мнѣ, неутѣшной.

Доносится сверху пронзительный вопль Лаодаміи, сопровождаемый далекими отзвуками флейты и кимвалъ.

Лаодамія. Заклинаю воскомъ, даромъ мудрыхъ пчелъ,—вы, невидимые боги, дайте мнѣ Протесилая моего.

Протесилай. Я слышу призывный стонъ Лаодаміи,—небесная Афродита сладкимъ голосомъ кличетъ меня. Изъ земныхъ предѣловъ донесся ко мнѣ призывный стонъ Лаодаміи, и непреодолимая власть въ немъ, и онъ зоветъ меня.

Персефона. Зоветъ меня!

Протесилай. Не могу противиться этому зову,—въ царствѣ свершенныхъ дѣяній коснѣть не могу. Я долженъ вернуться въ мой недостроенный домъ,—я долженъ,—никогда еще полуночныя чары небесной очаровательницы не были такъ могущественны.

Опять доносится вопль Лаодаміи, сопровождаемый слабымъ звономъ кифары и короткими гулами бубна.

Лаодамія. Протесилая, Протесилая моего отдайте мнѣ, подземные боги! Даромъ мудрыхъ пчелъ заклинаю вашу свирѣпость, умоляю васъ, подземные боги отдайте мнѣ Протесилая!

Персефона. Аидъ, отпусти Протесилая на землю. О себѣ никогда не молила и теперь не молю,—долгъ

супруги, царицы и богини запрещаетъ мнѣ мольбы о недолжномъ, провидѣніе, свойственное богамъ, заграждаетъ мои уста для рѣчей безумныхъ. Но его отпусти.

Аидъ. Какъ хочешь ты, Персефона, чтобы я вернулъ ему жизнь? Великое колесо міра повернуть въ обратную сторону я не хочу. И развѣ ты не знаешь, что минувшее невозвратно?

Свирѣльный вопль царицы Лаодаміи явственнѣе слышенъ,—къ землѣ приникла она, и вопитъ,—и жалобный звонъ кифары вторитъ ея воплю.

Лаодамія. Одинъ часъ—привѣтить,
Второй часъ—насладиться,
Третій часъ—разстаться,
И послѣ плакать
И умереть..
Только три часа
Дайте мнѣ, неумолимые
Боги,—
Аидъ и Персефона.

Персефона. Не о невозвратномъ говорю,—верни его на землю хотя на краткіе сроки, дай, ему хотя недолгія радости соединенія съ милою.

Вопли тоскующей Лаодаміи сопровождаются ударами бубна и короткими звонами.

Лаодамія.

Строфа I.

О, Персефона!
Ты знаешь, ты знаешь

Путь невозможный
Изъ-за Леты.
Ты знаешь, ты помнишь
Золотокудраго бога.
Ты знаешь, ты знаешь,
Чья сила
Въ тающемъ воскѣ.

Антистрофа I.

О, Персефона!
Ты помнишь, ты хочешь
Тихой услады
Поцѣлуя.
Ты знаешь, ты помнишь
Смерть побѣдившаго бога.
Ты хочешь, ты хочешь
Веселья,
Сладкаго меда.

Аидъ. Страшнымъ призракомъ предстанетъ онъ живымъ,—холодомъ обвѣетъ трепещущія отъ вожделѣнія груди.

Персефона. Утѣшающій призракъ! Если призракомъ утѣшено сердце, все-же оно утѣшено. И холодъ, вѣющій отъ милаго пришельца, — холодъ великаго утѣшенія.

Аидъ. У меня утѣшенъ холодъ,—моя темная область утѣшительна страдающему сердцу. Низведи къ намъ Лаодамію,—и утѣшены будутъ оба.

Лаодамія.

Эподъ.

Я пришлю тебѣ чашу
Сладкаго меда
Съ моимъ Протесилаемъ.
Я смѣшаю
Вино и медъ
Въ глубокой чашѣ
Изъ воска.
За вино и за медъ и за восковую чашу
Дай мнѣ, дай мнѣ
Хоть на три часа Протесилая.

Персефона. Красота милаго героя и скорбь его о разлукѣ съ милою наполнили мое сердце неизъяснимою жалостью.

Аидъ. Жалость? Подумай, кого ты жалѣешь! Не тѣнь-ли, скользнувшую по стѣнѣ!

Персефона. Тѣнь!

Протесилай. Молю тебя, Аидъ, отпусти меня.

Подземные Боги.

Строфа II.

Сочетать живую съ мертвымъ
Можетъ только царь Аидъ.
Только разъ придетъ обратно
Успокоенный къ женѣ.
Онъ вернется, и живое
Принесетъ вино,
И утѣшитъ, засмѣется
Здѣсь, у Летскихъ водъ, Загрей.

Антистрофа II.

Отпусти Протесилая
Къ Лаодаміи, Аидъ.
Приведетъ его обратно
Въ часъ назначенный Гермесъ.
То, что было волей къ жизни,
Вѣчная любовь,
Сочетаетъ жизнь со смертью,
Но твоя побѣда, царь.

Эподъ.

Жизнь и смерть.
Пронзенныя любовью,
Айса взвѣшиваетъ нынѣ,
И вѣщаетъ:
— Жизнь и смерть,
Да и нѣтъ—
Одно!—

Персефона. Онъ—только человѣкъ. Красотою подобный богу, онъ—только человѣкъ.

Аидъ. Изъ міра вѣчнаго и святого стремишься ты, Протесилай, въ міръ преходящаго бытія. Ты хочешь вернуть невозвратное, не думая о томъ, что неустанныя Оры умчали земную жизнь къ инымъ достиженіямъ.

Персефона. О, Аидъ, отпусти его!

Аидъ. Лаодамія, которую ты зовешь своею, обручена другому. Знаешь ли ты это, Протесилай?

Протесилай. Отъ ненавистнаго ей брака спасти ее, вотъ зачѣмъ она зоветъ меня свирѣльнымъ стономъ.

Аидъ. Съ того дня, когда воцарился я здѣсь, только дважды покидалъ я мое царство. За Персефоною—пер-

вый разъ, и второй разъ—къ небесному врачевателю. Тягостенъ земной воздухъ для ступившаго на мой берегъ Леты. Такъ, исполню ради моленій Персефоны мольбу твою, великодушный герой. Три часа на землѣ дамъ тебѣ,—и знаю, второй разъ ты не придешь докучать мнѣ безумными жалобами. Гермесъ, три часа дарованы Протесилаю и Лаодаміи. Поспѣши.

Опять смыкаются тройныя стѣны мрака. Слышенъ гулкій плескъ Леты. Затихаетъ. Проясняются слегка очертанія царскаго чертога. Въ темный садъ тихо входятъ Протесилай и Гермесъ.

Гермесъ. Дверь не замкнута,—но тебѣ не переступить порога, если не впуститъ тебя Лаодамія. Стучись. Проси пріюта.

Гермесъ отошелъ и скрылся. Протесилай стучится въ дверь. Изъ-за двери слышенъ взывающій вопль Лаодаміи.

Лаодамія. Кто-то стучится. Страшно мнѣ. Какъ темно! Всѣ ушли. Я одна у ногъ моего Протесилая. Кто-то стучится въ мою дверь. Холодныя повосковѣли ноги, и моимъ губамъ ихъ не согрѣть.

Протесилай. Лаодамія, впусти меня.

Лаодамія. Чей-то голосъ зоветъ меня. Чей голосъ? Или, приколдованный чарами воска, вернулся онъ? Боюсь вѣрить. Чье же это чародѣйство, пагубное и злое, изъ ночной тьмы воздвигающее зовучій вопль?

Протесилай. Лаодамія!

Лаодамія. Обманчивый призракъ, уйди, не пугай меня! Мой милый, Протесилай мой, со мною. Изъ воска я воздвигла его, въ него перелила я душу мою, душу

мою сочетала я съ душою Протесилая. Ночной, невѣдомый, сокройся! Сталъ воскомъ возлюбленный мой.

Протесилай. О, Лаодамія, это - я! Ночной пришелецъ—я. Взывающему за оградой въ ночи, кто бы онъ ни былъ, надлежитъ открыть дверь. Ночью къ тебѣ прихожу я. Я—Протесилай, мнѣ ли не откроетъ дверей Лаодамія! О, Лаодамія, это—я!

Лаодамія. Онъ, мой милый, здѣсь,—онъ былъ въ моихъ объятіяхъ. А ты, пришелецъ...

Протесилай. Встань, Лаодамія, открой свою дверь впусти меня скорѣе! Малъ срокъ, данный мнѣ,—впусти меня скорѣе! Взывающаго за оградою, въ холодѣ ночи, подъ ворожащею луною, впусти меня скорѣе!

Лаодамія. Милый мой со мною,—со мною мой милый, мой неизмѣнный, мой.

Протесилай. Ласки расточаешь ты моему восковому идолу, моему идолу повторяешь ты страстныя и нѣжныя слова. Такъ много любви и вожделѣнія вложено въ этотъ воскъ, что не могъ я и во владѣніяхъ Аида не почувствовать твоихъ ласкъ, твоего нѣжнаго и сладкаго зова. Широкія ворота Аидова дома разверзлись для меня,—пламенная сила твоихъ заклятій побѣдила адъ. Отвори мнѣ, Лаодамія,—я—твой Протесилай. О, Лаодамія, это—я! Открой, открой мнѣ дверь, не сокращай сладкихъ минутъ любви! Только три часа даровалъ намъ Аидъ.

Лаодамія. Не смѣю не слушаться, боюсь открыть мою дверь,—что же мнѣ дѣлать? Темно. Едва мерцаетъ послѣдняя лампада. Холодно. Одежды чьи-то. Разбросали. Ушли нагія. Мы звали? Чаровали? Докликались, дозвались, и онъ пришелъ!

Стремительно открыла дверь. Выбѣжала въ садъ. На ней бѣлая одежда, едва надѣта,—чья-то чужая, спѣшно поднятая. Бросилась къ Протесилаю, свирѣльнымъ воплемъ окликнула его.

Лаодамія. Протесилай, мой милый!

Протесилай молча обнимаетъ Лаодамію. Она дрожитъ. Отходитъ. Одежда скользитъ съ ея тѣла, падаетъ къ ея ногамъ, обнажая вздрагивающее прекрасное тѣло.

Лаодамія. Ты холодный, холодный,—землею сырою пахнетъ отъ тебя.

Протесилай. Изъ земли сырой возникъ я снова, изъ области покоя и неподвижныхъ сновъ пришелъ я къ тебѣ, Лаодамія, въ твою милую область, въ страну вѣчнаго сгаранія. Трудный путь свершилъ я, Лаодамія, движимый зовущею силою Любви. Тебя люблю, Лаодамія, и пришелъ къ тебѣ возвѣстить законъ небесной Афродиты: Люби Меня.

Лаодамія. О, Протесилай! Мой бѣдный герой! Какъ холодны твои руки! Иди ко мнѣ, насладись моею любовью,—я отогрѣю тебя на моей груди, и, когда пройдетъ данный богами срокъ, я не отдамъ, не отдамъ тебя Аиду! Съ тобою, за тобою пойду я повсюду,—за тобою, съ тобою, мой Протесилай!

Лаодамія уводитъ Протесилая въ свой чертогъ. Завѣсою чернаго мрака закрывается міръ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Садъ становится свѣтлымъ. Тихо встаетъ кроткая Эосъ. Отъ тихаго и темнаго чертога ложится тѣнь на прохладу дремлющаго сада.

Эосъ. Ночь проходитъ. Моя пора. Встрѣчу яснаго, ненагляднаго,—и уйду.

Разгарается, сіяетъ веселыми улыбками, ждетъ.

Оры (пролетая). Здѣсь выходецъ изъ Аидова царства, очарованъ весь домъ чарами тайны и молчанія. Все хранитъ безмолвіе, и даже вѣтеръ пробѣгаетъ стороною, не шевельнетъ занавѣсою двери.

Къ терему подходитъ Антимъ съ цвѣтами для жертвоприношенія.

Антимъ. Госпожа моя, встань, отгони отъ себя очарованіе утренняго сна. Уже поздно,—хотя и молчитъ таинственно весь домъ,—уже поздно, и я принесъ тебѣ цвѣты.

Змѣя. А ты не боишься?

Антимъ. Царица Лаодамія, въ тотъ самый часъ, какъ ты велѣла, вотъ видишь, я пришелъ къ твоему терему, я принесъ тебѣ всѣ цвѣты, которые ты велѣла мнѣ принести.

Въ кустахъ кто-то смѣется тихо,— и отъ утренней прохлады вздрогнулъ старикъ. Серебристый слышенъ плескъ воды въ водоемѣ.

Антимъ. Эти цвѣты, они для жертвоприношенія нужны тебѣ,—боги ихъ примутъ благосклонно,—свѣжи и благоуханны эти цвѣты.

Змѣя. Царица молчитъ. Что твои цвѣты для милой Лаодаміи!

Антимъ. Всегда Лаодамія въ это время выходила изъ своей опочивальни, и шла въ садъ, наслаждаться прохладой утра, запахомъ розъ и нѣжнымъ стрекотаньемъ цикадъ. Сегодня въ ея терему такъ тихо,— и все въ домѣ молчитъ. Что это значитъ? Боюсь, не случилось ли чего.

Сатиръ (высовывая изъ-за куста косматую голову). Пріятель, дверь-то пріоткрыта. На твоемъ мѣстѣ я бы посмотрѣлъ въ щель, что тамъ дѣлаетъ Лаодамія.

Антимъ (заглядывая въ дверь). Лаодамія! Царица! Да она не слышитъ. Эге!

Сатиръ. Пріятель, что тамъ дѣлаетъ твоя госпожа?

Антимъ. Что я увидѣлъ, о томъ и сказать страшно.

Сатиръ. Ну, говори, что ты тамъ увидѣлъ. Я бы и самъ посмотрѣлъ, да чую, что тамъ есть кто-то, съ кѣмъ не слѣдуетъ мнѣ встрѣчаться.

Антимъ. Да что! Тебѣ-то можно сказать,—ты не нашъ. Лаодамія, забывши всякій стыдъ, обнимаетъ на своемъ ложѣ тайкомъ забравшагося къ ней гостя. Нагая прильнула къ нему, и ничего не слышитъ, знай себѣ цѣлуетъ и ласкаетъ.

Сатиръ. А ты знаешь, кто тамъ?

Антимъ. Не видно—темно. Вотъ она, прославленная вѣрность! Вотъ почему не хочетъ Лаодамія новаго мужа! Видно, всѣ женщины одинаковы. Еще царица! На то-ли дано ей носить золотомъ шитую багряницу!

Сатиръ. Что же ты теперь сдѣлаешь? Войди къ

Лаодаміи, прогони любовника,—Лаодамія тебя обниметъ такъ-же крѣпко, только-бы ты никому не говорилъ о томъ, что видѣлъ.

Антимъ. Что ты говоришь! Какія глупости! Развѣ это можно? Старъ я сталъ для такихъ дѣлъ, и ужъ очень противенъ былъ бы царицѣ.

Сатиръ. Я старше тебя, но будь я на твоемъ мѣстѣ, ужъ я бы зацѣловалъ прекрасную Лаодамію.

Антимъ. Я вѣренъ моимъ господамъ. Надо итти скорѣе, разсказать Акасту объ этомъ нечестивомъ и позорномъ дѣлѣ,—поскорѣе, пока не узнали другіе, чтобы никто не проболтался. Ужъ я то вѣренъ, а другіе...

Входитъ Акастъ. Сатиръ прячется.

Акастъ. Съ кѣмъ ты тутъ говорилъ, Антимъ? А гдѣ же Лаодамія?

Антимъ. Горе мнѣ, господинъ мой! Вѣренъ я тебѣ, какъ собака,—а какую скорбную долженъ я сказать тебѣ вѣсть! Поспѣши, господинъ, пока не узнали другіе,—въ чертогъ Лаодаміи иди поспѣшно, какъ только можешь, пока онъ, ночной гость, не успѣлъ уйти.

Акастъ подходитъ къ чертогу. Заглядываетъ въ дверь. Смѣется.

Акастъ. Такъ-то, Лаодамія, хранишь ты вѣрность! Утѣшилась скоро. Таковы-то вы всѣ. Падки на мужскія ласки. Что теперь намъ дѣлать? Хоть бы никто не узналъ.

Антимъ. Ужъ я то не проболтаюсь.

Акастъ. Надо поскорѣе прогнать этого дерзкаго.

Подходитъ къ двери. Хочетъ ее открыть. Дверь отворяется. Выходитъ отуманеннымъ призракомъ Протесилай. Акастъ въ ужасѣ отступаетъ. Антимъ съ воплемъ бѣжитъ, потомъ прячется за кусты, и оттуда слушаетъ.

Акастъ. Протесилай, ты живъ? Лживы были разсказы о твоей смерти?

Протесилай. Изъ Аидова царства вышелъ я,— Аидъ сжалился надъ моею любовью и стонами Лаодаміи, и отпустилъ меня къ моей милой.

Акастъ. Такъ ты—мертвецъ!

Протесилай. Акастъ, не бойся меня.

Акастъ. Ужасенъ видъ пришельца изъ-за Леты, но я—воинъ и царь. Не мнѣ бояться блѣдной тѣни. Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ простираешь изъ адскаго мрака руки къ той, которой еще долго быть среди живыхъ? До брака ты взялъ ее,—и послѣ смерти хочешь овладѣть ею, ненасытный!

Протесилай. Она —моя. Неразрывными узами любви и вѣрности связана она со мною. Спроси, о чемъ ея мечты. О моихъ ласкахъ, о моихъ поцѣлуяхъ. Спроси, чѣмъ она утѣшена. Долгія ночи она сгарала, тая, какъ воскъ.

Акастъ. Что ты говоришь! Противны богамъ и нечестивы рѣчи твои. Лаодамія—невѣста Протагора, ты же—плѣнникъ Аида. Твои возвращенія къ намъ ненужны людямъ и страшны имъ.

Протесилай. Старикъ, развѣ ты еще не знаешь правъ неумолимой смерти? Или невѣдома тебѣ власть отжившихъ?

Акастъ. Жизнь-то, говорятъ, посильнѣе. Вотъ ты умеръ, а мы дѣлаемъ, какъ хотимъ, не спрашиваемъ,

любо ли это тебѣ. И Лаодамію твою отдадимъ другому, а съ нею и твое царство. Что прошло, того не воротишь. Тѣнь и останется тѣнью. И уже легкимъ призракомъ ты стоишь, и уже съ туманомъ свивается одежда твоя, и сквозь тебя уже я различаю очертанія деревьевъ.

Протесилай. Акастъ, умрешь и ты. Смертный путь неизбѣженъ, всѣ пройдутъ имъ, и моя Лаодамія со мною. Навѣки связало насъ обѣщаніе любви, и намъ нельзя разорвать нашего неизмѣннаго союза.

Акастъ. Кто ты, чтобы изъ-за гроба простирать надъ нами свою пагубную власть? Власть иная надъ нами, знай, нечестивый, воля къ жизни влечетъ насъ путями жизни.

Протесилай. Уйди, старикъ, не мѣшай мнѣ и Лаодаміи моей почивать, нѣжно обнимая другъ друга.

Акастъ. Хорошо-ли, подумай самъ, ты дѣлаешь, являясь Лаодаміи, обманчивыми грезами смущая бѣдную? Филакѣ нуженъ царь, и Лаодаміи—мужъ. Тебѣ то что,—никакой ты не имѣешь нынѣ нужды, тебѣ бы только обниматься съ милою на досугѣ,—а намъ, живымъ, надо подумать о домѣ и о городѣ.

Гермесъ приходитъ отъ востока, и обращается къ Протесилаю.

Гермесъ. Протесилай, пора намъ итти. Близокъ часъ, когда надъ землею вознесется свѣтлокудрый богъ.

Протесилай. Милый спутникъ труднаго и дальняго пути, какъ рано пришелъ ты!

Гермесъ. Пора. Срокъ, данный Аидомъ, прошелъ. Дологъ нашъ путь къ тройнымъ стѣнамъ мрака, которыми оградилъ незримый свое тихое царство.

Протесилай. О, Гермесъ, помедли еще хотя немного. Дай мнѣ побыть въ сладкой предутренней прохладѣ, и еще хоть разъ взглянуть на мою Лаодамію, озаренную снова первымъ сіяніемъ дня.

Гермесъ. Пойдемъ. Минулъ нашъ срокъ. Если ты еще замедлишь, навѣки безпріютною и тоскующею тѣнью будешь ты скитаться здѣсь, пугая чуткихъ псовъ и неразумныхъ дѣтей.

Оры (пролетая). Геліосъ! Геліосъ!

Восходящее солнце не видно изъ-за чертога, но ликующіе лучи его озаряютъ садъ и сверкаютъ на утренней росѣ. Протесилай и Гермесъ исчезаютъ, сливаясь съ рѣзкими дневными тѣнями.

Акастъ. Дивныя и ужасныя дѣла творятъ великіе и малые боги подъ покровомъ ночной тьмы. Но вотъ возносится сребролукій, далеко разящій богъ. Онъ одинъ хочетъ царить нынѣ на землѣ и на небѣ, и, благій къ почитающимъ его, гонитъ полуночные страхи, злыхъ демоновъ и блуждающихъ по дорогамъ мертвецовъ. И теперь я поспѣшу силою свѣтоноснаго бога отогнать непрошеннаго пришельца и заклясть его слѣды, чтобы многія ночи протекали для насъ спокойно. Антимъ!

Антимъ робко вылѣзаетъ изъ-за кустовъ. Становится на ноги. Молча, боязливо озирается.

Акастъ. Не бойся, Антимъ, гость ушелъ, и мы позаботимся, чтобы онъ и не возвращался никогда. Созови скорѣе всѣхъ рабовъ и рабынь,—пусть зажгутъ здѣсь, противъ порога, костеръ очищенія. Сгоритъ въ

очищающемъ пламени костра ложе, гдѣ почивалъ полуночный страшный гость, и снова чистымъ явится домъ.

Антимъ проворно уходитъ. Слышны голоса и растущій шумъ. Акастъ отворяетъ дверь чертога, и останавливается на порогѣ.

Акастъ. Да тамъ и другой! Кто же это еще? Кого еще обнимаетъ безумная Лаодамія? Какое еще горе, какой стыдъ она готовитъ мнѣ и городу?

Входитъ въ чертогъ. Въ это время рабы поспѣшно раскладываютъ костеръ. Онъ медленно разгарается. Его пламя блѣдно въ ликующихъ лучахъ восходящаго солнца. Изъ чертога слышенъ шумъ, гнѣвные крики Акаста и пронзительный вопль Лаодаміи.

Лаодамія. Не тронь, не тронь моего милаго!

Акастъ выноситъ изъ дому статую Протесилая. Лаодамія выбѣгаетъ за нимъ. Хватается за руки Акаста, и вопитъ.

Лаодамія. Не дамъ, не дамъ! Оставь, оставь его мнѣ! Не гляди, что онъ такъ недвиженъ,—только днемъ повосковѣлъ онъ,—ночью онъ опять придетъ ласкать меня и шептать мнѣ слова нѣжной любви.

Акастъ (гнѣвно кричитъ).—Рабы, что же вы смотрите! Неистовая вцѣпилась въ мои руки, не справиться мнѣ съ нею. Отнимите отъ нея восковой кумиръ!

Рабы несмѣлою толпою окружаютъ Лаодамію, и отнимаютъ отъ нея статую.

Лаодамія. Рабы, не смѣйте! Не дамъ, не дамъ моего милаго!

Антимъ охватилъ Лаодамію сзади, и тащитъ ее къ порогу дома. Статуя въ рукахъ Акаста. Въ это время, привлеченныя молвою и шумомъ, начинаютъ приходить, по одной, по двѣ, подруги Лаодаміи въ простыхъ домашнихъ одеждахъ.

Лаодамія. Горе мнѣ! Отняли моего милаго!

Подруги. Что здѣсь? Что это отняли у Лаодаміи?

Окружаютъ Лаодамію и Акаста. Во время послѣдующихъ рѣчей разсматриваютъ статую, обнимаютъ Лаодамію, тихо говорятъ съ вновь приходящими женами.

Акастъ. О, Лаодамія, теперь я понялъ причину твоего упрямства!

Подруги. Это—статуя, которую изваялъ Лисиппъ. Какой онъ искусный! Воскъ точно живой. Только не дышетъ.

Акастъ. Не знаю, кѣмъ созданъ этотъ кумиръ, но я видѣлъ,—какъ живого, обнимала его Лаодамія.

Подруги. Несчастная Лаодамія! Бездушнымъ кумиромъ утѣшалась ты, и того у тебя отнимаютъ.

Акастъ. Да какъ-же не отнять! Не хочу я, чтобы она такъ мучилась. Вѣдь она—царица, ей надо выходить замужъ, а вотъ она такъ изводится!

Подруги. Несчастная Лаодамія,—не забыть ей Протесилая!

Акастъ. Такъ вотъ они, очистительные обряды! Это—чары, преступныя, нечестивыя. Придумалъ ихъ тотъ, кто замыслилъ нарушить волю боговъ, разорвать преграду между жизнью и смертью, распространить

власть мертвыхъ надъ міромъ живыхъ. Мертваго гостя Лаодамія призвала къ себѣ изъ Аидова темнаго царства,—вотъ зачѣмъ ей этотъ идолъ! Поймите, что его надо сжечь.

Подруги. О страшныхъ дѣлахъ вѣщаешь ты намъ, Акастъ.

Костеръ на дворѣ разгорается.

Акастъ. Смотрите сами,—вотъ, это не болѣе, какъ воскъ, а она его обнимала, обольщенная какимъ-то невѣдомымъ демономъ, враждебнымъ жизни, обнимала,—и разжимались восковыя руки для нечестивыхъ страшныхъ объятій.

Слуги выносятъ изъ чертога вѣнки, кимвалы, тирсы, бубны, одежды, и все складываютъ въ разгорающійся костеръ.

Лаодамія (шепчетъ). Милый воскъ.

Акастъ. И этотъ восковой идолъ, такъ дивно изваянный,—вотъ чѣмъ ворожила ты, нечестивая! Пора, пора намъ разрушить это злое очарованіе!

Вѣнки и одежды пылаютъ. Акастъ несетъ статую къ огню. Лаодамія,—до этого времени она неподвижно стояла у порога, удерживаемая подругами и рабынями,—вдругъ метнулась къ Акасту. Обвила руками статую. Сопротивляется Акасту и слугамъ, которые опять отнимаютъ у нея милый кумиръ

Лаодамія. Не отдамъ моего друга! Въ этомъ воскѣ—душа моя, душа Протесилая. Не отдамъ, не отдамъ!

Подруги (плачутъ и восклицаютъ). Бѣдная Ла-

одамія! Какъ намъ жалко тебя! Но мы не можемъ помочь тебѣ. Не одолѣть, не одолѣть, милая, тебѣ сильныхъ! Отнимутъ у тебя твое утѣшеніе. Покорись, Лаодамія, милая, не спорь тщетно съ ними!

Кто-то изъ слугъ сильно толкнулъ Лаодамію. Она шатается. Подруги поддерживаютъ ее. Статуя сломана. Акастъ поспѣшно бросаетъ ее въ огонь.

Акастъ. Гори, гори, проклятый кумиръ!

Лаодамія О, неразумная я! Не сама ли я вымолила только три часа!

Пылаетъ костеръ. Воскъ таетъ. Поспѣшно входитъ Лисиппъ.

Лисиппъ. Поздно прихожу я. Свершилось безумное дѣло. Милый ликъ друга моего сожгли.

Лаодамія. Милый отрокъ, и ты плачешь. Взяли моего друга. Сожгли. Власть воздвигли надъ нашею любовью, люди!

Лисиппъ (у костра). Они все смѣютъ.

Лаодамія. Сожгли. Но я пойду за нимъ. Огонь, сладкою мукою сожги земное мое и темное тѣло,—и пойду за милымъ моимъ къ широкимъ воротамъ Аидова чертога!

Бросается къ огню.

Акастъ. Держите, держите безумную!

Подруги. Милая царица, что ты замыслила!

Подруги и рабыни удерживаютъ Лаодамію. Она вырывается. И вдругъ ослабѣла, какъ тающій воскъ. Безсильно отдается милымъ подругамъ, и онѣ отводятъ ее къ порогу.

Лаодамія. Какъ таетъ воскъ.

Подруги. Лаодамія, милая, что съ тобою? Лицо твое блѣдно, и глаза не смотрятъ, и ты шепчешь тихо.

Лаодамія. Какъ таетъ воскъ.

Акастъ. Утѣшайте, утѣшайте ее, милыя подруги,— тяжела ей потеря милаго и послѣдняя разлука съ нимъ. Но вотъ сгоритъ проклятый чародѣйный идолъ, — и утѣшится моя Лаодамія.

Лаодамія падаетъ.

Подруги. Помогите царицѣ, ей тяжко! Поддержите ее, она падаетъ. Она вся стала желтая, какъ воскъ. Повосковѣлыя губы такъ страшно шевелятся, и она шепчетъ тихо.

Лаодамія. Гдѣ мой кумиръ? Гдѣ мой вѣнокъ?

Подруги. Все въ огнѣ.

Лаодамія. Милый мой!

Подруги. Царица умираетъ. Тѣло ея безсильно и недвижно. Осторожно, осторожно опустимъ ее на траву, дальше отъ костра. Царица умираетъ. Милая Лаодамія, что ты шепчешь? Въ послѣдній твой часъ что ты намъ скажешь?

Лаодамія. Какъ таетъ воскъ.

И умерла Лаодамія на порогѣ недостроеннаго дома. Акастъ молча плачетъ. Подруги съ воплями окружаютъ тѣло.

Подруги. Умерла, умерла Лаодамія. О, дивная смерть! Плачьте, плачьте о милой Лаодаміи, но съ плачемъ соедините и великую радость, и славьте, славьте небесную очаровательницу, роковую Афродиту! Слава, слава тебѣ, Афродита! Надъ смертію торжествуешь ты,

небесная, и въ пламенномъ дыханіи твоемъ таетъ земная жизнь, какъ таетъ воскъ.

Ликующіе лучи восшедшаго надъ землею солнца заливаютъ всю сцену. Пламя костра пылаетъ, подымаясь прямо кверху, яркое, но блѣдное. Свѣтлою завѣсою отъ востока закрывается сцена,—завѣса чистая и бѣлая,—ясная смерть.

ЛЮБВИ.

Драма въ двухъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Реатовъ, 44 лѣтъ.

Александра, 20 лѣтъ.

Дунаевъ, 26 лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Реатовыхъ. Александра въ траурѣ, съ фотографическимъ портретомъ въ рукахъ. Входитъ Реатовъ.

Реатовъ. Моя дочь въ пріятномъ обществѣ.

Александра (вздрогнула, уронила портретъ).— Ахъ, папа! Ты меня испугалъ,—я задумалась.

Реатовъ. И женихъ на полу,—славно! Дай мнѣ еще на тебя поглядѣть. Ты похорошѣла.

Александра. Ахъ, папа!..

Реатовъ. А глаза красные, это не хорошо. Ты все плачешь. Давай-ка лучше подымемъ жениха, и поставимъ его на столъ.

Александра. Отецъ, такое горе, такое горе!

Реатовъ. Ну, полно, дѣточка, не плачь. Мама счастливѣе насъ: у нея нѣтъ желаній, неисполнимыхъ, безумныхъ... Но какъ же ты похорошѣла! Какъ давно мы не видѣлись съ тобой! Шесть лѣтъ. Ты дѣвочкой

была, такимъ нескладнымъ подросткомъ, а теперь— смотрите, женихъ какой-то уже нашелся.

Александра. Какой-то! Онъ—милый и добрый.

Реатовъ. Милыя письма ты ко мнѣ присылала раньше, до него.

Александра. Я думала, тебѣ неинтересно и некогда читать мою болтовню.

Реатовъ. Нѣтъ, Санечка. Присядемъ здѣсь, вотъ въ этомъ уголкѣ, и будемъ говорить много и долго. Разскажи мнѣ о себѣ. Все по прежнему, не правда-ли? Трепетные огоньки передъ иконами, и мольбы кому-то о чемъ-то, и странные жесты,—и эти долгія молитвы на колѣняхъ.

Александра. Мы здѣсь живемъ въ глуши. Что сказать? Вотъ мой женихъ,—не правда-ли, онъ милый? Зачѣмъ ты блѣдный такой и хмурый? Онъ тебѣ не нравится развѣ? Ты зналъ его когда-то... Ты видѣлъ много, побывалъ далеко... Ну, что же ты молчишь? Скажи мнѣ сказочку, какъ сказывалъ ты дѣвочкѣ-дочкѣ, давно,—ты помнишь?—въ старые годы... О чемъ ты такъ задумался?

Реатовъ. Прости, дочка. Я отдыхаю... Кончились мои странствованья,—и я начинаю жить. Я любуюсь тобою, смотрю на твое прекрасное лицо, и меня беретъ досада...

Александра. На что?

Реатовъ. Александра, неужели ты выбрала его себѣ въ мужья?

Александра. Что-жъ страннаго? Онъ добрый.

Реатовъ. Кому охота быть злымъ!

Александра. Мы будемъ счастливы... Вотъ ты

увидишь его, узнаешь его поближе,—и ты его полюбишь. Правда, полюбишь?

Реатовъ. Полюблю? Нѣтъ, дочка, я тебя люблю, это такъ, а его не намѣренъ заключать въ родственныя объятія. Развѣ у него есть такія бѣлыя руки? Развѣ умѣетъ онъ такъ прятать свою голову на моей груди, и развѣ у него есть такіе глаза? И досадно мнѣ, что возьметъ онъ тебя, мое сокровище. Не стоитъ онъ твоей любви.

Александра. Ахъ, нѣтъ!

Реатовъ. А впрочемъ... Онъ добрый, да, не правда-ли?

Александра. Конечно, добрый, не то что ты.

Реатовъ. Да, это хорошо. Я радъ за тебя. Онъ вѣдь носитъ тебя на рукахъ, вотъ такъ, какъ я тебя несу? И носитъ, и подкидываетъ, и лелѣетъ? Поцѣлуетъ губы и щеки, и снова подкинетъ, вотъ такъ! Да?

Александра. Ну довольно, довольно, пусти меня. Какой ты сильный! Ты спокойно дышишь, а я точно версту пробѣжала... Что это, мы, какъ дѣти, шалимъ и смѣемся въ такое время.

Реатовъ. Въ какое время?

Александра. Давно ли я потеряла маму!

Реатовъ. Ну, дѣточка, что о томъ тужить, чего не воротить! Такъ онъ въ эти траурные дни ведетъ себя скромно, и не покачаетъ мою дочку?

Александра. Вотъ еще,—онъ не смѣетъ.

Реатовъ. Любитъ, и не смѣетъ! Любитъ, и не знаетъ, какое блаженство держать въ своихъ объятіяхъ трепещущее тѣло возлюбленной!

Александра. Да и не у всѣхъ вѣдь такая силища, чтобъ играть человѣкомъ, какъ мячикомъ.

Реатовъ. Понимаю, дитя, понимаю. Цѣню твой нѣжный вкусъ: онъ, твой женихъ, не грубъ, какъ я,— онъ изященъ, тонокъ. Онъ обожаетъ тебя по-рыцарски: онъ приляжетъ у твоихъ ногъ, вотъ такъ, и поетъ тебѣ про любовь свою, и сказываетъ тебѣ чудныя легенды о томъ, какъ любили наши дѣдушки нашихъ бабушекъ.

Александра. Онъ не умѣетъ пѣть, и онъ не профессоръ исторіи.

Реатовъ. Развѣ? Ну, опять не такъ! Да, я знаю, онъ ведетъ въ твоей гостиной только приличные разговоры, и говоритъ о своей любви не иначе, какъ по учебнику хорошаго тона.

Александра. Я не знаю такого учебника.

Реатовъ. Оставимъ это. Иль нѣтъ, скажи мнѣ, ты сама... сильно любишь его?

Александра. О, да!

Реатовъ. Счастливые! А знаешь-ли ты, какъ горятъ его поцѣлуи?

Александра. Горятъ? О да, онъ цѣлуетъ мнѣ руки, но это вовсе не горячо.

Реатовъ. Только руки?

Александра. И только разъ,—но это я тебѣ по секрету,—онъ поцѣловалъ меня вотъ въ это мѣсто.

Реатовъ. Въ эту блѣдную щеку, которая такъ очаровательно вспыхнула теперь?

Александра. Но я очень разсердилась, и простила его только тогда, когда онъ сказалъ, что этого больше не будетъ...

Реатовъ. До свадьбы! Дѣти! Ромео, не дерзаю-

щій напоить свою Юлію сладчайшимъ нектаромъ любви пока его не повѣнчаютъ съ нею!

Александра. Что ты говоришь, папа!

Реатовъ. Я радъ, дитя мое, я радъ. Ты сберегла невинность, и ты не знаешь любви. Я радъ, дитя, тому, что вы не любите другъ друга.

Александра. О нѣтъ, я люблю его, и онъ меня любитъ.

Реатовъ. Дитя, знай, что любовь, незапечатлѣнная послѣдними жертвами,—это облачко, которое растаетъ подъ поцѣлуями могучаго свѣтила. Любовь не знаетъ преградъ и запрещеній, любовь на все дерзаетъ, все смѣетъ. Кто любитъ, тотъ силенъ, какъ Геркулесъ,—онъ радъ нести на своихъ плечахъ міръ, заключенный для него въ возлюбленной. Кто любитъ, тотъ геніаленъ, какъ Шекспиръ, и дѣло любви—творческое дѣло. Кто любитъ, тотъ безумецъ, маньякъ и бѣшеный въ одно и то же время: одна мысль сжигаетъ его мозгъ, одинъ образъ царитъ надъ его душою, и все сокрушаетъ непреодолимый ураганъ его неистовыхъ желаній. Онъ беретъ возлюбленную, какъ законную добычу, въ свои могучія руки...

Александра. Ахъ, ты уронишь меня! Пусти меня. У тебя глаза горятъ. Я не понимаю твоихъ словъ.

Реатовъ. Когда стремится онъ къ обладанію красотою, каменныя стѣны падаютъ передъ нимъ, и нѣтъ преграды, которая не разорвалась бы подъ напоромъ его изступленной воли, какъ разрывается хрупкая ткань твоего траурнаго платья.

Александра. Отецъ! что ты дѣлаешь! Безумный, ты разорвалъ мое платье! Ну, къ чему это?

Реатовъ. Не онъ научитъ тебя любить. Прости, дитя. Я такъ давно тебя не видѣлъ, и мнѣ жаль твоего сердца, которое ты хочешь снести въ сырой ледникъ семейнаго счастья.

Александра. Вотъ надо итти, переодѣться, а то еще увидитъ кто-нибудь это разорванное...

Реатовъ. Подожди. Дай мнѣ обнять тебя... Молніи въ твоихъ глазахъ, черныхъ, какъ ночь... Скажи, видѣлъ-ли когда-нибудь онъ, твой женихъ скромненькій, вотъ эту прекрасную грудь, и вотъ это мѣсто подъ золотымъ амулетомъ?

Александра. Ну, конечно, не видѣлъ. Пусти меня.

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ-же. Черезъ нѣсколько дней. Александра и Дунаевъ тихо разговариваютъ. Реатовъ входитъ.

Реатовъ. Вотъ два голубка, неразлучные. Воркуете?

Александра. Воркуемъ.

Реатовъ. Ну, здравствуйте, дѣти мои, воркуйте, и будьте счастливы.

Дунаевъ. О да, я постараюсь, чтобъ Александра была счастлива.

Реатовъ. Постарайтесь, мой другъ, но только поберегите ваше здоровье, не расточайте безразсчетливо вашихъ силъ, какъ тотъ итальянскій мальчишка, безумецъ Ромео, который въ одну ночь готовъ былъ излить

на свою супругу весь Эдемъ наслажденій. Будьте благоразумны, какъ Гоголевскій Шиллеръ, и вы будете пользоваться патентованнымъ и непромокаемымъ счастіемъ.

Дунаевъ. Мы будемъ счастливы, конечно.

Реатовъ. „Какъ боги на недоступныхъ небесахъ?“

Дунаевъ. Какъ боги? О, нѣтъ! Всѣ мы люди, всѣ человѣки. И зачѣмъ недоступныя небеса? Мы хотимъ быть счастливы на міру, на людей посмотрѣть и себя показать. Нашъ рай будетъ доступенъ для нашихъ друзей.

Реатовъ. Для друзей? Мило сказано.

Дунаевъ. А вы сегодня чѣмъ-то словно недовольны?

Реатовъ. Нѣтъ.

Дунаевъ. Вы такъ блѣдны. Вы, можетъ быть, не совсѣмъ здоровы? Послать бы за докторомъ.

Реатовъ. Нѣтъ, мой другъ, благодарю васъ, я совсѣмъ здоровъ. Но только я разстроенъ. Дѣла такія... Словомъ, я нашелъ, чего не ожидалъ.

Александра. Онъ все больше сидитъ и читаетъ. Какія страшныя и очаровательныя есть книги!

Реатовъ. Хотѣлъ-бы я, Алексѣй Сергѣичъ, вамъ два слова сказать наединѣ, если вы позволите.

Дунаевъ. Я готовъ слушать.

Реатовъ. Это наша тайна, Санечка, строжайшая тайна.

Александра. Я никому ее не выдамъ.

Реатовъ. Да и мы ея тебѣ не выдадимъ.

Александра. Онъ не долженъ имѣть тайнъ отъ меня.

Реатовъ. А все-таки это наша тайна.

Александра. Такъ я, значитъ, лишняя! Вотъ мило!

Реатовъ. Не сердись, мой другъ: черезъ короткое время я верну его тебѣ, а теперь ты насъ оставь.

Александра. Хорошо, что-жъ дѣлать! Это какъ тогда,когда я была дѣвочкой, и ты занимался, а я приходила тебѣ мѣшать, ты меня и выпроваживалъ, какъ теперь.

Реатовъ. Да, а ты сердилась и объявляла, что больше ко мнѣ не придешь.

Александра. До свиданья, Алексѣй Сергѣичъ,— секретничайте себѣ.

Реатовъ. Только смотри, дѣточка, не вздумай подслушивать.

Александра. Ну, конечно, не буду. Я не такая любопытная.

Уходитъ.

Реатовъ. Садитесь, Алексѣй Сергѣичъ, и поговоримъ. Прямо къ дѣлу. Вы знаете, что имѣетъ ваша невѣста?

Дунаевъ. Аполлонъ Максимовичъ! это меня нисколько не интересуетъ.

Реатовъ. Рѣшительно нисколько?

Дунаевъ. Конечно, мои средства невелики, а привычки Александры...

Реатовъ. Однимъ словомъ, приданое не мѣшаетъ?

Дунаевъ. Я за деньгами не гонюсь, но если Александра имѣетъ деньги, то тѣмъ лучше для нея. Я осмѣлился искать ея руки только потому, что искрен-

но люблю ее, и для меня все равно, хоть бы она ничего не имѣла.

Реатовъ. Другъ мой, позвольте мнѣ обнять васъ. Теперь я спокоенъ за Александру. Слава Богу, теперь я вижу, что ея судьба въ добрыхъ и вѣрныхъ рукахъ. А если-бъ вы знали, какъ я мучился послѣдніе дни, когда познакомился съ состояніемъ нашихъ дѣлъ!

Дунаевъ. Но развѣ?..

Реатовъ. Дорогой мой, мы совершенно разорены.

Дунаевъ. Но неужели?...

Реатовъ. Да, моя благовѣрная жила не по средствамъ. Я плавалъ, а здѣсь... Были сдѣланы рискованныя нововведенія въ хозяйствѣ. Еще старые долги, которые надо выплатить.

Дунаевъ. Вотъ какъ!

Реатовъ. Но это бы еще съ полбѣды. А вотъ бѣда: весь капиталъ былъ отданъ въ руки спекулянта, который внезапно обанкротился.

Дунаевъ. Все это очень непріятно. Я не смогу доставить Александрѣ Аполлоновнѣ всего того, что она привыкла имѣть.

Реатовъ. Что дѣлать! Я отдамъ Александрѣ все, что могу, но боюсь, что врядъ-ли уцѣлѣютъ отъ нашего состоянія и малыя крохи. Александра, быть можетъ, избалована жизнью. Любовь—дѣло хорошее, съ милымъ рай и въ шалашѣ, да только иногда браки по любви кончаются потасовками супруговъ. Лучше подавить въ себѣ нѣжныя чувства, чѣмъ потомъ всю жизнь плакаться на судьбу. Такъ и вы лучше подумайте, не отказаться-ли вамъ отъ этого брака, пока не поздно.

Дунаевъ. Нѣтъ, Аполлонъ Максимовичъ, если

Александра Аполлоновна согласится дѣлить мою бѣдность, то я буду счастливъ назвать ее своей женой. Богъ съ нимъ, съ этимъ богатствомъ! Все это, пожалуй, и къ лучшему.

Реатовъ. Даже къ лучшему?

Дунаевъ. Да, конечно: по крайней мѣрѣ, ни люди не осудятъ, что изъ-за денегъ женился, да и жена будетъ знать, что я не за приданое ее беру, а по любви.

Реатовъ. Такъ! нѣчто вродѣ благодѣянія дѣлаете?

Дунаевъ. Помилуйте, Аполлонъ Максимовичъ, это, напротивъ, я буду считать себя осчастливленнымъ, если Александра Аполлоновна согласится...

Реатовъ. Да, да, я вѣрю вашимъ благороднымъ чувствамъ. А все-таки, мой другъ, безъ денегъ плохо. Тѣмъ болѣе, что и въ будущемъ, какъ оказывается, нѣтъ ни малѣйшей надежды.

Дунаевъ. Буду надѣяться на себя, на свои силы, съ насъ и достаточно.

Реатовъ. Былъ дядя у моей жены, вы знаете?

Дунаевъ. Развѣ ужъ скончался?

Реатовъ. Нѣтъ, еще живъ. Но я говорю: былъ, потому что если-бъ онъ раньше умеръ, то жена была-бы его наслѣдницей, а теперь...

Дунаевъ. А теперь Александра Аполлоновна—наслѣдница.

Реатовъ. Александра—наслѣдница? Съ чего вы это взяли?

Дунаевъ. Но какъ же? Вѣдь ваша супруга получила-бы, если-бъ не скончалась,—такъ почему-же Санечка не можетъ?

Реатовъ. Почему не можетъ?... Ахъ, вотъ что,—

такъ вы до сихъ поръ ничего не знали... А я думалъ...

Дунаевъ. Но въ чемъ-же дѣло? Я, право, ничего не понимаю.

Реатовъ. Такъ вамъ жена-покойница ничего не открыла?

Дунаевъ. Ничего.

Реатовъ. Странно. А впрочемъ, это на нее такъ похоже. Всегда фантазіи, тайны, неожиданности, капризы... Да Александра и сама не знаетъ... Она выросла въ нашей семьѣ въ такихъ мысляхъ...

Дунаевъ. Такъ неужели Александра Аполлоновна?..

Реатовъ. Да, другъ мой,—вѣдь вы, все равно, скоро узнали бы истину... Жена хотѣла непремѣнно имѣть дѣвочку,—и вотъ...

Дунаевъ. Такъ вотъ въ чемъ дѣло! А я ничего не зналъ. Мнѣ почему-то не сказали.

Реатовъ. Вы такъ любите ее, что вамъ все равно, какъ бы она ни называлась.

Дунаевъ. Да, конечно, но...

Реатовъ. Не все-ли равно, Реатова-ли она, или Александра Трофимовна Глаздырина, крестьянская дѣвица? Конечно, фамилія немножко вульгарная...

Дунаевъ. Да, но...

Реатовъ. Но она покроется фамиліей мужа, не такъ ли? Деревенская родня не очень намъ надоѣдала.

Дунаевъ. А бывали таки?

Реатовъ. Нельзя же, знаете, безъ того. Родственныя чувства...

Дунаевъ. Да, да, конечно...

Реатовъ. Эти деревенскіе гостинцы, кокорки, ка-

литки изъ чернаго тѣста съ кислымъ творогомъ... Точно Александра можетъ ихъ ѣсть! Конечно, уписывала-бы за обѣ щеки, но воспитаніе, вы знаете.

Дунаевъ. Да, конечно.

Реатовъ. Вотъ только то досадно, что это обстоятельство лишаетъ ее, какъ видите, права получать наслѣдства отъ родственниковъ моей покойной жены.

Дунаевъ. Ну, что-жъ, и не надо.

Реатовъ. Такъ не лучше-ли вамъ, голубчикъ, отказаться? А? Пока не поздно. Вы найдете себѣ легко и богатую невѣсту. Право, лучше будетъ, а?

Дунаевъ. Нѣтъ, да отчего же! Я право не знаю.

Реатовъ. Вы-бы подумали, мой другъ, прежде чѣмъ связывать себя.

Дунаевъ. Да, конечно, я подумаю...

Реатовъ. Ну, вотъ и отлично.

Дунаевъ. Да нѣтъ, впрочемъ, отчего-же! Мнѣ все равно, а вотъ какъ Александра Аполлоновна, это отъ Александры Аполлоновны зависитъ.

Реатовъ. Такъ вотъ, я вамъ высказалъ. Теперь, если угодно, я пошлю въ вамъ Александру.

Дунаевъ. Да, да, конечно, Александра Трофимовна...

Реатовъ. Только, знаете что, другъ мой, вы ее пока Александрой Трофимовной не называйте,—пусть она пока Аполлоновной останется. Она, видите-ли, привыкла,—а такъ, сразу, пожалуй, обидно покажется.

Дунаевъ. Да, да, я понимаю, это совершенно нечаянно, съ языка сорвалось. Такъ я ужъ тутъ подожду.

Реатовъ. Сейчасъ я вамъ ее пришлю.

Уходитъ. Дунаевъ мнется на мѣстѣ. Беретъ шляпу. Очень разстроенъ. Прохаживается. Заглянулъ въ зеркало. Подошелъ къ двери направо. Постоялъ. Пожалъ плечами. Быстро пошелъ къ выходной двери, въ глубинѣ. Взялся за ручку двери. Не отворить. Возится съ ручкою, толкаетъ дверь. Отходитъ красный, раздосадованный. Бормочетъ.

Дунаевъ. Чортъ знаетъ, что такое!

Подходитъ къ окну. Лѣзетъ на подоконникъ. Входитъ Александра.

Александра. Что вы тамъ дѣлаете? Зачѣмъ вы на подоконникъ влѣзли?

Дунаевъ, (спрыгнулъ съ подоконника).—Ахъ, это вы, Александра Аполлоновна!... Я, видите-ли, я.., такъ... то есть, я уронилъ платокъ за окошко.

Александра. Такъ вы за платкомъ! Какой вы смѣшной! Да вы-бы послали кого-нибудь.

Дунаевъ. Да мнѣ, видите-ли, здѣсь ближе...

Александра. Побоялись, чтобы не унесли вашего платка? Какой вы скупой! Покажите-же мнѣ этотъ драгоцѣнный платокъ. (Смотритъ въ окно). Что-то я его не вижу.

Дунаевъ. Вѣтеръ унесъ, вѣтеръ, Александра Аполлоновна.

Александра. Полноте, какой теперь вѣтеръ!

Дунаевъ. То есть нѣтъ, это вотъ сейчасъ, когда я съ вами говорилъ, мальчишка пробѣжалъ, подхватилъ платокъ, да и былъ таковъ. Теперь я вспомнилъ, что тутъ вертѣлся мальчишка, бѣлоголовый такой мальчишка, оборвышъ, дыра на колѣнкѣ.

Александра. Бѣлоголовый оборвышъ похитилъ вашъ платокъ, а вы за нимъ въ погоню черезъ окошко устремились? Похвально!

Дунаевъ, (мямлитъ).—Да, ну что-жъ.

Александра. Положите вашу шляпу, и садитесь. И впередъ не роняйте платковъ за окошко, и не убѣгайте черезъ окно,—на то двери есть.

Дунаевъ. Извините, Александра Аполлоновна, но мнѣ надо итти. Если позволите, я приду вечеромъ, а пока...

Александра. Подождите. Тутъ дѣло не спроста. Объясните мнѣ, что это значитъ. О чемъ вы говорили съ отцомъ? Что съ вами? Отчего вы такъ смущены?

Дунаевъ. Право, ничего, Александра Алоллоновна, ничего,—все это разъяснится своевременно, разъяснится къ общему удовольствію.

Александра. Да что разъяснится? Что случилось? Отчего вы хотѣли прыгать изъ окна? Кажется, про платокъ вы сфантазировали зачѣмъ-то.

Дунаевъ. Право, я не знаю, какъ сказать...

Александра. И если вы хотѣли уйти, не встрѣтившись со мной, отчего вы не прошли черезъ эту дверь?

Дунаевъ. Но эта дверь заперта на ключъ.

Александра. Заперта? Вотъ странно! А вы развѣ уже пробовали тамъ пройти? Да, въ самомъ дѣлѣ, заперта. (Нажимаетъ кнопку электрическаго звонка. Медленно подходитъ къ двери направо. Тихо говоритъ что-то, пріоткрывъ дверь. Возвращается).—Что это за шутки, объясните ли вы мнѣ это, наконецъ?

Дунаевъ. Хорошо, Александра Аполлоновна, если вы непремѣнно требуете, я буду откровененъ. Я ду-

малъ, что намъ сегодня лучше было-бы не встрѣчаться. Аполлонъ Максимовичъ разъяснитъ вамъ, что ваше положеніе оказывается теперь другимъ, то есть, въ имущественномъ отношеніи... то есть... что средства ваши теперь ужъ не тѣ... то есть, нельзя сказать, что разореніе...

Александра. То есть, то есть! Какъ вы тянете! Сказали-бы прямо, что моихъ денегъ для васъ мало...

Дунаевъ. Нѣтъ, я не то имѣлъ въ виду. Но мои средства такъ ограничены, я не могу доставить вамъ того, что вы привыкли имѣть, и я думалъ, что вы, узнавъ настоящее положеніе дѣлъ, сами откажетесь...

Александра. Отъ чести быть вашей женою? Вы этого хотите?

Дунаевъ. Повѣрьте...

Александра. Довольно. Я поняла. Вы свободны. Идите.

Дунаевъ. Повѣрьте, Александра Трофимовна...

Александра. Какъ?

Дунаевъ. Виноватъ, совершенно нечаянно.

Александра. Вамъ хочется показать, что вы уже забываете, какъ меня зовутъ? Это забавно. Придумалъ,— Трофимовна!

Дунаевъ. Виноватъ, я думалъ... мнѣ послышалось... Аполлонъ Максимовичъ сказалъ...

Александра. Вы думали, вамъ послышалось, вамъ сказали,—ничего не пойму.

Дунаевъ. Но я думалъ, что вы знаете. Виноватъ, я, кажется, смѣшалъ.

Александра. Смѣшали меня съ какой-то Трофимовной? Это—ваша новая невѣста? Да? Прощайте.

Быстро уходитъ въ дверь направо. Дунаевъ въ нерѣшительности ходитъ по комнатѣ,—тихонько, словно крадучись, подбирается къ выходной двери,—исчезаетъ въ нее.

Александра (возвращаясь).—Ушелъ...

Молча стоитъ у окна. Входитъ Реатовъ.

Реатовъ. Ушелъ? Александра, какія у тебя холодныя руки. Дай мнѣ обнять тебя. Скажи мнѣ свое горе...

Александра. Жалкій такой.. Ушелъ... Назвалъ меня Трофимовной...

Реатовъ. Тебѣ жаль его?

Александра. Любви моей жалко! Любить такого! Стыдъ!

Реатовъ. Прости меня, дитя, за то, что я сдѣлалъ. Я заставилъ его снять передъ тобою маску, чтобъ разсѣять твои иллюзіи. Я знаю тебя: у тебя гордое сердце, и ты выберешь лучше смертную муку, чѣмъ сладкую ложь.

Александра. Да... Благодарю тебя... Но это жестоко—то, что ты сдѣлалъ.

Реатовъ. Только жестокая воля—воля.

Александра. Что ты ему сказалъ?

Реатовъ. Не многое. Я сказалъ, что мы разорены, что наслѣдства ты не получишь, потому что ты—нашъ пріемышъ, крестьянская дѣвочка.

Александра. Развѣ это правда?

Реатовъ. Мы богаты. Онъ это скоро узнаетъ, и вернется къ тебѣ.

Александра. Да я къ нему ужъ не вернусь. Но зачѣмъ ты это сказалъ?

Реатовъ. Затѣмъ, чтобы разомъ сорвать съ него маску. Я не хочу, чтобъ ты ему досталась, потому-что я тебя люблю, я самъ тебя люблю, люблю не такъ, какъ любятъ дочь, люблю тебя пламенною, непобѣдимою любовью. Не гляди на меня въ ужасѣ своими молніями-глазами. Любовь—не грѣхъ, любовь—законъ природы. Не мы сами распалили ее въ себѣ,—неотразимая сила вложила ее въ насъ,—и мы должны быть счастливы, хотя бы пришлось за это счастіе заплатить цѣною всей жизни. Мы уѣдемъ съ тобой далеко, въ чужіе края, гдѣ насъ не знаютъ,—мы будемъ счастливы бурнымъ и жгучимъ счастіемъ, сестра души моей, надменная и кроткая... Кто захочетъ отнять отъ насъ наше счастье, доколѣ мы, пресыщенные имъ, не отбросимъ его отъ себя, вмѣстѣ съ ненужной жизнью?

Александра. Ужасно то, что ты говоришь. Это грѣхъ.

Реатовъ. Любовь—не грѣхъ.

Александра. Ты сказалъ ему, что я пріемышъ, что я не дочь тебѣ. Можетъ быть, это правда? Скажи мнѣ, дочь я тебѣ или нѣтъ?

Реатовъ молчитъ.

Александра. Если-бъ я не была твоей дочерью!

Реатовъ. Хорошо, Александра, я скажу тебѣ правду, но раньше отвѣть мнѣ на два мои вопроса. Обѣщай, что скажешь мнѣ правду.

Александра. Хорошо, я скажу тебѣ правду.

Реатовъ. Какъ-бы это ни было тяжело?

Александра. Какъ-бы мнѣ ни было тяжело, я

скажу тебѣ правду. Я скажу тебѣ правду даже и тогда, если и сама еще этой правды не знаю теперь. Я обнажу свое сердце, и изъ самой глубины его выну правду. И тогда ты мнѣ скажешь, дочь я тебѣ или нѣтъ.

Реатовъ. Да. Скажи мнѣ: отецъ я тебѣ или не отецъ,—это сейчасъ ты узнаешь навѣрное,—но и въ томъ и въ другомъ случаѣ чувство твое останется то же? Сердце твое не перегоритъ же отъ одного моего слова, которое, притомъ, будетъ слово о прошломъ, далекомъ прошломъ?

Александра. Да, сердцу моему все равно, отецъ ты мнѣ или не отецъ.

Реатовъ. Теперь скажи, любишь-ли ты меня? Хочешь-ли быть моею? Ты поблѣднѣла и молчишь,—но ты обѣщала сказать мнѣ правду. Я жду... Какое долгое молчаніе! Да, не торопись отвѣтомъ, испытай свое сердце,—ты скажешь правду.

Долгое молчаніе. Александра отошла. Стоитъ. Возвращается.

Реатовъ. Какую тайну ты несешь мнѣ? Тебѣ страшно сказать ее. Скажи только одно слово: если ты любишь меня, если ты хочешь быть моею, скажи мнѣ: да. А если не такъ, скажи: нѣтъ.

Александра, (поспѣшно).—Да.

Реатовъ. Я достигъ цѣли. Но какъ тяжело! Это почти не радуетъ меня. Да, теперь мой чередъ сказать послѣднее, роковое слово.

Александра. Скажи, я дочь твоя или нѣтъ.

Реатовъ. Я люблю тебя.

Александра. Я не дочь тебѣ? да? Не дочь?

Реатовъ. Нѣтъ, не дочь. Я сказалъ ему правду, которой еще никто не знаетъ. А узнаютъ,—не повѣрятъ.

Александра. Мой милый! Что мнѣ до нихъ, злыхъ, лживыхъ, не вѣрящихъ правдѣ людей. Мы знаемъ,—мы счастливы.

ВАНЬКА КЛЮЧНИКЪ И ПАЖЪ ЖЕАНЪ

Драма въ тринадцати двойныхъ картинахъ.

ОТЪ АВТОРА.

Эта драма, въ русской ея части, написана по пѣснямъ, собраннымъ въ книгѣ „Великорусскія народныя пѣсни, изд. проф. А. И. Соболевскимъ“, томъ I, СПБ. 1895 г. (первые 47 варіантовъ, стр. 1—84).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь.
Княгиня.
Ванька.
Старый слуга.
Дѣвка-чернавка.
Кабацкія женки.
Пьяницы.
Княжескіе слуги.
Палачи.
Поганый татаринъ.

Графъ.
Графиня.
Жеанъ.
Агобардъ, дворецкій.
Раймонда, служанка.
Скворецъ.
Веселыя дѣвицы.
Пажи.
Графскіе слуги.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Широкій княжескій дворъ. Толпится всякая челядь княжеская,—князя ждутъ. Князь выходитъ на крыльцо, съ нимъ княгиня. Всѣ имъ низко кланяются, а они величаются. Изъ толпы проталкивается Ванька. Кланяется князю въ ноги, и говоритъ:

Ванька. Здравствуй, князь съ молодой княгинею, на многая лѣта!

Князь. Откуль тебя, молодецъ, къ намъ занесло?

Ванька. Жилъ былъ я у батюшки единый сынъ; во дрокушкѣ былъ у матушки, и во люби былъ у батюшки. Охвочъ то я былъ, молодецъ, гулять-загуливать, долгіе вечеры прохаживать, темныя ноченьки проѣзживать. Стрѣлялъ гусей, лебедей, стрѣлялъ сѣроплавныхъ утушекъ. Да женилъ меня батюшка неволею, неохотою. Приданаго много, человѣкъ худой.

Князь. Вѣстимо, — приданое большое на грядкѣ виситъ, худая жена на кроваткѣ лежитъ.

Ванька. Пошелъ я, молодецъ, отъ худой жены да

неудачливой изъ земли въ землю, попалъ я, молодецъ, къ тебѣ на княжескій дворецъ. Бью челомъ, да поклоняюсь, самъ тебѣ, князю, да во служеніе даваюсь.

Кланяется въ ноги.

Князь. А служить то вѣрно-ли станешь?

Ванька. Служить я стану вѣрою-правдою, въ очью, за-очью неизмѣнною.

Князь. А и живи ты у меня, молодецъ, въ конюхахъ.

Ванька. На томъ бью челомъ. Много доволенъ твоею княжескою милостью. Дай Богъ тебѣ добраго здоровья и съ молодою княгинею на многая лѣта.

Кланяется въ ноги.

Дворъ графскаго замка. На дворѣ слуги и пажи. Выходятъ на крыльцо графъ и графиня. Всѣ имъ низко кланяются, а они милостиво отвѣчаютъ на поклоны. Изъ толпы выступаетъ Жеанъ. Склоняетъ колѣни передъ графомъ, и говоритъ:

Жеанъ. Милостивый господинъ мой графъ и милостивая графиня, будьте благосклонны ко мнѣ, бѣдному отроку, сыну благородныхъ и благочестивыхъ родителей.

Графъ. Прекрасный отрокъ, кто ты и откуда?

Жеанъ. Имя мое Жеанъ, прозвище Милый. Родомъ я изъ Гогенау. Отецъ мой—старый воинъ и вѣрный вашъ вассалъ, Робертъ Соколъ. Отецъ научилъ меня вла-

дѣть оружіемъ, отъ матери выучился я играть на лютнѣ и пѣть забавныя и пріятныя для дамъ и дѣвицъ пѣсни, а добрый монахъ обители въ Гогенау, братъ Ѳома, не жалѣлъ трудовъ и розогъ, чтобы обучить меня чтенію и письму. Родители послали меня въ свѣтъ, чтобы я поступилъ на службу къ одному изъ знатныхъ господъ;— и вотъ я склоняюсь къ ногамъ вашимъ, милостивѣйшій господинъ мой графъ, и умоляю васъ принять меня на службу. Обѣщаю служить вамъ вѣрно и усердно, всею крѣпостью моихъ силъ и моего разумѣнія, и даже не жалѣя самой моей жизни для пользы и выгодъ моего господина и его любезной и прекрасной супруги, прелести которой сіяютъ, подобно солнцу, если возможно одному солнцу сіять при другомъ, еще болѣе блистательномъ.

Графъ. Мальчишка болтаетъ не плохо, и кланяется таки усердно.

Графиня. Мнѣ кажется, что изъ него выдетъ хорошій пажъ.

Графъ. Посмотримъ. А пока пусть послужитъ подъ рукою нашего конюшаго Адальберта.

Жеанъ. Да благословитъ васъ Господь побѣдами и славою, милостивый графъ. Да благословитъ васъ Господь счастіемъ и любовью, милостивая графиня.

Кланяется низко, и цѣлуетъ полу графскаго плаща и край графинина платья.

ВТОРАЯ КАРТИНА.

Свѣтлица въ княжескомъ домѣ. Князь и княгиня сидятъ одни.

Князь. Свѣтъ моя княгинюшка, душа Аннушка, а кто тебѣ хорошъ, кто пригожъ?

Княгиня. Ты хорошъ, ты пригожъ. Ты мнѣ милѣй красна солнышка. ясна мѣсяца. Изъ князей, изъ бояръ, изъ торговыхъ гостей, изъ простыхъ людей никто съ тобой, свѣтъ мой, не сравняется силой удалью молодецкою. А и очи у тебя соколиныя, а и брови у тебя соболиныя, а и кудри твои чернѣй темной ноченьки разсыпаются. А и мудрѣе тебя никто не сыщется,—слово скажешь, рублемъ подаришь.

Князь (самодовольно). Да ужъ я, вѣстимо. Ужъ меня взять.

Цѣлуются.

Князь. А изъ дворни кто хорошъ, кого жаловать?

Княгиня. А изъ дворни хорошъ Ванька-конюхъ. И онъ годъ у насъ жилъ, вина горькаго не пивалъ, сладкимъ медомъ не закусывалъ.

Князь. А и быть Ванькѣ ключникомъ. (Кричитъ). Ванька!

За сценою слышны крики:

— Ванька, Ванька!
— Гдѣ Ванька?
— Князь Ваньку кличетъ.
— Бѣги, пострѣлъ, за Ванькой скорѣича.
— Ванька!
— И гдѣ онъ, лѣшій, запропалъ?
— Ванька, чортъ, лѣшій, шевелись, колода дубовая, князь тебя зоветъ.
— Иди, пентюхъ неоколоченный,—князь дожидается, шибко гнѣвается.

— Дай ему туза, чтобы шибче бѣжалъ.

— Бѣги, бѣги, Ванька, закатывай,—князь тебя изъ собственныхъ рукъ пожалуетъ.

— Ну, чего мнешься,—иди!

— Иди, иди!

Кто-то вталкиваетъ Ваньку въ свѣтлицу. Ванька влетаетъ, бухаетъ въ ноги. Поднимается, встряхиваетъ волосами, и вторично кланяется въ ноги степенно.

Ванька. Я, значитъ, тутотки, Ванька, значитъ.

Князь. А и гладокъ ты, Ванька. Богъ тебя, молодца, милуетъ, а я, князь, тебя крѣпко жалую: вынимаю тебя изъ конюховъ, кладываю тебя, добра молодца, въ ключники.

Ванька. На томъ тебѣ, князь съ молодою княгинею, много благодарствую. (Кланяется въ ноги) Пожалуйте ручку. (Цулѣетъ князю руку). Государыня княгиня, пожалуйте ручку. (Цѣлуетъ княгинѣ руку).

Князь. Ты, Ванька, смотри, не своруй, береги наше добро пуще своего живота.

Ванька. Ужъ это какъ есть, на томъ стоимъ. (Кланяется въ ноги).

Князь. А и своруешь ты, Ванька, велю драть безъ милосердія, а потомъ нещадно повѣшу.

Ванька. Ужъ это какъ есть, такое дѣло. (Кланяется въ ноги).

Князь. А и будешь ты вѣренъ, Ванька, я тебя много пожалую.

Ванька. Твоей милости, князь, радъ служить, это что и говорить. (Кланяется въ ноги).

Князь. А теперь, Ванька, иди.

Ванька. Будь здоровъ, князь съ молодою княги-

нею, на многая лѣта, а я тебѣ вѣрный слуга.

Кланяется въ ноги, уходитъ и сплевываетъ.

Княгиня. Обходительный молодецъ.
Князь. Я на него въ надеждѣ, что не своруетъ.
Княгиня. Онъ не такой, не своруетъ.

(Князь и княгиня цѣлуются).

Комната въ графскомъ замкѣ. Графъ и графиня сидятъ одни.

Графъ. Свѣтъ моихъ очей, душа моей души, милая моя Жеанна, кто любъ тебѣ на этомъ свѣтѣ?

Графиня. Возлюбленный мой господинъ, когда я жила дома, милѣе всѣхъ на свѣтѣ были мнѣ мои милые родители. Но вѣдь тебя тогда я еще не знала.

Графъ (улыбаясь).—А потомъ?

Графиня (кокетливо). А также моя старенькая няня. Но вѣдь тебя тогда я не знала.

Графъ. А потомъ?

Графиня. Я видѣла много прекрасныхъ и доблестныхъ рыцарей, но ты, мой возлюбленный повелитель, всѣхъ прекраснѣе и всѣхъ доблестнѣе. Твоя грудь шире, чѣмъ грудь рыцаря Ромуальда изъ Нормандіи, побѣдителя на одиннадцати турнирахъ. Твой голосъ звучнѣе, чѣмъ голосъ Руанскаго соборнаго пономаря. А твои ласки пламеннѣе и слаще...

Краснѣетъ и умолкаетъ. Графъ самодовольно крутитъ усъ. Графиня робко смотритъ на него, и радостно улыбается. Они цѣлуются.

Графъ. Хочу твоимъ именемъ наградить того изъ слугъ, кто усердіемъ заслужилъ твою милость.

Графиня. Мальчишка Жеанъ, который служитъ на конюшнѣ, такъ усерденъ, что забавно смотрѣть на него. Дуетъ и плюетъ на мое стремя, и третъ его рукавомъ, чтобы оно блестѣло, какъ червонное золото.

Графъ. Быть Жеану пажомъ.

Звенитъ кинжаломъ о подножіе канделябра. Входитъ старый дворецкій Агобардъ.

Графъ. Старый хрѣнъ Агобардъ, призови-ка ты къ намъ Жеана, мальчишку съ конюшни, того, смазливаго, что кличутъ Милымъ. Да пусть пріодѣнется и помоется, чтобы не пахло отъ него здѣсь тѣмъ, чѣмъ не надо.

Агобардъ. А мальчишка Жеанъ тутъ какъ тутъ,— самъ пришелъ принаряженный, и свои свѣтлыя кудри расчесалъ волосъ къ волосу.

Графъ. А! Что ему надо?

Агобардъ. Да такъ, глупости! Милостивая госпожа и смотрѣть не захочетъ.

Графиня. А что такое, милый Агобардъ?

Графъ. Любопытная дочь Евы!

Агобардъ. Сущія глупости! Ужъ я его гналъ, да просится очень жалобно. Скворца, слышь, поймалъ, посадилъ въ клѣтку, да научилъ его кое-какія слова болтать, хочетъ поднести милостивой госпожѣ. Право, такія глупости!

Графиня (радостно). Это презабавно! Агобардъ, милый старый хрѣнъ, зови его сюда скорѣе, и пусть несетъ скворца.

Агобардъ (ворча, открываетъ дверь, и кричитъ).—

Эй, ты, мальчишка, иди ка сюда. Да кланяйся ниже, неотесанный неучъ!

Жеанъ входитъ, низко кланяется, подходитъ къ графу и графинѣ, и становится передъ графинею на колѣни. Въ рукѣ его клѣтка, въ клѣткѣ скворецъ.

Скворецъ (кричитъ). Многая лѣта!

Графъ хохочетъ громоподобно, графиня заливается дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Смѣются и Жеанъ и Агобардъ.

Жеанъ (когда смѣхъ нѣсколько затихъ). Милостивая госпожа...

Скворецъ (кричитъ). Графъ грозенъ врагамъ!

Опять смѣются всѣ, графъ и графиня, сидя на своихъ высокихъ креслахъ, Агобардъ стоя у дверей, и Жеанъ на колѣняхъ передъ графинею. Смѣются долго. Когда смѣхъ затихаетъ, опять говоритъ:

Жеанъ. Милостивая госпожа, соблаговолите принять эту ничтожную дань отъ усерднѣйшаго, хотя и меньшаго изъ слугъ вашихъ.

Скворецъ (кричитъ). Прекрасная графиня!

Всѣ опять смѣются попрежнему.

Графиня. Спасибо, Жеанъ Милый, твой подарокъ очень мнѣ нравится. Скворецъ будетъ висѣть въ той комнатѣ, гдѣ я вышиваю.

Графъ. Ты ловокъ, Жеанъ Милый. Изъ тебя будетъ, вижу, толкъ. Увольняю тебя отъ службы подъ рукою конюшаго нашего Адальберта, и ставлю тебя нашимъ пажемъ. Пажъ Бернаръ изъ мальчишекъ выросъ, и уже сталъ бѣгать за дѣвчонками. Пора ему

быть оруженосцемъ. А ты вмѣсто него будешь служить за столомъ возлюбленной моей супругѣ, графинѣ Жеаннѣ.

Жеанъ радостно кланяется графу въ ноги.

Агобардъ, (ворчитъ). Большая, большая честь мальчишкѣ! Могъ бы и пониже за столомъ стоять,— много и постарше его есть пажей.

Графъ, (смѣется). Старый хрѣнъ разворчался. Ну, а ты, мальчишка, смотри у меня, служи усердно.

Жеанъ. Милостивый графъ, вѣрность моя не знаетъ предѣла, и мое усердіе споритъ съ моею вѣрностью о томъ, кто изъ двухъ пламеннѣе и сильнѣе.

Цѣлуетъ протянутыя ему милостиво руки графа и графини.

Графъ. Смотри, чтобы графинины тарелки были еще чище, чѣмъ ея золоченое стремя. Только не дуй и не плюй на нихъ.

Графъ и графиня смѣются. Жеанъ краснѣетъ.

Графъ. Старый хрѣнъ Агобардъ научитъ тебя всѣмъ порядкамъ, какъ и что. Ты его слушайся, да держи ухо востро, а то у меня расправа коротка.

Жеанъ. Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. А если въ чемъ провинюсь, милостивый господинъ, то вѣдь порядокъ всѣмъ намъ вѣдомъ. Нашъ братъ безъ того не живетъ, чтобы когда не побили.

Графъ. А за вѣрность и усердіе будешь награждаемъ.

Графиня (ласково). Много награждаемъ.

Жеанъ. Не для наградъ, за честь и за совѣсть служить буду. (Кланяется низко).

Графъ. А теперь, мальчуганъ, иди.

Жеанъ кланяется низко, поднимается и отходитъ. Графиня нѣжно смотритъ на мужа, положивъ руку на его колѣно. Говоритъ ласково:

Графиня. Жеанъ, подойди-ка. (Графу) Можно?

Графъ молча киваетъ головою. Жеанъ подходитъ и кланяется.

Графиня. Жеанъ, отъ тебя не очень пахнетъ конюшнею?

Жеанъ. Милостивая госпожа, я выкупался въ рѣчкѣ. Потомъ твоя служанка, которая очень красива, хотя обладаетъ только сотою долею твоей красоты, юная Раймонда, плеснула въ ковшъ сколько-то капель розоваго масла, и этой водою вытерла все мое тѣло, отъ шеи до пятокъ.

Графиня. Добрая Раймонда!

Смѣется. Графъ хохочетъ. Жеанъ краснѣетъ.

Агобардъ (ворчитъ). Эту Раймонду и мальчишку обоихъ бы плетьми.

Графиня. Ну, ну, старый хрѣнъ, не ворчи. Жеанъ, если ты такой душистый, такъ подойди ко мнѣ совсѣмъ близко. За скворца я хочу поцѣловать тебя въ твои алыя губы. (Графу). Можно, милый мой господинъ?

Графъ. Тебѣ-то можно, милая моя Жеанна. Ты— моя вѣрная женка.

Агобардъ (ворчитъ). Большая, большая честь такому мальчишкѣ! Я бы его и съ Раймондою вмѣстѣ...

Жеанъ (низко кланяясь). Милостивая графиня награждаетъ меня выше заслугъ.

Подходитъ близко. Графиня беретъ его лѣвой рукой за шею, правою за подбородокъ, смѣется и цѣлуетъ его въ губы такъ нѣжно, что Жеанъ багряно краснѣетъ. Графъ хохочетъ.

Графиня (нѣжно). За скворца.

Скворецъ (кричитъ). Многая лѣта!

Жеанъ кланяется низко, стыдливо закрывается рукавомъ, и убѣгаетъ. Графъ хохочетъ.

Графъ. Мальчишка услужливый и ловкій.

Графиня. Говорятъ, онъ поетъ искусно.

Графъ. Старый хрѣнъ, смотри за нимъ построже. Толкъ изъ него выдетъ. Да смотри, чтобы онъ обучался биться, какъ надлежитъ воину, и крѣпко зналъ все, что къ конному и пѣшему бою принадлежитъ.

Графиня (вздыхая, шепчетъ). Битвы да раны. Кого убьютъ, кого искалѣчатъ.

Графъ. Долгій міръ любъ лишь бабамъ да трусамъ.

Агобардъ уходитъ. Графъ и графиня цѣлуются.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА.

Садъ при княжескомъ домѣ. Княгиня ходитъ, цвѣты нюхаетъ, на Ваньку поглядываетъ. Ванька похаживаетъ близко, охорашивается и посвистываетъ.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька. (подходитъ).—Чего изволишь, княгиня?

Княгиня смѣется и заигрываетъ. Ванька кобянится.

Княгиня. Ванька, а Ванька!
Ванька. Чего изволишь, княгиня?
Княгиня. Что-то мнѣ нонича жарко, Ванька.
Ванька. Скинь сарафанъ, княгиня.
Княгиня. Гы-ы!

Ванька заигрываетъ. Княгиня кобянится.

Княгиня. Да ну тя къ лѣшему!
Ванька. Гы-ы!

Отходитъ и кобянится.

Княгиня. Ванька, а Ванька!
Ванька. Чего изволишь, княгиня?
Княгиня. Что-то у меня, Ванька, на закукоркахъ чешется, промежду лопатокъ зудитъ.
Ванька. Стань, княгиня, къ березѣ, почешись, княгиня, о березу спиной.

Княгиня смѣется и заигрываетъ. Ванька кобянится.

Ванька. Княгиня, а княгиня!
Княгиня. Чего тебѣ, Ванька?
Ванька. Стань ко мнѣ поближе, я тебя по спинѣ кулакомъ огрѣю, чтобы не чесалось.

Княгиня смѣется и ломается. Ванька охаживаетъ около нее, и поплевываетъ.

Княгиня. Ванька, а Ванька!
Ванька. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня смѣется. Ванька изловчается, и бьетъ княгиню ладонью по спинѣ.

Княгиня (пронзительно визжитъ).—И-и-ихъ! Чортъ, лѣшій, этакъ саданулъ!

Ванька (хохоча).—Ужъ больно ты гладкая!

Княгиня. Какъ саданулъ, ажъ мнѣ еще жарче стало.

Ванька. Скидай сарафанъ, да и вся недолга.

Княгиня (смѣясь и закрываясь кисейнымъ рукавомъ).—Увидятъ.

Ванька. Видѣть здѣсь некому.

Княгиня. Ванька, а Ванька!

Ванька. Чего изволишь, княгиня?

Княгиня. Ужъ больно ты глядокъ, Ванька. Гы-ы!

Ванька хохочетъ. Княгиня заигрываетъ.

Княгиня. Чего тутъ на солнцѣ прѣть! Ужъ мнѣ не въ терпежъ. Пойдемъ, Ванька, въ мои покои во особые.

Ванька (смѣясь).—А зеленаго вина поставишь?

Княгиня. Да ужъ поставлю.

Ванька. А сладкаго меда дашь?

Княгиня. Да ужъ дамъ.

Ванька. А печатнымъ пряникомъ угостишь?

Княгиня. Да ужъ угощу.

Ванька. А въ сахарныя уста поцѣлуешь?

Княгиня. Да ужъ такъ и быть, поцѣлую.

Ванька. А сарафанъ скинешь?

Княгиня. Да ну тя къ ляду, скину.

Ванька. И все прочее по тому же?

Княгиня. Подлипало ты, Ванька,—да ужъ скину, потому какъ очень мнѣ жарко, и совсѣмъ даже не въ терпежъ!

Смѣются оба.

Ванька. А голая спляшешь?

Княгиня. Ну инъ спляшу, была не была.

Ванька. Бери меня, добра молодца, за ручку за правую, веди въ свои покои во особые.

Уходятъ вмѣстѣ.

Садъ при графскомъ замкѣ. Графиня, держа въ рукѣ бѣлый вѣеръ, проходитъ мимо розовыхъ кустовъ. Жеанъ стоитъ за кустами, и смотритъ на графиню нѣжно и скромно.

Графиня. Жеанъ!

Жеанъ. Я здѣсь, графиня, неизмѣнно готовый служить вамъ и графу.

Графиня. Графъ охотится, мы одни. (Бросаетъ на Жеана томный взглядъ. Жеанъ краснѣетъ). Милый Жеанъ!

Жеанъ. Что прикажете, милостивая госпожа?

Графиня. Солнце такое высокое и знойное, небо безоблачное, сыновья Эола спятъ, и даже вѣтреный Зефиръ притаился въ кустахъ у рѣчки. Такъ мнѣ душно и жарко, глаза мои туманятся, и безпокойное сердце шепчетъ,—знаешь, что оно шепчетъ?

Жеанъ. Милостивая графиня, теменъ, но внятенъ юному слуху языкъ сердца.

Графиня. Противный Жеанъ, ты, кажется, вообразилъ что-то.

Жеанъ улыбается нѣжно и лукаво. Графиня краснѣетъ.

Графиня. Жеанъ, зачѣмъ ты смотришь на мою грудь? Я открыла ее не для тебя, а для сладкихъ вздоховъ моего бѣлаго вѣера.

Жеанъ. Простите, милостивая графиня.

Отходитъ въ сторону, и бросаетъ на графиню украдкою страстные взгляды.

Графиня Жеанъ, что же ты мнѣ не поможешь? Ты забылъ, что долженъ служить мнѣ?

Жеанъ. Что прикажете, милостивая госпожа?

Графиня. Застежки моего пояса колютъ мои пальцы,—разстегни мой душный поясъ, сними его съ меня.

Жеанъ (исполняя это, цѣлуетъ графинины руки, и говоритъ со вздохомъ). Этотъ поясъ имѣлъ свои минуты счастія. Жестокій! его объятія слишкомъ утомили милостивую госпожу.

Графиня. Дерзкій Жеанъ, не мечтаешь-ли ты замѣнить его тѣснымъ поясомъ своихъ сплетенныхъ рукъ? О, какой ты!

Треплетъ его по щекѣ. Жеанъ краснѣетъ и улыбается нѣжно.

Жеанъ. Милая графиня Жеанна!..

Графиня. Что скажешь, Жеанъ? Говори, говори, не бойся. Если и лишнее скажешь, я, такъ и быть, разсержусь не очень.

Жеанъ. Я вашъ вѣрный слуга, милая госпожа Жеанна. Моими руками я готовъ замѣнить вашъ поясъ, моимъ тѣломъ—ваше платье.

Графиня. О, какой ты!

Краснѣетъ и смѣется. Жеанъ смотритъ на нее смѣлымъ и вожделѣщимъ взоромъ.

Графиня. Противный мальчишка, Жеанъ!

Жеанъ (тихо). Милая Жеанна!

Графиня. О, вотъ ты какой!

Жеанъ становится на одно колѣно, и цѣлуетъ графинины руки.

Графиня. Очень жарко, когда цѣлуютъ одно и то же мѣсто.

Жеанъ. Милая Жеанна, ваше тѣло благоухаетъ, какъ райскій кринъ (цѣлуетъ ея плечи).

Графиня. О, мальчишка, да ты умѣешь цѣловать!

Жеанъ (вздыхая).—Несносныя преграды одеждъ!

Графиня (смѣется).—А ты бы хотѣлъ?

Жеанъ. Здѣсь никто не увидитъ, кромѣ высокаго солнца и вѣрнаго пажа Жеана.

Графиня. Жеанъ, знаешь, вѣдь ты—красавецъ. Правда!

Жеанъ. Говорятъ, госпожа.

Смѣется. Графиня щекочетъ его и щиплетъ. Жеанъ извиваясь въ ея рукахъ, нѣжными движеніями рукъ и плечъ ласкаетъ ея груди. При каждомъ его прикосновеніи графиня краснѣетъ и тихонько вскрикиваетъ.

Графиня. Совсѣмъ истомилась я на солнцѣ, въ этомъ саду, гдѣ и тѣнь деревьевъ пронизана змѣиными лобзаніями царящаго на небѣ чудовища. Какой онъ злой, этотъ драконъ! Говорятъ, что онъ весь по-

крытъ золотою чешуею. Жеанъ, проводи меня въ мою спальню, и побудь тамъ со мною.

Жеанъ. Я радъ служить милостивой госпожѣ.

Графиня. Ты споешь мнѣ пѣсенку.

Жеанъ. Хотя бы и двѣ, и сколько прикажете, графиня. А вы, милая Жеанна, сыграете мнѣ на лютнѣ?

Графиня. Какъ же тебѣ отказать, милый Жеанъ! Я сыграю тебѣ на лютнѣ.

Жеанъ (вздыхая). Несносныя преграды одеждъ!

Графиня (простодушно). Но вѣдь ихъ же тамъ не будетъ!

Жеанъ. Милостивая госпожа, извольте опереться на мою руку. Такъ вы не устанете,—лѣстница близка,—а по ея темнымъ и прохладнымъ переходамъ въ тишину вашего покоя я снесу васъ на рукахъ, милая Жеанна!

Уходятъ вмѣстѣ.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА.

Княгинина спальня. Ванька важно сидитъ за столомъ, величается; княгиня за нимъ ухаживаетъ, ставитъ на столъ меда сладкія и закусочки вкусныя.

Княгиня. Сама-то я, княгиня, стольничаю, сама-то я. княгиня, чашничаю, сама-то я, княгиня, постельничаю. Кормлю-пою добра молодца, кормлю-пою, низко кланяюсь; ѣшь, пей, Ванька, досыту, самъ ѣшь, меня тѣшь. (Низко кланяется).

Ванька (равнодушно). Кланяйся въ ноги, Перекраса очень красивая, перекрасивая,—княгиня Аннушка.

Княгиня (кланяясь Ванькѣ въ ноги). Не могу я наглядѣться на твою красоту молодецкую.

Ванька. Стели перину пуховую на кровать, на тесовую, складай круто-складно сголовьеце, натягай одѣяло соболиное.

Княгиня ловко и проворно исполняетъ сказанное. Стоитъ и ждетъ.

Ванька ѣстъ, громко чавкаетъ, пьетъ, громко чмокаетъ; наѣвшись, напившись, громко рыгаетъ и креститъ ротъ.

Княгиня (вкрадчиво). Душенька съ Богомъ бесѣдуетъ.

Ванька (сонно). Чего?

Княгиня. Душенька, говорю, съ Богомъ бесѣдуетъ.

Ванька. А ивыходишь ты дура, княгиня,—ты меня сладко напоила, накормила, я тебѣ вѣжливенько отрыгиваю, а душенька тутъ не причемъ. Ну, что-ль, готова коровать?

Княгиня. Готова, Ванька, готова. (Низко кланяется).

Ванька. Бери меня за бѣлыя руки, веди меня къ тесовой коровати, ложи меня, удала добра молодца, на пуховую перину.

Княгиня все исполняетъ.

Ванька. Дура, сапоги съ меня снять забыла.

Княгиня низко кланяется и разуваетъ Ваньку.

Ванька. Скидай сарафанъ.

Княгиня снимаетъ сарафанъ, и низко кланяется.

Ванька. Раздѣвай тѣло бѣлое, разувай ноги рѣзвыя.

Княгиня раздѣвается совсѣмъ, и низко кланяется.

Ванька. Пляши.

Княгиня низко кланяется и пляшетъ.

Ванька. Пой.

Княгиня пляшетъ и поетъ.

Ванька. Будетъ. Ложись подлѣ меня.

Княгиня низко кланяется и лѣзетъ на кровать.

Ванька (кричитъ). Ай-да баба! Сахаръ, а не баба!

Княгиня. Гы-ы, желанненькій мой! Соколъ мой ясный! Харя твоя поганая, чѣмъ ты меня взялъ?

Ванька (важно). Естествомъ.

Графинина спальня. Жеанъ внесъ графиню на рукахъ, и посадилъ ее въ кресло.

Графиня. Да ты сильный, Жеанъ! По темнымъ и прохладнымъ переходамъ высокой лѣстницы ты взнесъ меня на рукахъ, какъ легкое перо. Чего же хочешь въ награду за твое усердіе?

Жеанъ. Держать васъ, графиня Жеанна, держать на своихъ рукахъ, у своего сердца слышать нѣжный трепетъ вашей бѣлой груди,—о, милая Жеанна, это уже такое высокое блаженство, съ которымъ не сравняются и утѣхи того сада, который былъ насажденъ самимъ Богомъ.

Графиня. Между двумя рѣками, Жеанъ, неправда-ли?

Жеанъ. Между двумя руками, какъ между двумя рѣками, охвативъ мой рай, я насладился краткимъ, хотя и неполнымъ блаженствомъ. Вѣяніемъ быстраго бѣга приподнималась иногда завѣса райскихъ обитателей, завѣса легко колеблемая и уже не утверженная на жесткой оградѣ строгаго пояса. И стою теперь я, бѣдный пажъ, передъ легкою, но опущенною завѣсою, и несносная воздвигнута опять преграда между трепетомъ моимъ желаній и отрадою моего рая.

Графиня. Что-же преграды для смѣлаго! А знаешь, Жеанъ, хотя здѣсь и не такъ жарко, какъ въ саду, а все-таки душно. Мальчишка, сядь ко мнѣ на колѣни.

Жеанъ прижимается къ графинѣ. Графиня медленно снимаетъ съ него кафтанъ.

Графиня. Видишь, мальчишка, я сама служу тебѣ. Хочешь, я налью тебѣ вина, и подамъ его тебѣ?

Жеанъ. Если милостивую графиню это забавляетъ, то я, вѣрный слуга ея, готовъ быть на часъ господиномъ милой Жеанны.

Графиня. Добрымъ господиномъ?

Жеанъ. Если захочешь, милостивая Жеанна, то и жестокимъ.

Графиня. О, мальчишка, ты дерзкій! Но посмѣешь-ли ты?

Жеанъ. Если захочетъ милостивая графиня, то и посмѣю.

Графиня сталкиваетъ съ колѣнъ полураздѣтаго Жеана. Наливаетъ два кубка вина. Одинъ подаетъ Жеану.

Жеанъ. За здоровье милостиваго графа.

Пьютъ.

Графиня. Что же ты стоишь? Здѣсь никто не увидитъ,—вотъ мягкое ложе, лягъ на него, а я на тебя полюбуюсь.

Жеанъ (садясь). Такіе пыльные башмаки, и подошвы въ пескѣ.

Графиня. О, мальчишка, ты уже требуешь услугъ!

Нагибается и стаскиваетъ съ него обувь.

Графиня. Теперь лягъ.

Жеанъ ложится, графиня смотритъ на него и смѣется. Жеанъ краснѣетъ. Графиня быстро обнажаетъ его.

Графиня. Пей, милый Жеанъ.

Пьютъ.

Графиня. Ты раскраснѣлся отъ вина.

Жеанъ. Не отъ вина, милая Жеанна, а отъ желаній.

Графиня. Чего ты хочешь?

Жеанъ. Твоихъ поцѣлуевъ.

Графиня смѣется и цѣлуетъ его.

Графиня. Ты глупый, Жеанъ,—развѣ ты больше ничего не хочешь?

Жеанъ. Хочу.

Графиня. Чего же ты хочешь?

Жеанъ. Паденія несносныхъ преградъ.

Графиня смѣется и раздѣвается.

Графиня. Мы съ тобою глупые, Жеанъ, какъ Адамъ и Ева. Не позвать-ли намъ мудраго змія?

Жеанъ. Жеанна, змій ужъ здѣсь. Вотъ онъ смотритъ въ окошко. Развѣ ты не слышишь, что онъ шепчетъ?

Графиня (смѣется) Слышу. Онъ соблазняетъ меня. попробовать это яблоко. (Слегка кусаетъ его за щеку).

Жеанъ. О, Жеанна, это—моя щека! Онъ шутитъ, злой змій. Мнѣ онъ не то шепчетъ.

Графиня. А что, Жеанъ?

Жеанъ. Онъ шепчетъ мнѣ: возьми ее за ея черныя косы, повергни ее на ложе, и дѣлай съ нею, что хочешь.

Легонько беретъ графиню за волосы, и тянетъ ее внизъ. Графиня притворилась испуганною.

Графиня (кричитъ). Жеанъ, Жеанъ, не тащи такъ сильно, я сама лягу, я сама...

Падаетъ рядомъ съ Жеаномъ на ложе. Жеанъ смѣется, и обнимаетъ ее.

Графиня. Противный, ты меня напугалъ.

Жеанъ. Милая Жеанна, но вѣдь это совѣтъ змія, а онъ знаетъ, какъ это дѣлается.

Графиня. Милый Жеанъ, брать женщинъ силою умѣетъ и поганый татаринъ, и дикій московитъ. Любовь хочетъ дерзновенія, но ненавидитъ насиліе.

Жеанъ. О, моя милая нагая проповѣдница! Ты столь же мудра, какъ и прекрасна.

Графиня. Возлюбленный мой! Ясный мой соколъ! О, негодный мальчишка, чѣмъ ты меня плѣнилъ, Жеанъ?

Жеанъ. Любовью, о милая Жеанна, любовью. Жеанна! Жеанна! возлюбленная моя! Жеанна!

Обнимаетъ и ласкаетъ ее страстно.

Графиня. Жеанъ, Жеанъ, Жеанъ!

ПЯТАЯ КАРТИНА.

Садъ. Княгиня изъ окна глядитъ. Ванька подъ окномъ похаживаетъ, поплевываетъ и посвистываетъ.

Княгиня. Ванька ты Ванька, подлецъ, что ты со мною издѣлалъ? Какъ была я мужу вѣрная жена, а нонича, какъ я ему погляжу въ очи?

Ванька (сплевывая). Такъ и поглядишь. Всѣ вы, бабы, до нашего брата охочи.

Садъ. Графиня изъ окна роняетъ платокъ. Жеанъ его поднимаетъ, цѣлуетъ и прячетъ.

Графиня. Жеанъ, Жеанъ, противный! Что ты со мною сдѣлалъ! Я графу была вѣрною женою,—а теперь, какъ я ему погляжу въ очи?

Жеанъ. Гляди ему смѣло въ глаза, милая Жеанна. Развѣ ты единственная, которую онъ ласкаетъ?

Графиня. Жеанъ, но вѣдь я же—его жена.

Жеанъ. Ты и останешься его вѣрною женою.

Графиня. Измѣнять мужу очень грѣшно.

Жеанъ. Помолись, покайся и молчи. Богъ проститъ, попъ разрѣшитъ, графъ не узнаетъ.

Графиня. А и правда, Жеанъ. Поцѣлуемся лучше,—ужъ за одно.

ШЕСТАЯ КАРТИНА.

Княгининъ теремъ. Ванька съ княгинею за столомъ сидятъ, угощаются, бесѣдуютъ.

Княгиня. Ванька ты Ванька, удалый добрый молодецъ, не ходи ка ты во царевъ кабакъ.

Ванька. Эка вывезла! Въ кабакъ да не ходить. Дура ты дура, а еще княгиня!

Княгиня. Я дура, а ты умный, меня послушай. У тебя, умнаго, одна дума, у меня, дуры бабы, семьдесятъ семь думокъ.

Ванька. Ври!

Княгиня. Какъ ты зайдешь, удалый, во царевъ кабакъ...

Ванька. И зайду.

Княгиня. Напьешься ты, Ванька, зелена вина.

Ванька. И напьюсь.

Княгиня. Будешь ты, удалый, въ хмѣльномъ разумѣ.

Ванька. Ну, и буду.

Княгиня. Тутъ ты, удалый, раскуражишься и поразбракаешься...

Ванька. Это какъ есть, такое дѣло. Богатый хвалится богачествомъ, бѣдный хвалится своею бѣдностью, сильный хвалится своею силою.

Княгиня. А ты мною, Аннушкою, порасхвастаешься.

Ванька. Да неужто жъ я такой свиньей буду! Да тебя, мою голубушку, нешто позорить стану! Да ни въ жизть! Да лопни мои оченьки! Да тресни моя утроба! Да провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! Да будь я анафема проклятъ!

Княгиня. Ой, Ванька, ты Ванька, станешь ты, молодецъ, упиватися, буйными словесами похвалятися, порасхвастаешься ты по пьяному дѣлу.

Ванька долго чешется, крѣпко думаетъ, сплевываетъ и говоритъ:

Ванька. По пьяному дѣлу, оно, конечно, это какъ есть, ужъ не безъ того, что порасхвастаюсь.

Княгиня. ~~Тутъ~~ тебѣ, удалому, живу не бывать.

Ванька. Пошто?

Княгиня. Князь узнаетъ.

Ванька. Нешто?

Княгиня. Да ужъ узнаетъ.

Ванька. Ишь ты!

Княгиня. Какъ вскричитъ тогда князь громкимъ голосомъ, по звѣриному: „Ужъ вы слуги мои, слуги вѣрные! Вы подите въ чисто поле, копайте двѣ ямы глубокія, становите два столба еловые, кладите перекладины дубовыя, вѣшайте петельку шелковую, вы возьмите—приведите добра молодца, вы повѣсьте-ка моего вѣрнаго слугу Ванюшку!“ Молодецъ въ петелькѣ закачается; княгиня Аннушка въ терему скончается.

Ванька долго чешется, крѣпко думаетъ, сплевываетъ далекохонько, и говоритъ:

Ванька. Ай же ты Аннушка, моя голубушка, княжецкая жена, моя милая полюбовница! Не пойду я во царевъ кабакъ, не стану пить зелена вина, запивать медами застоялыми!

Графинина свѣтлица. Графиня и Жеанъ сидятъ за столомъ. Передъ ними два кубка вина и фрукты.

Графиня. Милый Жеанъ, не води дружбы съ молодыми повѣсами, не ходи съ ними въ трактиры, не пей съ ними вина.

Жеанъ. Милая Жеанна, какъ же я могу чуждаться моихъ товарищей! Меня назовутъ гордымъ, и станутъ надо мною смѣяться. И какъ вина не пить! Оно веселитъ душу.

Графиня. Глупый мальчишка! Не слушаешься и даже не хочешь спросить, почему я тебя прошу объ этомъ.

Жеанъ. Прихоти дамъ неисчислимы.

Графиня. Напьешься ты, Жеанъ, пьяный.

Жеанъ. И начну куралесить, дѣло извѣстное.

Графиня. И начнешь болтать всякій вздоръ.

Жеанъ. Правда, милая Жеанна,—напьемся, такъ чего чего не придумаемъ. Да, вино много даетъ человѣку,—смѣхъ, шутки, и слезы, и шалости, и выдумки, и пѣсни.

Графиня. Станешь хвастаться.

Жеанъ. А развѣ я не красивъ? Развѣ мнѣ нечѣмъ похвастаться? Ужъ если взоры милостивой госпожи упали на меня...

Графиня. Вотъ, глупый мальчишка, этимъ то ты и будешь хвастаться. Мною похвалишься. (Плачетъ).

Жеанъ. Милая Жеанна, какъ ты могла это подумать! Неужели я такой безчестный! Неужели я предамъ позору твое сладчайшее имя! Лучше мнѣ умереть, чѣмъ совершить такой низкій поступокъ!

Графиня. Правда, Жеанъ, милый? О, я хочу тебѣ вѣрить, но я все-таки боюсь. Мы, женщины, такъ робки, а вы, мужчины, такъ необузданно смѣлы: вы говорите, не успѣвши подумать. Вы, мужчины...

Жеанъ. О, милая Жеанна, ты права. Осторожность—не свойство молодого воина.

Графиня. И тогда мы съ тобою погибнемъ.

Жеанъ. Почему?

Графиня. Графъ узнаетъ.

Жеанъ. Какъ онъ можетъ узнать? Вѣдь онъ съ нами не бражничаетъ.

Графиня. Ему донесутъ.

Жеанъ. Друзья?

Графиня. Дружба легко переходитъ во вражду. Да и что дружба! И въ поэмахъ говорится немало про измѣну друзей.

Жеанъ (задумчиво). Да, друзья! Знаю я ихъ! Ты—умная, Жеанна! Ты все знаешь, и все понимаешь.

Графиня. Графъ прикажетъ повѣсить тебя, а мнѣ отрубитъ голову,—а то еще и хуже: накажутъ меня розгами, и постригутъ въ монахини, словно живую заколотятъ въ гробъ. А графъ женится на другой.

Жеанъ. Милая Жеанна, возлюбленная моя! Отнынѣ ужъ не стану я водить дружбы съ молодыми повѣ-

сами, ходить съ ними въ веселыя мѣста, пить съ ними не стану вина.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА.

Раннимъ утромъ у калитки княжескаго сада стоитъ Дѣвка-Чернавка. Изъ калитки вышелъ Ванька, свѣтелъ и радостенъ,—и онъ громко посвистывалъ, далекохонько сплевывалъ. А какъ Дѣвку-Чернавку увидалъ,—принахмурился.

Дѣвка-Чернавка (жалостно). Передрогла—перезябла я, красна дѣвица, Дѣвка-Чернавка, за стѣною стоючи бѣлокаменною, добра молодца дожидаючи, что удалого Ваньку, ключника княжескаго.

Ванька (важно). Ни по што стояла, ни для ча ожидала, даромъ рѣзвы ноженьки топтала, иди себѣ ни съ чѣмъ, пока не бита.

Дѣвка-Чернавка (умильно). Ванька, а Ванька, жаланный, подь ко мнѣ, Ванька!

Ванька (грубо). Отстань, постылая!

Дѣвка-Чернавка (укоризненно). Прежде со мною любовь имѣлъ, а нонича рыло въ сторону воротишь.

Ванька (со злостью). Отвяжись, подлая!

Дѣвка-Чернавка (съ угрозою). Ты у меня попомнишь. Спокаешься, да поздно будетъ.

Расходятся въ разныя стороны.

У калитки графскаго сада утромъ Раймонда ждетъ. Изъ калитки выходитъ Жеанъ.

Раймонда. Утро холодное, а я жду тебя, милый Жеанъ.

Жеанъ. Зачѣмъ ты встала такъ рано? На росистой травѣ стоишь ты босая,—смотри, захвораешь отъ простуды. Иди домой, въ теплую горницу.

Раймонда. Милый Жеанъ, согрѣй меня нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Жеанъ. Раймонда, мнѣ не хочется цѣловаться.

Раймонда. Жеанъ Милый, приди ко мнѣ сегодня ночью.

Жеанъ. Раймонда, сегодня ночью я не могу притти.

Раймонда. Гдѣ же твоя былая любовь? Или забылъ ты мои ласки?

Жеанъ. Снѣгъ таетъ, воды бѣгутъ, вчерашнее забыто.

Раймонда. Но ты вспомнишь!

Расходятся въ разныя стороны.

ВОСЬМАЯ КАРТИНА.

Улица. Ванька одинъ. Стоитъ невеселъ, голову повѣсилъ, задумался крѣпко, говоритъ самъ съ собою.

Ванька. Ой неволя, неволя — княжескій дворъ! Что-то мнѣ да захотѣлось съ отцомъ да съ матушкою да повидатися, со худою женою да неудачливою,—вѣдь

и плакала она, какъ рѣка лилась, слезы катятся, какъ ручьи текутъ, возрыдалася, что погоды бьютъ.

Входитъ первая кабацкая женка. Подкрадывается къ Ванькѣ, и хлопаетъ его по плечу. Ванька вздрагиваетъ и вскрикиваетъ.

Ванька. О, чтобъ тебѣ пусто было!

Первая кабацкая женка. Ванька Ключникъ, вѣрный слуга княжескій, что стоишь невеселъ, буйну голову повѣсилъ? Еще что у тебя за несчастье? Ай цѣловать некого?

Хохочетъ, прижимается къ Ванькѣ, и говоритъ:

Первая кабацкая женка. Пойдемъ, пойдемъ, удалъ добрый молодецъ, зайдемъ да во царевъ кабакъ за гульбой.

Ванька (отталкивая ее). Ну тя къ лѣшему.

Она хохочетъ и уходитъ. Ванька смотритъ за нею, ухмыляется весело, сплевываетъ,—и опять крѣпко думаетъ. Входитъ вторая кабацкая женка. Подкрадывается къ Ванькѣ, и хлопаетъ его по спинѣ. Ванька вздрагиваетъ и вскрикиваетъ.

Ванька. О, чтобъ тебя разорвало!

Вторая кабацкая женка. Ванька, а Ванька! Что ты скисъ? Ай тебѣ обнимать некого? Такъ ты объ этомъ не горюй. Хохочетъ, пляшетъ, и кричитъ:

Эй, Ванька, прими меня за бѣлыя руки, пойдемъ

во царевъ кабакъ, пить заѣдать бѣлымъ зелено вино, запивать медомъ пьянымъ, сахаромъ.

Ванька (угрюмо). Ну тя къ ляду!

Она хохочетъ и уходитъ. Ванька смотритъ за нею, ухмыляется, бормочетъ:

Ванька. Ишь ты, тварь!

И задумывается. Входитъ третья кабацкая женка, подкрадывается къ Ванькѣ, и толкаетъ его въ спину, такъ что онъ бѣжитъ, спотыкается и падаетъ. Она хохочетъ, онъ поднимается и ругается.

Ванька. О, чтобъ тебѣ провалиться! Чтобы тебѣ ни дна, ни покрышки!

Третья кабацкая женка Ванька, Ванюшка, удалой молодецъ, что ты голову-то вѣшаешь! Ай милой нѣтъ?

Прижимается къ нему, обнимаетъ его, шепчетъ что-то. Ванька хохочетъ, но ее отталкиваетъ.

Ванька. Пошла ты, анаѳема, ко всѣмъ чертямъ!

Она уходитъ. Ванька хохочетъ, смотритъ за нею, и вскрикиваетъ.

Ванька. Ишь ты! Поди жъ ты! Ай да ну! Ну и женка! Разлюли-малина! (Потомъ задумывается. Долго чешетъ затылокъ. Вскрикиваетъ вдругъ). Пойду въ кабакъ (Убѣгаетъ).

Улица. Жеанъ одинъ. Задумался, опустилъ голову. Говоритъ самъ съ собою.

Жеанъ. Скучно! Хочется мнѣ погулять съ товарищами. Они пошли всѣ въ тотъ веселый трактиръ, подъ вывѣскою Золотого Оленя, гдѣ такія веселыя дѣвицы. Какъ онѣ поютъ! Какъ онѣ играютъ!

Входитъ первая веселая дѣвица. Подкрадывается къ Жеану, и вдругъ щекочетъ его. Жеанъ вздрагиваетъ и вскрикиваетъ.

Жеанъ. О, глупая, ты меня напугала!

Первая веселая дѣвица. Жеанъ милый, пажъ славнаго графа, что ты не веселъ? У тебя несчастіе? Или не съ кѣмъ цѣловаться? Пойдемъ къ Золотому Оленю. Тамъ очень весело.

Жеанъ. Не хочу.

Первая веселая дѣвица. Не хочешь? Ну, и безъ тебя обойдемся.

Она уходитъ. Жеанъ смотритъ за нею, улыбается, и опять задумывается. Входитъ вторая веселая дѣвица. Подкрадывается къ Жеану, закрываетъ его глаза ладонями, и смѣется. Жеанъ ловко освобождается.

Жеанъ. И ты, шалунья!

Вторая веселая дѣвица. Милый Жеанъ! Да что ты такой кислый? Или тебя приласкать некому? (Приподнимаетъ край юбки, поправляетъ подвязку, и говоритъ): Дай мнѣ руку, пойдемъ къ Золотому Оленю, будемъ пить, пѣть и любить.

Жеанъ. Иди одна, я не хочу.

Вторая веселая дѣвица. Ну, не хочешь, и не надо. А то приходи. (Она уходитъ).

Жеанъ (смотритъ на нее, улыбается и шепчетъ). Веселая!

И задумывается. Входитъ третья веселая дѣвица. Становится передъ Жеаномъ, и смотритъ на него. Жеанъ вздрогнулъ.

Жеанъ И третья! И что вамъ всѣмъ отъ меня надо?

Третья веселая дѣвица. Жеанъ, Жеанъ, прекрасный пажъ, что ты такъ низко опустилъ голову? Не измѣнила-ли тебѣ твоя милая? Полно, ревновать и печалиться не стоитъ.

Кокетничаетъ, и шепчетъ Жеану на ухо что-то.

Жеанъ. Иди, иди, не хочу тебя слушать.

Третья веселая дѣвица. А, не хочешь! Ну и оставайся одинъ, коснѣй въ своемъ индивидуализмѣ. А у насъ—веселая соборность!

Она уходитъ. Жеанъ смѣется и смотритъ за нею.

Жеанъ. Эти милыя дѣвицы развеселятъ самаго угрюмаго въ мірѣ человѣка. (Долго стоитъ въ задумчивости. Вдругъ вскрикиваетъ). Пойду къ Золотому Оленю! (и убѣгаетъ).

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА.

Кабакъ. Всякіе есть тутъ люди по пьяному дѣлу, и пьяницы-пропоицы, и княжескіе слуги въ сторонкѣ

особенно, и заѣзжіе гости. Всѣ еще въ полпьяна. Кабацкія женки у окна сидятъ, на улицу смотрятъ,— надѣются, что Ванька придетъ.

Кабацкія женки. Идетъ Ванька Ключникъ во царевъ кабакъ.

— Зеленъ кафтанъ на плечахъ надѣтъ.
— На немъ шапочка рытаго бархата.
— Сафьяны-сапожки натянуты.
— Золотъ перстень ровно жаръ горитъ.
— Въ правой рукѣ тонка палочка.
— А на палочкѣ ала ленточка.
— Его русыя кудри по плечамъ лежатъ.
— Его ясныя очи огнемъ горятъ.
— Идетъ ключникъ, что соколъ летитъ.

Пьяницы. Эй вы, женки, что вы тамъ въ окно засмотрѣлись?

— Ванька Ключникъ на васъ и не взглянетъ.
— Онъ на васъ и плюнуть не захочетъ.

Ванька вошелъ въ кабакъ, сѣлъ за столъ особенно, куражится. Кабацкія женки всѣ къ нему пошли, на другихъ и глядѣть не хотятъ.

Первая кабацкая женка. Ванька ты Ванька, удалой добрый молодецъ, налила я тебѣ чару зелена вина, подлила меду сладкаго,—ай же ты, княжескій служитель есть! выпей, выкушай чару зелена вина.

Низко кланяется. Ванька пьетъ и кобянится.

Вторая кабацкая женка. Ужъ я налью Ванькѣ Ключнику, удалому добру молодцу, другой наконъ вина

пьянаго; ай же ты Ванька, вѣрный ключникъ, выпей, выкушай пива пьянаго.

Низко кланяется. Ванька пьетъ и кобянится.

Третья кабацкая женка. Ужъ и я, удалая кабацкая женка, лью налью въ третій наконъ чару меду сладкаго, поднесу, низко кланяясь,—ай же ты, удалой Ванька Ключникъ, выпей-выкушай меду сладкаго.

Низко кланяется. Ванька пьетъ и куражится.

Кабацкія женки. Забрала молодца хмѣлинушка кабацкая.

— Хорошо винцо кабацкое.

Пьяницы. А и крѣпка хмѣлина кабацкая.

— А и веселыя женки кабацкія.

— А и кто чѣмъ похвастается?

Первая женка. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, съ подъячимъ; принимала я, удалая, ласковое слово; попросила я денегъ, проводили меня ярыжки съ великою честью.

Всѣ смѣются весело.

Вторая. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, съ ганзейскимъ гостемъ; а и принимала я, удалая, мыла кусокъ; попросила я денегъ, нѣмчура говоритъ,—по-вашему не разумѣю.

Всѣ смѣются очень весело, по лавкамъ отъ смѣха валяются.

Третья. А и ночевала я, удалая кабацкая женка, съ воеводою; а и воевода у насъ нехорошъ, далъ мнѣ

ломаный грошъ; попросила я, удалая, прибавочки, проводили меня, удалую, шелепами.

Всѣ хохочутъ, по полу отъ хохота катаются.

Кабацкія женки. А чѣмъ ты, Ванька, похвастаешься?

Ванька (куражась). Богъ-то меня, добра молодца милуетъ, князь то меня, удалого молодца, жалуетъ. Съ княземъ я за однимъ столомъ сижу, да вѣдь пью я, ѣмъ съ одной ложечки, съ одного стаканца да водочку кушаю.

Кабацкія женки (льстиво). Ай да Ванька!

— Ванька то нашъ каковъ!

— Слышь, съ княземъ то изъ одного стаканца да водочку кушаетъ!

— А и удалъ ты, Ванька ключничекъ!

— Въ такого молодца кто не влюбится!

Ванька (умиляясь и плача). А и есть у меня полюбовница,—она меня называетъ милыимъ, она меня величаетъ милъ сердечный другъ.

Пьяницы. Ванька ты Ванька, ты миленькій ли нашъ братецъ, ты удалый Ванька, ключникъ княжескій, а кто твоя полюбовница?

Ванька. А нельзя того и выговорить.

Кабацкія женки. Ванька ты Ванька, ты желанненькій мужчинка-дружокъ, ты удалый Ванька, ключникъ княжескій, тебя кто называетъ милыимъ? Тебя кто величаетъ милъ сердечный другъ?

Ванька (плача отъ умиленія). Княгиня душка Аннушка во люби меня держитъ у сердечушка, и живу я съ Аннушкою, будто мужъ съ женой.

Княжескіе слуги. Рѣчи эти неумныя, басни неразумныя.

— То не сонъ-ли тебѣ, молодецъ, видѣлся?

— Дойти бы, донести самому князю.

— Негоже мизирный похваляется.

Ванька (плача). Ужъ попито, братцы, поѣдено, въ краснѣ, въ хорошѣ похожено, съ княженецкаго плеча платья поношено, княгиню за ручку повожено, съ княгинею на перинушкѣ полежано!

Княжескіе слуги. Такія рѣчи похвальныя донести бы князю въ уши.

— Не съ убавочкомъ, а съ прибавочкомъ.

— За досаду бы это князю показалося.

— Берите его за желты кудри, за бѣлы руки.

Хватаютъ Ваньку, и ведутъ. Ванька пьяный въ рукахъ у нихъ мотается; иногда вдругъ начнетъ отбиваться, бормоча что-то невнятное.

Кабацкія женки. Смилуйтесь, княжескіе слуги вѣрные, не ведите вы Ваньку на княжій дворъ, положите его проспаться къ намъ въ избу.

— То не Ванька бахвалится,—то хмѣлина кабацкая въ немъ раскуражилась.

— А и того на себя наплелъ, чего и не было.

— Чему и быть нельзя.

Княжескіе слуги. Нѣтъ, попался, дружекъ, не уйдетъ.

— Онъ передъ нами куражился,—теперь мы надъ нимъ натѣшимся.

Кабацкія женки у княжескихъ слугъ въ ногахъ валяются, Ванькѣ прощенія просятъ, жалобно плачутъ.

Кабацкія женки. Ой вы гой еси, княжескіе слуги вѣрные! вы простите Ваньку, помилуйте,—расказнитъ его князь безъ милосердія, живота лишитъ безъ жалости.

Княжескіе слуги. Такъ ему, собакѣ, и надо.

— Такому Ироду и казни нѣтъ.

— Живого въ землю зарыть, и то ему мало.

Отталкиваютъ кабацкихъ женокъ, и уводятъ Ваньку. Кабацкія женки плачутъ.

Кабацкія женки. А и надо же было быть бѣдѣ!

— А и надо же было добру молодцу порасплакаться, порасхвастаться!

— А и случились тутъ палачи да немилостивы!

— Схватили добра молодца скорешенько.

— Еще лихи на молодца друзья-братья!

Трактиръ „Золотой Олень". Всякіе люди сидятъ и бражничаютъ, горожане, проѣзжіе, школяры. Отдѣльно за столомъ, у окна графскіе пажи. Веселыя дѣвицы сидятъ съ пажами, а сами въ полглаза въ окно посматриваютъ.

Веселыя дѣвицы. А вотъ и Жеанъ идетъ.

— Мимо?

— Нѣтъ, кажется, сюда.

— Нарядный какой!

— Зеленый кафтанъ изъ тонкаго сукна!

Пажи (завистливо). Хорошо ему наряжаться!

— Графъ къ нему милостивъ.

— Самой графинѣ за столомъ Жеанъ служитъ.

Веселыя дѣвицы. Бархатная красная шапка!

— И по всѣмъ швамъ бубенчики нашиты, звенятъ пріятно очень!

— Какъ длинны и остры загнутые концы его башмаковъ!

Пажи. Модничаетъ,—а въ замокъ пришелъ въ рваной одеждѣ, босой, съ парой изношенныхъ башмаковъ за плечами.

Веселыя дѣвицы. У него чулки черные съ красными полосами.

— Какъ они гладко обтягиваютъ его стройныя ноги!

— А кто ему подарилъ эти золотыя пряжки?

— Говорятъ...

Пажи. А что говорятъ?

— Что говорятъ?

Веселыя дѣвицы. Пустое!

— Вздоръ!

— Мало-ли кто что скажетъ!

— Какъ изъ подъ бархата его шапки красиво выбиваются русыя кудри Жеана!

— Какъ блистаютъ его глаза!

— Какой онъ красавецъ!

— Не даромъ...

— Ну, брось!

Пажи. Красивъ, да не для васъ.

— Подумаешь, одинъ только и есть красавецъ!

— Есть и покрасивѣе, чѣмъ онъ.

Жеанъ вошелъ въ трактиръ, идетъ къ пажамъ, весело улыбается.

Жеанъ. Вотъ и я, друзья мои! Привѣтъ вамъ, милые товарищи! И вамъ, веселыя красотки!

Пажи. Добро пожаловать, Жеанъ милый!

— Какъ хорошо, что ты пришелъ!

— Мы такъ рады тебя видѣть!

— То-то мы теперь попируемъ!

Веселыя дѣвицы. Здравствуй, милый Жеанъ!

— Садись вотъ здѣсь, между нами!

— Мы позаботимся, чтобы тебѣ не было скучно.

Жеанъ. Ну, я и самъ не изъ такихъ, которые скучаютъ. (Садится среди веселыхъ дѣвицъ).

Первая веселая дѣвица. Жеанъ, милый и прекрасный, я налила тебѣ чашу бѣлаго вина,—выпей его во славу веселой и беззаботной юности.

Подноситъ Жеану чашу, улыбается и присѣдаетъ низко. Жеанъ цѣлуетъ дѣвицу, и беретъ отъ нея чашу.

Жеанъ. Друзья, да здравствуетъ наша веселая и беззаботная юность!

Пьетъ. Пажи повторяютъ его возгласъ, и пьютъ.

Вторая веселая дѣвица. Налила и я милому и возлюбленному Жеану вторую чашу краснаго вина. Пей ее, вѣрный графскій пажъ, за свѣтлую безоблачную веселость, соединяющую молодыхъ друзей.

Улыбаясь и дѣлая очень глубокій реверансъ, подноситъ Жеану чашу. Жеанъ чашу беретъ, и дѣвицу нѣжно цѣлуетъ.

Жеанъ. Друзья, за свѣтлую и безоблачную веселость, соединяющую насъ въ тѣсный союзъ.

Пажи повторяютъ его возгласъ. Всѣ пьютъ.

Третья веселая дѣвица. Ну, ужъ и я, веселая изъ веселыхъ дѣвицъ, налью тебѣ третью чашу сладкаго и крѣпкаго вина, и поднесу ее, стоя на колѣняхъ,—пей ее за то, что слаще меда, свѣтлѣе свѣта, милѣе жизни и сильнѣе смерти, пей ее за владычицу Любовь!

Становится передъ Жеаномъ на колѣни, и подноситъ ему чашу. Жеанъ чашу беретъ, дѣвицу нѣжно обнимаетъ и крѣпко цѣлуетъ.

Жеанъ. Друзья, выпьемъ эту чашу за то, что слаще меда, свѣтлѣе свѣта, милѣе жизни и сильнѣе смерти, за владычицу нашу Любовь!

Пажи повторяютъ его возгласъ. Всѣ пьютъ.

Веселыя дѣвицы. Жеанъ опьянѣлъ.

— Онъ склонился головою на столъ.

— Онъ выпилъ сразу слишкомъ много вина.

Жеанъ (встрепенулся). Кто говоритъ, что я пьянъ? Неправда! Я готовъ пить еще столько же, и еще, и еще, и безъ конца!

Пажи. Здѣшній хозяинъ держитъ хорошее вино.

— И очень хмѣльное.

— Эти дѣвицы очень веселыя.

— Друзья, поступимъ, какъ всѣ пьяные,—будемъ хвастаться одинъ передъ другимъ. Кто сможетъ похвалиться наиболѣе, тотъ будетъ у насъ за старшаго.

— Идетъ!

— Кому начинать?

— Пусть начнутъ дѣвочки.

— Ну, дѣвицы, начинайте.

Первая веселая дѣвица. Я провела недавно цѣлую ночь съ господиномъ бургомистромъ. Онъ требовалъ отъ меня не слишкомъ многаго, а утромъ подарилъ мнѣ серебряную гривну и краснаго бархата на платье.

Всѣ смѣются весело.

Вторая веселая дѣвица. Я провела эту ночь съ рыцаремъ Генрихомъ. Онъ былъ очень ласковъ и нѣженъ, а утромъ далъ мнѣ золотой, и подарилъ прекрасный плащъ, отнятый вчера у проѣзжаго купца.

Всѣ смѣются очень весело.

Третья веселая дѣвица. Позапрошлую ночь я провела съ аббатомъ, отцомъ Іеронимомъ. Вотъ то я намучилась! Только монахи ласкаютъ такъ страстно. Подъ утро онъ вспомнилъ, что мы согрѣшили, и принялся бичевать ременною плетью себя и меня,—себя легонько по своей черной рясѣ, а меня изо всей силы по голому тѣлу. Потомъ онъ далъ мнѣ отпущеніе грѣховъ, и больше ничего. И пришла я домой безъ грѣховъ, но и безъ денегъ и безъ подарковъ, съ одними синяками.

Всѣ хохочутъ.

Веселыя дѣвицы. Теперь ты, Жеанъ,—чѣмъ ты похвастаешься?

Жеанъ (коснѣющимъ языкомъ). Богъ меня милуетъ, графъ меня жалуетъ. Я стою во время графскаго обѣда за стуломъ милостивой графини. Графъ приказалъ дѣлать мнѣ одежду лучшаго покроя и изъ самаго хорошаго матеріала.

Веселыя дѣвицы (льстиво).—О, Жеанъ!

— Каковъ Жеанъ!

— Служитъ за столомъ самой графинѣ!

— Молодецъ Жеанъ!

— Въ такого молодца кто не влюбится!

Жеанъ (плача отъ умиленія).—У меня есть возлюбленная,—она меня называетъ миленькимъ, сердечнымъ дружкомъ.

Пажи. Жеанъ, миленькій нашъ другъ, а кто твоя возлюбленная?

Жеанъ. Этого я не могу сказать вамъ, милые друзья. Этого никому нельзя сказать. Великая тайна!

Веселыя дѣвицы. Жеанъ, желанный, миленькій, красавецъ, тебя кто называетъ милымъ сердечнымъ дружкомъ? Скажи намъ, похвастайся! Мы знаемъ, ты всѣхъ перехвастаешь.

Жеанъ (плача отъ умиленія).—Графиня Жеанна, душа моей души, прижимаетъ меня къ своему жаркому сердцу.

Пажи. Какія глупости!

— Неразумныя сказки!

— Не во снѣ-ли ты это, Жеанъ, видѣлъ?

— Сказать бы графу,—мы вѣдь его вѣрные слуги.

— Своею похвальбою Жеанъ оскорбляетъ нашего господина.

Жеанъ (плача).—Какъ радостна моя жизнь! Какъ сладки поцѣлуи милой Жеанны! Какъ упоительны ея объятія и ласки въ тишинѣ ея опочивальни! О, если бы вы могли видѣть, какъ восхитительно ея бѣлое тѣло!

— Пажи. Нельзя стерпѣть такого поношенія!

— Это надо сказать нашему господину.

— Мы не можемъ дозволить, чтобы при народѣ безчестилось имя милостивой графини.

— Надо взять его, и увести на судъ къ нашему графу.

Хватаютъ Жеана, и ведутъ.

Веселыя дѣвицы. Сжальтесь надъ Жеаномъ, милые пажи, не ведите его къ вашему графу, отдайте его намъ, мы уложимъ его спать.

— Вѣдь это не Жеанъ хвалился,—пьяный хмѣль бродилъ въ немъ.

— Онъ наговорилъ на себя, чего не было.

— Чего и не могло быть.

Пажи. Нѣтъ, мы его не пустимъ.

— Мы должны отвести его къ нашему графу на судъ.

— Здѣсь были и чужіе.

— Они могли слышать его похвальбу.

— До графа дойдетъ слухъ о томъ, что здѣсь было.

— Тогда и насъ казнятъ,—зачѣмъ слушали и не донесли.

Веселыя дѣвицы съ плачемъ становятся на колѣни, и цѣлуютъ руки у пажей, прося за Жеана.

Веселыя дѣвицы. Сжальтесь надъ Жеаномъ, не губите его, пожалѣйте его молодость! Повѣситъ его графъ, не помилуетъ.

Пажи отталкиваютъ веселыхъ дѣвицъ, и уводятъ Жеана, Веселыя дѣвицы плачутъ.

Веселыя дѣвицы. Надо же было случиться такой бѣдѣ!

— Глупый Жеанъ, чѣмъ вздумалъ расхвастаться!

— Говорилъ бы только намъ, а то при комъ сказалъ!

— Схватили Жеана, повели!

— Свои же товарищи предаютъ его!

ДЕСЯТАЯ КАРТИНА.

Князь сидитъ, медъ пьетъ. Старый слуга передъ нимъ стоитъ, а у дверей Дѣвка-Чернавка трется.

Старый слуга. Сказано: волосъ дологъ, умъ коротокъ. Баба умна не живетъ.

Князь. А у меня княгиня умная, она умная, разумная, она тихая, смиренная; до рабовъ она милостива, передо мной она очестлива.

Дѣвка-Чернавка (стоя у дверей).—Ужъ ты батюшка нашъ князь! Не приказывай меня казнить, вѣшати; прикажи ты мнѣ слово молвити. Я на Ваньку Ключника съ докладомъ иду.

Князь. Говори ты мнѣ, слуга вѣрная! Ты скажи мнѣ правду истину. Если ты мнѣ правду скажешь, я тебя пожалываю; если ты мнѣ ложно скажешь, я тебя расказнію.

Дѣвка-Чернавка. Охъ, ты сгой еси, нашъ батюшка князь! Пьешь ты, ѣшь, забавляешься, своею княгинею похваляешься, ничего ты не знаешь, не вѣдаешь! Твоя-ли княгинюшка не честная, твоя ли

княгинюшка не вѣрная! Что живетъ она съ младымъ ключникомъ, съ Ванькою, во любви живетъ.

Князь. Врешь, дура!

Пихаетъ ее ногою. Дѣвка-Чернавка летитъ кубаремъ вонъ.

Графъ одинъ, осматриваетъ оружіе предковъ. Раймонда входитъ, и низко кланяется.

Графъ. Что тебѣ надо, Раймонда?

Раймонда подходитъ близко, и опять кланяется.

Графъ (нетерпѣливо).—Говори-же.

Раймонда (шопотомъ).—Жеанъ и я,—чѣмъ же мы не пара?

Графъ. Пожалуй, что и такъ.

Раймонда. Цѣловать да ласкать они охочи, а потомъ...

Графъ. А ты сама бы смотрѣла.

Раймонда. Но зачѣмъ же онъ измѣнилъ мнѣ для замужней? Зачѣмъ онъ поднялъ глаза на знатную даму?

Графъ. Вздыхать о дамской красотѣ не запрещено пажамъ.

Раймонда. Да онъ-то не вздыхаетъ. Онъ—счастливъ.

Графъ (гнѣвно).—А кто эта дама?

Раймонда. Милостивый графъ, смѣю-ли я сказать?

Молчатъ. Графъ дѣлаетъ знакъ. Раймонда уходитъ.

ОДИННАДЦАТАЯ КАРТИНА.

Въ палатѣ княжеской князь на дубовомъ рѣзномъ стульцѣ сидитъ, гнѣвно хмурится. По стѣнамъ слуги стоятъ, на князя со страхомъ глядятъ.

Старый слуга ко князю подходитъ, земно кланяется, вѣжливенько покашливаетъ.

Князь. Вѣрный нашъ слуга преданный, а и что тебѣ надобно? А и не въ добрый часъ ты ко мнѣ пришелъ.

Старый слуга. Ай же ты батюшка князь, княжеское твое благородіе! Твой то служитель княжескій, Ванька Ключникъ, котораго ты любишь да жалуешь, сидитъ въ кабакѣ государевомъ, пьетъ зелено вино, запиваетъ медами застоялыми, хвастаетъ прекрасною Анною княгинею, твоимъ-то княжескимъ благородіемъ: живу-то я съ Анною княгинею, будто мужъ съ женою; Богъ меня милуетъ, а Аннушка меня крѣпко жалуетъ; я съ нею творю любовь вѣдь третій годъ!

Князь (гаркаетъ громкимъ голосомъ). Еще есть ли у меня таки мастеры, а по-нашему, по русскому— грозенъ палачъ! Ставилъ бы онъ плаху бѣло-дубову, точилъ бы онъ острый топоръ. Еще есть-ли у меня слуги вѣрные! Брали бы они Ваньку Ключника, молодой моей княгини вѣрнаго любовника, вели бы его на грозный судъ!

На дворѣ кричатъ:

— Ведутъ, ведутъ!

Въ палатѣ шепчутъ:

— Эти были князю рѣчи не понравились.

— Князь-то на молодца прогнѣвался.

— Тѣи рѣчи князю не къ лицу пришли.

— Воспылался княжеское благородіе на удалого добродня добра молодца.

— У князя разгорѣлось ретиво сердце.

— У него раскипѣлась кровь горячая.

Ваньку вводятъ. Дворня шепчется.

— Ведутъ Ваньку Ключника на новыя сѣни.

— Зеленъ кафтанъ поизорванный.

— Сафьяны-сапожки опущены.

— Его русы кудри растрепаны.

— Его ясны очи заплаканы.

Ванька (низко кланяясь). Ужъ ты здравствуй, нашъ батюшка князь! Ты по что меня требовалъ? Ужъ чѣмъ хочешь меня дарить, жаловать?

Князь. Подарю я тебя хоромами высокими, не мощеными, не свершеными. Ты скажи мнѣ только правду-истину: ты живешь-ли съ моею княгинею?

Ванька. Ужъ ты батюшка нашъ князь! Я скажу тебѣ всю правду истинную,—живу я съ твоею княгинею, со свѣтъ душенькою Аннушкою. Много было попито, поѣдено, на пуховыхъ перинахъ полежано!

Князь (громко). Ванька ты Ванька, подлая твоя душа, да какъ ты смѣлъ это сдѣлать?

Ванька (сплевывая). По взаимному согласію. Служилъ я тебѣ цѣло три года, вѣрой жилъ, не измѣною жилъ. Нешто мнѣ съ бабою цѣловаться нельзя? На то она и баба.

Князь. Ой вы, слуги мои, слуги вѣрные! Истребите вы Ванюшу прелестника!

Ванька. Было бы за что истреблять! Вышла на меня, добра молодца, вышла на меня напраслина.

Князь. Слуги мои вѣрные, палачи вы немилостивые, бурзы-гетманы! Свяжите удалому ручки бѣлыя въ тыя пута шелковыя, закуйте удалому ноги рѣзвыя во тыя во желѣза во нѣмецкія, завѣсьте ему очи ясныя черной тафтой, возьмите добра молодца да за желты кудри, поведите молодца на поле на чистое, да на то ли поле кровавое, да на то ли мѣсто на лобное, на тую на плаху бѣлодубову, отрубите ему буйна голова, и придайте ему смерть напрасная,—выньте ему сердце съ печенью. Пусть молодая-то княгиня на него показнится.

Ваньку уводятъ. Онъ громко реветъ.

Въ палатѣ графскаго замка графъ сидитъ на рѣзномъ дубовомъ креслѣ, глубоко задумался. Входитъ старый дворецкій Агобардъ. Низко кланяется графу.

Графъ. Ну что тебѣ, старый хрѣнъ? Не до тебя. Коли есть что важное, говори, а если съ пустяками пришелъ, лучше прочь уходи.

Агобардъ. Милостивый графъ, дошли до меня злые слухи. По долгу вѣрности не могу ихъ скрыть. Пажъ Жеанъ, къ которому вы столь милостивы, даже и не по заслугамъ, сидитъ въ трактирѣ Золотого Оленя, пьетъ и хвастается, будто милостивая госпожа наша, графиня Жеанна, забывъ свой долгъ...

Графъ. Довольно. Пусть поставятъ висѣлицу за

рвомъ, тамъ, у кривой березы, надъ болотомъ. Жеана привести ко мнѣ...

Агобардъ низко кланяется и уходитъ. На дворѣ слышенъ шумъ. Доносятся голоса:

— Жеана ведутъ!
— Что онъ сдѣлалъ?
— Его ведутъ къ графу.
— Графъ прогнѣвался на Жеана.
— Графъ очень гнѣвенъ.
— Да что случилось?
— Жеана ведутъ,—онъ пьянъ.
— Одежда на Жеанѣ изорвана.
— Глаза у Жеана заплаканы.
— Бѣдный Жеанъ!

Пажи вводятъ Жеана. Дворня заглядываетъ въ двери.

Жеанъ (низко кланяясь). Милостивый графъ, меня привели къ вамъ на судъ. Я не знаю за собою иной вины, кромѣ той, что выпилъ много. Но зачѣмъ же они меня тащатъ? Дали бы выспаться.

Графъ. Жеанъ, отвѣчай мнѣ правду: любишь-ли ты графиню Жеанну?

Жеанъ. Люблю. И можно ли не любить милостивой и доброй госпожи? Всѣ слуги любятъ графиню за ея милостивое обращеніе.

Графъ. Я не о томъ тебя спрашиваю. Осмѣлился-ли ты поднимать съ вожделѣніемъ глаза на графиню Жеанну?

Жеанъ. Милостивый графъ, никогда! Никогда не забылъ я моихъ обязанностей къ госпожѣ моей.

Графъ. Въ трактирѣ ты говорилъ, что моя супруга измѣняетъ мнѣ съ тобою.

Жеанъ (кланяясь въ ноги графу). Говорилъ то, чего не было никогда.

Графъ. Какъ ты смѣлъ это сдѣлать?

Жеанъ (кланяясь вновь). Съ пьяна и по глупости. Вздумали хвастаться другъ передъ другомъ, я и принялся нести всякій вздоръ небывалый.

Графъ. Что же мнѣ съ тобою сдѣлать?

Жеанъ. За мою вѣрную службу простите меня, милостивый графъ.

Графъ. Агобардъ, повѣсить мальчишку!

Жеанъ. Сжальтесь надо мною, милостивый графъ! Погибаю невинный! (Бросается къ ногамъ графа, и цѣлуетъ его ботфорты).

Графъ. Агобардъ, возьми его. Связать ему руки, и повѣсить живѣе. Такъ будетъ поступлено со всякимъ, кто дерзнетъ оскорбить нашу честь и оклеветать нашу возлюбленную супругу.

Жеана уводятъ. Онъ плачетъ.

ДВѢНАДЦАТАЯ КАРТИНА.

Подхватили ключника за бѣлы руки, повели молодца по задворкамъ.

Ванька. Ай вы, злы палачи, бурзы-гетманы! Не ведите молодца вы по задворкамъ, да мимо ту ли палату княжескую. Да вы ведите меня, молодца, по подоконью, мимо тотъ ли садъ, мимо зеленый, да мимо эту свѣт-

леньку свѣтлицу княгинину, да мимо эту спальню ту теплую, гдѣ ка мы спали съ княгинею. А и дамъ я вамъ пятьдесятъ рублей съ полтиною.

Палачи. Послушаемъ молодца, намъ все равно.

Ванька. Ой ты гой еси нашъ батюшка грозенъ палачъ! Дай ты мнѣ, молодцу, звончаты гусли передъ смертью молодцу наигратися!

Палачи. Ой ты гой еси, добрый молодецъ! Ты бери, молодецъ, гусли звончаты, наиграйся ты, молодецъ, передъ смертью,—да играй ты не полный звонъ, ты наигрышки наигрывай.

Ванька (наигрышки наигрываетъ, поетъ, самъ плачетъ):

Да хорошо у меня, молодца, было пожито,
Да хорошо было цвѣтное платье изношено,
Да пріупимо было у молодца, пріуѣдено,
Да и въ краснѣ, въ хорошѣ пріухожено,
Да и въ зеленомъ-то саду пріугуляно,
Да подъ яблонью на кроваточкѣ было пріуспано,
Да и у княгини у Аннушки
На бѣлой груди было у милой улежано!

Палачи. Спѣлъ ка молодецъ пѣсню новую, да все умильную.

— Самъ поетъ, самъ слезьми горючими заливается.

— Смерть придетъ,—не обрадуешься.

Ванька.

Прости, прости, мой отецъ и мать!
Прости, прости, весь родъ-племя!
Прости, мой свѣтъ княгинюшка!
Бывало, меня князь любилъ, жаловалъ,

А нынче на меня скоро прогнѣвался,
Ведутъ молодца на лютую казнь!

Княгиня услышала, по поясъ въ окошко бросилась.

Палачи. Ахъ, услышала княгиня пѣсню новую. — Сама отворяла красно окошко косевчато.

— Да никакъ у нея въ рукахъ булатный острый ножичекъ!

— Какъ бы она сама себя не зарѣзала!

Ванька. Прости ка, Аннушка, милая княгинюшка! Ведутъ меня, добра молодца, срубить мнѣ буйну голову.

Княгиня (въ окнѣ). А вы злы палачи, бурзы гетманы, не ведите молодца во чисто поле, не рубите молодцу да буйной головы, по локоть возьмите золотой казны.

Палачи. Мы его спустимъ, а князь намъ голову срубитъ, такъ на что намъ золотая казна?

Княгиня (въ окнѣ). Спустите-ка этого молодца, возьмите поганаго татарина, хоть мертваго его, мерзлаго, отрубите ему буйну голову, а донесите князю, что отрублена буйна голова за его поступки неумильные.

Поганый татаринъ (входитъ и кричитъ).—Халатъ, халатъ!

Палачи. Вотъ его и возьмемъ.

Взяли татарина, а Ваньку отпустили.

Княгиня. Палачи смилосердились, тебя, Ванька, отпустили. Бери кошель съ золотомъ, иди скоро домой. А вы, злы палачи, берите казны, сколько надобно.

Палачи. Пойдемъ, поганый татаринъ, мы тебѣ башка срубимъ.

Поганый татаринъ. Зачѣмъ башка рубить? Безъ башки мнѣ и жить нельзя.

Палачи. А и подохнешь.

Волокутъ поганаго татарина.

Жеана ведутъ слуги на задній дворъ къ мосту черезъ ровъ, за которымъ уже готовая стоитъ висѣлица.

Жеанъ (слугамъ). Друзья, не тащите меня такъ скоро. Висѣлица не уйдетъ, и ангелъ смерти никуда не торопится. Проведите меня по графскому саду, чтобы я могъ въ послѣдній разъ надышаться ароматомъ графининыхъ розъ. Проведите меня подъ окнами нашей милостивой госпожи,—можетъ быть, на мое счастье графиня Жеанна выглянетъ изъ окна, и въ послѣдній разъ я увижу ея свѣтлыя очи.

Слуги. Что-же, намъ все равно. Поведемъ тебя гдѣ ты хочешь, въ твой послѣдній путь.

Жеанъ. Милый Агобардъ! Дай мнѣ мою лютню,—передъ смертью сыграю, спою, съ бѣлымъ свѣтомъ прощусь грустною пѣсенкою.

Агобардъ. Принеси, Клодъ, ему его лютню,—пусть потѣшится. Передъ смертью играй и пой, весело встрѣть неизбѣжный удѣлъ. Только не ори во все горло, и не колоти по струнамъ всею пятернею,—играй тихо и пой въ полголоса.

Жеанъ (наигрываетъ на лютнѣ и поетъ, сначала тихо, потомъ громче):

Все не прочно въ жизни нашей,
И любовь бываетъ зла.
Счастье пилъ я полной чашей,
Жизнь моя была свѣтла,

Я любилъ графиню больше,
Чѣмъ позволено пажу,—
И за то не жить мнѣ дольше,
Въ смертный путь я ухожу.

Часто губитъ насъ бездѣлица.
Пьешь ли, душу веселя,
И ужъ ждетъ тебя висѣлица
И позорная петля.

Хоть на мигъ бы мнѣ съ желанною
Повидаться предъ концомъ,
И съ графинею Жеанною
Перекинуться словцомъ!

Слуги. Умильную пѣсенку спѣлъ Жеанъ Милый.
— Поетъ, а самъ плачетъ, какъ дѣвушка.
— Смерти никто не радъ.
— И еще такъ молодъ Жеанъ!
— Заплачешь!

Жеанъ (поетъ).

Передъ тѣмъ, какъ закачаться
Въ тѣсной петлѣ роковой,
Дай къ рукѣ твоей прижаться
Мнѣ кудрявой головой,

Дай узрѣть очарованье
Бѣлой шеи, нѣжныхъ плечъ,
И услышать на прощанье
Звонко-сладостную рѣчь.

Дай лобзаніе разлуки,
И немножечко поплачь
Въ часъ, когда мнѣ свяжетъ руки
Мой безжалостный палачъ.

И потомъ склони колѣни,
Матерь Божію моля,
Чтобы лишнихъ мнѣ томленій
Не надѣлала петля.

Графиня выглядываетъ изъ окна. Слушаетъ пѣсню. На ея лицѣ—испугъ и печаль.

Слуги. Госпожа смотритъ въ окно.
— Графиня услышала пѣсню.
— Она плачетъ.
— Ей жаль Жеана.
— Ужъ и въ правду не любитъ-ли она Жеана?
— Что это въ ея рукахъ?
— Графиня играетъ своимъ кинжаломъ.
— Какъ бы она не зарѣзалась!
— Этимъ-то шиломъ! Имъ и кошки не убить.
— Ну, не скажи.

Графиня (изъ окна). Милый Жеанъ, что случилось? На лицѣ твоемъ слезы, одежда твоя изорвана. Куда тебя ведутъ эти добрые люди?

Жеанъ. Прости, милостивая госпожа моя Жеанна

Мудры были твои совѣты, но я ихъ не послушался, и вотъ погибаю. Золотой Олень поднялъ меня на свои широко развѣтвленные рога, и бросилъ меня на роковой перекрестокъ. (Плачетъ).

Агобардъ (съ низкимъ поклономъ). Это онъ вспоминаетъ трактиръ подъ вывѣскою Золотого Оленя. Тамъ онъ съ пьяныхъ глазъ сплелъ небывальщину, чтобы похвалиться, а графъ узналъ и оскорбился. Вотъ и ведемъ мальчишку.

Жеанъ. За рвомъ, надъ болотомъ, стоитъ черная висѣлица. На ней меня повѣсятъ.

Графиня. Бѣдный Жеанъ, да что же ты сказалъ? за что тебя ведутъ на казнь?

Жеанъ. Тремя упившійся глубокими чашами, въ похвальбу себя наговорилъ я о томъ, что для всѣхъ должно оставаться въ области несбыточныхъ мечтаній: я хвалился твоею любовью ко мнѣ, милая Жеанна. Мой сладкій сонъ я безумно предалъ неистовству буйнаго бреда.

Графиня. О, безумный Жеанъ! Ты достоинъ наказанія, но не столь ужаснаго, однако. Въ твоемъ возрастѣ такъ простительно мечтать о ласкахъ прекрасной дамы. Добрые люди, не ведите его на висѣлицу, спасите жизнь моего вѣрнаго пажа. Я щедро награжу васъ за это.

Слуги. А если графъ узнаетъ?

— Онъ казнитъ насъ за такое непослушаніе.

— На что намъ тогда щедрые дары милостивой госпожи!

Графиня. Помедлите немного, я пойду къ моему милому супругу, и вымолю у него жизнь этого юнаго безумца. Казнить его вы всегда успѣете, если графъ

его не помилуетъ,—а для холоднаго трупа на черной висѣлицѣ тщетною будетъ запоздалая милость.

Агобардъ. Исполнимъ ваше повелѣніе, госпожа, подождемъ. И правда, торопиться не къ чему. Не даромъ старые люди говорятъ: поспѣшишь,—людей насмѣшишь.

ТРИНАДЦАТАЯ КАРТИНА.

Княжеская спальня. Князь княгиню долго билъ, упарился, сидитъ, пыхтитъ, платкомъ утирается. Княгиня на полу валяется, прощенья проситъ.

Княгиня. Врагъ попуталъ, не сама согрѣшила. Нешто бы я своею волею тебя, ясна сокола, на экое чучело огородное промѣняла! Врагъ силенъ, горами качаетъ, а людьми, какъ вѣниками, трясетъ.

Князь. Я тебя потрясу!

Княгиня. Смилуйся, князь, никогда больше не буду, на весь вѣкъ закаюсь.

Князь. Какъ мнѣ тебя, жена, не бить, а все мнѣ съ тобою жить. Вставай, поцѣлуемся.

Палата въ графскомъ замкѣ. Графиня, стоя на колѣняхъ, проситъ графа за Жеана. Агобардъ у дверей.

Графъ. Встань, милая Жеанна! Для твоихъ слезъ дарую жизнь дерзкому. Агобардъ,—отвести Жеана на задній дворъ, собрать пажей и всѣхъ слугъ, и нака-

зать мальчишку плетьми. А потомъ выгнать его изъ замка, и чтобы не смѣлъ впередъ никогда показываться ближе трехъ дней пути отъ замка.

Агобардъ уходитъ.

Графиня. Благодарю тебя, милый мой господинъ.

Графъ. А ты, Жеанна, помолись усердно и долго, чтобы впередъ очарованіе твоей красоты не соблазняло слабыхъ. Къ данной Богомъ красотѣ Сатана прилѣпляетъ свои соблазны, угнѣздившись въ прекрасномъ тѣлѣ. Умолимъ всеблагого Создателя, чтобы не далъ онъ злому врагу, творцу соблазновъ, побѣды,—изгонимъ изъ прекраснаго тѣла Сатану. Сатана же изгоняется, ты знаешь чѣмъ, милая Жеанна?

Графиня. Знаю.

Графъ. Чѣмъ?

Графиня. Молитвою.

Графъ. А еще чѣмъ?

Графиня. Постомъ.

Графъ. И еще?

Графиня. Бичеваніемъ.

Графъ. Пройдутъ дни печали, и будетъ изгнанъ Сатана.

Конецъ.

НОЧНЫЯ ПЛЯСКИ.

Драматическая сказка въ трехъ дѣйствіяхъ

ОТЪ АВТОРА.

Тема этой піесы заимствована изъ сказки „Ночныя пляски“, которая помѣщена въ книгѣ „Народныя русскія сказки“ А. Н. Аѳанасьева (М. 1897, изд. И. Д. Сытина, томъ II, стр. 223—225).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Король Политовскій.
Королевны, его дочери, ихъ двѣнадцать.
Юный поэтъ.
Короли:
    Свейскій.
    Фряжскій.
    Басурманскій.
    Зельтерскій.
    Татарскій Ханъ.
Королевичи:
    Дацкій.
    Эѳіопскій.
    Американскій.
Шутъ.
Скоморохъ, и прочіе
Скоморохи.
Генералъ.
Старый Бояринъ.
Другой Бояринъ, и прочіе
Бояре и Дворяне.
Архіерей, и прочіе
Архіереи.

Попы.
Дьяконы.
Игумны.
Пономари.
Богатый Купецъ, и прочіе.
Купцы.
Приказчикъ богатаго купца.
Сухопарый Лекарь.
Ярышка.
Юристъ.
Хулиганъ.
Ласковая Старушка, и прочія.
Старыя Старухи.
Знатокъ Искусства.
Критикъ.
Человѣкъ съ книжкою подъ мышкою.
Трудовикъ.
Намалеванный Старикъ.
Молодыя Жены.
Гусляры.
Поэты.
Бабы-Веселухи.
Простые Люди.
Слуги короля Политовскаго.
Малявинскія Бабы.
Печаль юнаго поэта.
Сны.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Во дворцѣ короля Политовскаго пиръ. Пиршественный покой изукрашенъ. Въ глубинѣ покоя пять ступеней, во весь покой шириною, ведутъ на высокое мѣсто, гдѣ длинный столъ; за нимъ еще пять ступеней такихъ-же на высочайшее мѣсто, гдѣ столъ такой-же. Внизу передъ высокимъ мѣстомъ направо и налѣво по длинному столу, однимъ концомъ къ высокому мѣсту, другимъ къ сторонѣ сѣней, а середина покоя пустая, гдѣ бы входить. Передъ покоемъ, гдѣ бываетъ оркестръ, тамъ сѣни, изукрашенныя весьма, а гдѣ партеръ, тамъ словно бы дворъ. За высочайшимъ мѣстомъ дверь дубовая, красною мѣдью кованная, къ Политовскому королю въ опочивальню. Надъ дверью полати неширокія, за перильцами на точеныхъ столбикахъ, а входить на полати съ двухъ сторонъ изъ сѣней потайными лѣсенками; по той одной лѣсенкѣ ходъ въ королевнины свѣтлицы, въ верху, въ теремѣ.

Сидятъ хозяева и гости. На высочайшемъ мѣстѣ за

столомъ король Политовскій, по бокамъ его высокіе гости, по три короля и по три королевича съ каждаго боку, всѣ тринадцать врядъ, лицомъ къ покою. На высокомъ мѣстѣ за столомъ двѣнадцать королевенъ, всѣ врядъ, лицомъ къ королю и высокимъ гостямъ, а къ почтенной публикѣ спиною, — и почтенной публикѣ то бы не въ обиду сталось. За столами внизу сидятъ гости и гостьи, за каждымъ столомъ только съ одной стороны, лицомъ къ серединѣ покоя; почетные гости къ высокому мѣсту поближе, а у кого чести меньше, тѣ отъ высокаго мѣста подалѣе. Въ сѣняхъ стоятъ челядь дворцовая, и также гусляры, гудошники, свирѣльщики, вопленники, плясуны, бабы-веселухи и всякіе другіе забавники и забавницы. Имъ даютъ, что останется. Во дворѣ народъ пришелъ на пиръ смотрѣть, на своихъ харчахъ.

Король. Короли и королевичи, отцы духовные, дворяне и купцы, и простые люди! Я пригласилъ васъ, чтобы вы дали мнѣ совѣтъ или дѣломъ помогли въ великомъ нашемъ горѣ.

Короли и Королевичи (дружески).

— Это мы можемъ.

— По дружбѣ охотно.

— Только бы намъ не было убытка

— Со всѣмъ удовольствіемъ.

— Мы вамъ, а вы намъ.

— Взаимно, значитъ, и для политики.

Дворяне (гордо). Мы не даромъ носимъ наши шпаги.

— Мы рады обнажить мечь во славу короля.

— Только укажи, кого повоевать.

Архіереи (смиренномудренно). Господу помолимся.

Попы (благовѣйно). Господи, помилуй.

Дьяконы (елейно). Подай, Господи.

Игумны (съ вожделѣніемъ). Рука дающаго да не оскудѣетъ.

Пономари (съ упованіемъ). Всякое даяніе благо.

Купцы. (себѣ на умѣ, съ расчетцемъ).

— Раскошелимся, это что говорить.

— На покупателя накинемъ, а тебѣ дадимъ.

— А ежели торговать повелишь безданно, безпошлинно сибирскими соболями и заморскою бакалеею, такъ мы, Господи благослови, и еще понатужимся.

— Да, Господи, да мы ли не дадимъ!

— Мы отъ чистаго сердца!

— Какъ передъ Истиннымъ.

Простые люди (смиренно). Сиротскимъ дѣломъ, сколько животовъ хватитъ.

Молодыя жены (съ воздыханіемъ). Охо-хо-хошеньки!

Старыя старухи (съ сокрушеніемъ). Грѣхи тяжкія!

Гусляры и поэты (съ радостью). А мы споемъ.

Поютъ, что хотятъ.

Скоморохи (съ весельемъ). А мы сыграемъ.

Играютъ, кто во что гораздъ.

Бабы-веселухи (съ удалью). А мы спляшемъ.

Пляшутъ по всякому.

Король. Всѣ рады, всѣ готовы. Хорошо быть королемъ. Только горе-то у меня больно великое. Развѣ что только всѣмъ міромъ обмозгуемъ.

Свейскій король. Говори, не сомнѣвайся, враговъ тебѣ здѣсь нѣту, всѣ сосѣды тебѣ други.

Фряжскій король.—Мы ста дальны, да вы ста намъ любы. Говори, ништо.

Дацкій король.—А мы послушаемъ.

Всѣ съ поклономъ.

— Послушаемъ.

Король. Горе мое въ дочкахъ. Вотъ ихъ у меня двѣнадцать, всѣ здѣсь передъ вами, горятъ, какъ свѣчки, горе, говорю, мнѣ съ ними, горькое горе.

Пригорюнился. Королевны смѣются, точно тростиночки по вѣтру шелестятъ.

Король (съ негодованіемъ). Горе, говорю, горькое съ ними, а онѣ, слышь, смѣются. Я—слезы проливать, а онѣ—руками махать.

Королевны смѣются, точно птички въ рощѣ заливаются, и говорятъ чинно и по порядку:

— Како тако горе!
— Горе у насъ и не ночевывало!
— Горе къ намъ и въ окны не заглядывало!
— Горе и мимо нашъ дворецъ не хаживало!
— Развѣ мы не пригожи?—говоритъ самая красивая.
— Развѣ мы не хороши?—говоритъ самая добрая.
— Развѣ мы не румяны?—говоритъ самая здоровая.
— Развѣ мы не бѣлы?—говоритъ самая тонкая.

— Развѣ мы батюшкомъ не холены?—говоритъ самая нѣжная.

Развѣ мы матушкою не ласканы?—говоритъ самая ласковая.

— Развѣ мы нянюшками не лелѣяны?—говоритъ самая милая.

— Развѣ мы не послушливы?—говоритъ самая послушная.

— Развѣ мы не забавницы?—говоритъ самая веселая.

— Развѣ мы въ ятяхъ ошибаемся?—говоритъ самая грамотная.

— Развѣ мы не разумницы?—говоритъ самая мудрая.

— Развѣ мы не рукодѣльницы?—говоритъ самая искусная.

Король (съ укоризною). Нѣтъ у меня жены, а у васъ матери. Вамъ бы надо, милыя дочери, меня веселить да радовать.

Королевны (скромнехонько). Мы рады тебя веселить.

— Развѣ мы не угождаемъ тебѣ?

— Мы и пригожи, мы и хороши, мы и румяны, мы и бѣлы, мы и батюшкомъ холены, мы и матушкой ласканы, мы и нянюшками лелѣяны, мы и послушливы, мы и забавливы, мы и въ ятяхъ не ошибаемся, мы и разумницы, мы и рукодѣльницы.

— Мы ли тебя не радуемъ?

Король (нахмурившись, точно боръ передъ грозою. Радовали прежде, а теперь мнѣ съ вами горе.

Королевны (плача, будто горлинки). Государь ты нашъ батюшка, король Политовскій, чѣмъ же мы тебя прогнѣвали?

Какъ заплакали королевны, такъ и всѣ женщины за столами и въ сѣняхъ пригорюнились, плачутъ, горько рыдаютъ, слезами обливаются. Короли и королевичи усами моргаютъ, въ красные шелковые платки сморкаются, а прочіе гости воздыхаютъ и сморкаются вѣжливенько, кто во что.

Король (гнѣвно). Замужъ не идете, молодыхъ людей гоните, никого не любите, всѣ васъ стали бояться.

Королевны, рыдая, будто морскія бѣлыя бѣлуги.

— Мы любимъ только тебя.

— Всѣ другіе въ этой странѣ люди намъ противны.

— Они—злые.

— Жестокіе.

— Издѣваются другъ надъ другомъ.

— Живутъ насиліемъ.

— Каждый о себѣ заботится.

— И каждый хочетъ быть лучше другого.

Король (горестно). Люди вездѣ таковы. И вы такія-же будете.

Королевны (всѣ въ разъ). Никогда.

Шутъ (бубномъ машетъ, гостей смѣшитъ, самъ выговариваетъ). Дѣвушки хороши, красныя пригожи, а откуда же берутся злыя жены?

Королевны (съ упрямствомъ). Мы и не хотимъ быть женами.

— Мы останемся дѣвами.

— Мудрыми,—говоритъ мудрѣйшая.

— Прекрасными,—говоритъ прекраснѣйшая.

— Веселыми,—говоритъ самая веселая.

— Добрыми,—говоритъ самая добрая.

— Кроткими,—говоритъ самая кроткая.

— Непорочными,—говоритъ самая непорочная.

— Дѣвами,—говорятъ всѣ вразъ.

Король. И еще горе мнѣ съ вами. Каждую ночь вы уходите, а куда? невѣдомо.

Королевны (зардѣвшись, кисейнымъ рукавомъ закрываются, тихо говорятъ). По ночамъ мы спимъ.

— Сладко.

— Крѣпко.

— Видимъ сны.

Король (грозно). Но я знаю, что вы уходите, что ни ночь.

Королевны (не испугавшись). Приди въ нашу опочивальню въ любую ночь.

— Ты увидишь насъ тихо спящими.

Король. Приходилъ не разъ, и видѣлъ на вашихъ постеляхъ неживыя ваши подобія.

Королевны. Это мы спали.

— Развѣ ты, отецъ, не замѣтилъ нашего дыханія?

— Не видѣлъ нашихъ улыбокъ мирному сну?

— Не различилъ нашихъ лицъ?

— Это были мы.

— Развѣ здѣсь есть похожія на насъ?

Король. Какими чарами вы это сдѣлали, не знаю. Но страхъ стоялъ надъ этими изголовьями, и торопилъ уйти.

Королевны. Это—воображаемый страхъ.

— Онъ зародился отъ разсказовъ суевѣрныхъ старухъ.

— Отвергнутые женихи слагаютъ небылицы.

Король. Отчего же каждую ночь изнашиваются

ваши покрывала? Изорванныя, лежатъ они утромъ,—и каждый день шьютъ вамъ новыя.

Королевны. Непрочная ткань рвется,—что жалѣть о ней?

— Мы носимъ тонкія покрывала,—какъ имъ не изнашиваться скоро!

— И развѣ людямъ дано знать, кто изнашиваетъ ихъ покровы?

Король. Дороги эти покрывала, и не слѣдъ расточать казну на такое излишество.

Королевны. Твоя казна не истощится.

— Вся страна несетъ тебѣ деньги.

— Бѣдныя женщины, которыя ткутъ наши покрывала, кормятся этою работою.

— А также и тѣ, кто ихъ вышиваетъ.

Шутъ. Въ рваныхъ одеждахъ и босыя, а вокругъ нихъ тощія дѣти.

Человѣкъ съ книжкою подъ мышкою.—Оставили бы себѣ прибавочную цѣнность, или на себя потратили бы прибавочный трудъ...

Слуги. Пошелъ, пошелъ!..

Человѣка съ книжкою выгоняютъ.

Шутъ. Въ холодныхъ хатахъ спятъ, а сами ткутъ багряницы.

Королевны. Глупый шутъ! ужъ если мы живемъ во дворцахъ, а онѣ въ лачугахъ, то у людей и не можетъ быть иначе.

— Вѣдь мы не собираемъ подати.

— Не мы учредили строй и законы.

— Мы только подчиняемся пышнымъ обычаямъ.

— Но въ простыхъ одеждахъ и босыя ходили бы и мы охотно.

— Охотнѣе, чѣмъ въ нашихъ діадемахъ.

— Весело быть простыми и свободными.

— Плясать и горланить пѣсни на простонародныхъ базарахъ.

— Нашъ дворецъ—крѣпкій затворъ.

— Вы, затворившіе насъ въ затворы, золотите кольца нашихъ цѣпей!

— Осыпайте діамантами наши оковы!

Король (грозно). Замолчите, и отвѣчайте. Здѣсь, передъ всѣми, я васъ спрашиваю, и отвѣчайте передо всѣми. Хочу я узнать, куда вы по ночамъ уходите, и что тамъ дѣлаете!

Королевны (упрямо). Мы никуда не уходимъ.

— Мы спимъ по ночамъ.

Король (печально). Такъ онѣ всегда отвѣчаютъ мнѣ, упрямыя. Что-же мнѣ дѣлать? Дочки непослушныя, но милыя, уйдите къ себѣ, а мы будемъ вести мудрыя рѣчи о васъ. Правду говорятъ за глаза,—въ глаза только льстятъ или злословятъ.

Королевны одна за другою встаютъ со своихъ мѣстъ, вереницею проходятъ передъ королемъ, кланяясь ему низко и такъ, чтобы это выходило красиво и съ покорностью. Кланяясь, королевны говорятъ отцу:

Королевны. Прости, государь нашъ батюшка, да хранитъ тебя Господь многія лѣта!

Король цѣлуетъ каждую въ уста сахарныя, и каждой отвѣчаетъ въ особину, румяную щечку родительной дланью треплючи:

Король. Ступай себѣ съ Богомъ, милая дочка, да

будетъ надъ тобою наше родительское благословеніе отнынѣ и до вѣка нерушимое.

Потомъ, одна за другою, королевны кланяются гостямъ направо и налѣво, такъ чтобы это выходило привѣтливо и съ достоинствомъ. Кланяясь, королевны говорятъ гостямъ:

Королевны. Простите, дорогіе гости и гостьи, въ чемъ что мы не такъ, насъ не корите, добромъ поминайте, живы здоровы бывайте, лиха избывайте, добра прибывайте, и насъ не забывайте!

Каждой отдѣльно гости направо и гости налѣво отвѣчаютъ поклонами, все болѣе глубокими по мѣрѣ отдаленія отъ короля,—отъ наклоненія головы королями до земного поклона простыхъ людей.

Гости и Гостьи (отвѣчаютъ каждой въ особину). Прости, милая королевна, въ чемъ мы тебѣ согрубили, и то ты намъ не попомни, держи насъ въ добромъ вспоминаньицѣ, сама словно красная ягодка во темномъ бору красуючись, да хранитъ тебя Богъ на многія лѣта, а мы твои гости, вѣрные слуги и усердные богомольцы.

Королевны, выдя въ сѣни, перемигиваются. Бѣгутъ на полати, прячутся за точеными столбиками, и подслушиваютъ. Король же молчитъ ровно столько времени, сколько надобно, чтобы королевны дошли до своихъ свѣтлицъ въ терему, а наверхъ поглядѣть не догадается. Гости въ ту пору пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, наверхъ по тому же не взглянутъ.

Король (крехтитъ). Эхъ-эхе-хехъ!

Шутъ (бренчитъ позвонками колпака). Милостивыя государыни и милостивые государи, помолчите, король говорить хочетъ.

Всѣ замолчали и стали смотрѣть на короля. Одинъ скоморохъ по верхамъ глядитъ.

Король. Друзья мои, короли и королевичи многихъ странъ, отцы духовные, дворяне и купцы, и простые люди, не сумѣетъ-ли кто изъ васъ разгадать мнѣ эту мудреную загадку, на счетъ того, куда мои дочки по ночамъ ходятъ, и что онѣ тамъ, шальныя, дѣлаютъ? Что покрывала то рвутъ, казнѣ-то убытокъ чинятъ не малый вѣдь! Кто разгадаетъ, за того отдамъ любую дочь замужъ, да полцарства за приданое.

Пока король говоритъ, самая веселая королевна, смѣючись, изъ-за столбика точенаго столь много высунулась, что скоморохъ, по верхамъ глядючи, ее увидѣлъ. Началась у нихъ, во время послѣдующихъ рѣчей, очами переглядка и руками перемашка, словно бы такъ они разговаривали:

Скоморохъ. А я тебя вижу.

Королевна. Врешь, не видишь.

Скоморохъ. Анъ, вижу.

Королевна. И видѣть нечего,—насъ тутъ нѣтъ.

Скоморохъ. А и врешь,—всѣ вы за точеными столбиками прячетесь, вся дюжина,—показалъ пальцами.

Королевна. У, глазастый! противный!

Скоморохъ Одинъ я вижу, всѣ другіе уши развѣсили.

Королевна. Миленькій, не выдавай!

Скоморохъ. Ничего, будь спокойна, не выдамъ.

Королевна. Ей Богу, не выдашь?

Скоморохъ. Вотъ тѣ крестъ честной!

Королевна. Я тебя поцѣлую въ переносицу.

Скоморохъ. Подари лучше синь кафтанъ,—мой-то поизносился.

Королевна. Ладно.

Скоморохъ. Да сапожки сафьяновые, — мои-то поистоптались.

Королевна. Ладно.

Скоморохъ. Да шапочку,—моя то поистрепалась.

Королевна. Ладно,—и будетъ съ тебя, больше не проси.

Скоморохъ. Ну къ чтожъ! съ меня и будетъ! много ли скомороху надо! Я не хулиганъ, я человѣкъ хорошій.

Межъ тѣмъ на вопросъ короля гости чинно отвѣчаютъ.

Басурманскій король. Запереть ихъ покрѣпче, да приставить къ нимъ евнуховъ побольше. Если хочешь, братъ и другъ, я пришлю тебѣ евнуховъ очень искусныхъ.

Король. Безобразіе противно будетъ моимъ дочерямъ.

Эѳіопскій королевичъ. Бей ихъ плетью, пока не признаются.

Король. Билъ бы, да то не въ нашемъ обычаѣ.

Татарскій ханъ. Припусти къ нимъ шпіоновъ.

Король. Не хочу заводить въ моей землѣ гнуса.

Американскій королевичъ. Выдай ихъ замужъ.

Король. Да не идутъ.

Зельтерскій король. Это у нихъ отъ глистовъ,— дай имъ слабительнаго.

Король. Глистовъ у нихъ и въ заводѣ не было.

Архіерей. Отпѣть бы въ терему молебенъ, окропить бы опочивальни ихъ высочествъ святою водою, окадить бы постели королевенъ роснымъ ладаномъ.

Король. На Бога надѣйся, а самъ не плошай. Богъ намъ не скажетъ, куда мои дочки ходятъ,—тутъ надобенъ человѣческій разумъ.

Генералъ. Такъ какъ по моему разсужденію у ихъ высочествъ есть сообщники, то я полагалъ бы этихъ злодѣевъ военнымъ судомъ повѣсить.

Шутъ. Судомъ повѣсить, веревкой разсудить, генералы наши умны, годятся въ игумны.

Сухопарый лѣкарь. Дай мнѣ осмотрѣть королевенъ, государь,—можетъ быть, я сумѣю вылѣчить ихъ отъ ночныхъ прогулокъ и лунатизма.

Король. Дочки мои здоровенькія, а тебѣ, клистирная трубка, смотрѣть ихъ нечего, да еще какъ бы не сглазилъ.

Ярышка (таинственно). Обыскать.

Трудовикъ (меланхолично). Только заснешь, а они тутъ какъ тутъ..

Король. Резонъ, но не политика.

Богатый купецъ. Я такъ полагаю, (поглаживая бороду), что дѣло это, значитъ, денежное, и оно, то есть, требуетъ расхода и, напримѣръ того, издержекъ. Оно бы, я такъ полагаю, (поглаживая бороду), можно бы съ укціону подрядъ сдать, то есть, на поставку, значитъ, тѣхъ и прочихъ, къ кому и куда, значится, оныя персоны ходятъ. Но дабы избѣжать огласки, то я такъ полагаю, (поглаживая бороду), что оно бы подъ

рукою поспрошать сподручнѣе, и, значится, съ вольнаго торга я бы взялся, можно сказать, себѣ въ убытокъ, только для королевскаго удовольствія, за полтора милліонта, значится, (поглаживая бороду), со всѣмъ удовольствіемъ.

Шутъ. У этого дяди пошехонская поговорка, да зато американская складка.

Король. Смотри, купецъ, кабы у тебя съ этихъ денегъ мошна не лопнула. Больно ты лакомъ на мою казну.

Богатый купецъ. Два процента скастимъ, (поглаживая бороду),—это мы можемъ.

Король. Скасти сто два процента, тогда подумаемъ.

Богатый купецъ считаетъ на пальцахъ, и думаетъ.

Юристъ. Въ ночныхъ прогулкахъ ихъ высочествъ я не усматриваю состава преступленія, а потому полагалъ бы оставить дѣло безъ послѣдствій.

Король. Твоими бы устами да медъ пить.

Хулиганъ. Наплевать!

Король. Ась?

Хулиганъ. Да ты, король, на это дѣло плюнь,—пусть ходятъ, куда хотятъ.

Король. Проплюешься. Тутъ что ни плевъ — сто рублевъ, а то и болѣе.

Богатый купецъ надумался. Ему кажется, что и за уступкою ста двухъ процентовъ подрядъ выгоденъ. Онъ крякаетъ, поглаживая бороду, и хочетъ согласиться. Но его одергиваетъ

Приказчикъ, (шепчетъ). Брось, дядя, окромя убытковъ другихъ прибытковъ не предвидится.

Богатый купецъ. Врешь?

Приказчикъ. Какъ передъ Истиннымъ!

Ласковая старушка. И я ихъ выспрошу, и я ихъ вымолю, и онѣ мнѣ скажутъ.

Король. Больно ты ласкова, бабушка, да инъ бѣда,— не скажутъ онѣ тебѣ, не таковскія.

Юный поэтъ. Всѣ діалоги, которые мы выслушали, являютъ собою точный символъ извѣчной антиноміи.

Шутъ. А ты антимоній не разводи, говори прямо.

Юный поэтъ. Скажу кратко,—никто не берется узнать, гдѣ бываютъ въ таинственные ночные часы королевны,—я это узнаю.

Король. Ладно, узнай. Не узнаешь въ три ночи на третье утро повѣшу. А узнаешь, твое счастье,— любую королевну бери замужъ, а приданое дамъ, какъ обѣщалъ, отъ своего слова не попячусь. Только смотри, парень, не сдуру-ли ты расхвастался? Лучше откажись, пока не поздно.

Шутъ. У насъ петли мягкія, пеньковыя, а вѣшальщики опытные.

Юный поэтъ. Мы, мудрецы и поэты, хранители и провозвѣстники древняго обѣтованія о преображеніи святой плоти, мы не даемъ пустыхъ обѣщаній. Я сказалъ,—я сдѣлаю.

Король. Ну, самъ смотри. Въ петлѣ не весело будетъ, такъ на меня не пеняй. Милые гости, не обезсудьте на моей хлѣбъ-соли, а потчевать больше нечѣмъ.

Гости и гостьи вылѣзаютъ изъ-за столовъ, кланяются

королю, и благодарятъ его. Король Политовскій уходитъ, послѣ него и всѣ, кто куда, по чинамъ. Юный поэтъ остался одинъ, и размышляетъ.

Юный поэтъ. Тщетно гордость, хулиганъ ума, говоритъ мнѣ: наплевать! — благоразуміе покачиваетъ своимъ вязанымъ колпакомъ, и спрашиваетъ: „что ты надѣлалъ?“ И печаль моей души проснулась въ своемъ альковѣ,—ахъ, милые альковы! — и зѣвая, рыдаетъ: „увы, увы, увы!“ свинья—печаль!

Печаль юнаго поэта (внезапно являясь, свирѣпо). Самъ свинья! И никакого нѣтъ алькока, а вотъ ты попляши.

Исчезла такъ же внезапно, какъ и появилась.

Юный поэтъ. Что я надѣлалъ? взялся узнать, а самъ ничего не вѣдаю. Если не узнаю, вѣдь король меня повѣситъ. А это — очень непріятное положеніе. Или состояніе? Положеніе—горизонтальное, состояніе—вертикальное, а висѣть? Не знаю. Въ моемъ мозгу,—кажется, это точно?—сложились два стиха:

Когда меня повѣсятъ,
То чѣмъ меня утѣшатъ?
Висѣлицу украсятъ?
Но я не буду видѣть.
Всѣ дѣвушки заплачутъ?
Но я не буду слышать.

Вотъ даже шесть стиховъ. Кажется, это не плагіатъ? Впрочемъ, вѣдь я живу въ доисторическія времена, сказочныя, когда по мѣткому выраженію Некрасова,

Свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо.

Всѣ поэты, которымъ я могъ бы подражать, будутъ жить послѣ меня. Непріятное положеніе. Или состояніе?

Стоитъ,—раскручинился, пригорюнился.

Намалеванный старикъ. Не сойти ли мнѣ съ картины? Не утѣшить-ли мнѣ малаго?

Кряхтитъ, и лѣзетъ изъ рамы.

Юный поэтъ (въ восторгѣ). Вотъ — торжество искусства.

Знатокъ искусства (вдругъ явившись). Это— фотографія. Искусства здѣсь нѣтъ.

Впрочемъ, его уже и нѣтъ на сценѣ.

Малявинскія бабы. А мы споемъ, пока старикъ вылѣзаетъ.

Поютъ громко, и пляшутъ шибко:

Горка ты горка,
Горушка крутая,
Травка шелковая!
Да по той ли горкѣ
Милъ удалый ходитъ,
Во скрипку играетъ,
Короля потѣшаетъ.
Послушайте, люди,
Что въ городѣ баютъ:
Парней продаваютъ.
Купцы закупаютъ,
Девять на денежку,
Десятаго въ придачу.

Намалеванный старикъ. О чемъ, добрый молодецъ, призадумался?

Юный поэтъ. Какъ мнѣ, дѣдушка, не призадуматься? взялся я для короля провѣдать, куда его дочери по ночамъ уходятъ, я самъ ничего не вѣдаю.

Намалеванный старикъ. Да, это дѣло трудное! только узнать можно. Вотъ тебѣ шапка-невидимка, съ нею чего не высмотришь! Да помни: какъ будешь спать ложиться, королевны подадутъ тебѣ сонныхъ капель испить; а ты повернись къ стѣнѣ, и вылей въ постель, а пить не моги.

Юный поэтъ. Да вѣдь онѣ увидятъ.

Намалеванный старикъ. А ты имъ глаза отведи.

Юный поэтъ. А какъ же отвести имъ глаза?

Намалеванный старикъ. А ты посмотри на потолокъ, да и зачитай грустнымъ голосомъ стихи:

Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ.
Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно.
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ.

Дѣвки — дуры, тоже засмотрятся, на потолкѣ звѣзды увидятъ.

Юный поэтъ. Да увидятъ ли?

Намалеванный старикъ. Вѣрь въ магію словъ, и онѣ повѣрятъ словамъ.

Юный поэтъ. Спасибо тебѣ, дѣдушка.

Старикъ лѣзетъ на прежнее мѣсто, юный поэтъ его подсаживаетъ, и тутъ первому дѣйствію конецъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Въ терему опочивальни двѣнадцати королевенъ, одна за другою, раздѣленныя арками; рядомъ, за стѣною малая коморка съ одною кроватью для юнаго поэта. Въ стѣнѣ между коморкою и королевниными опочивальнями—дырка малая, проверчена буравчикомъ. Королевны, въ длинныхъ ночныхъ одеждахъ, смотрятъ въ окно.

Королевны. Вотъ идетъ нашъ стражъ.

Смѣются, словно колокольчики звенятъ.

Королевны. И онъ ничего не узнаетъ.
— А не открыться ли ему?
— Онъ—прекрасный,—говоритъ самая прекрасная.
— Онъ—бѣлый,—говоритъ самая тонкая.
— Онъ—румяный,—говоритъ самая здоровая.
— Онъ—стройный,—говоритъ самая стройная.
— Онъ—мудрый,—говоритъ самая умная.
— Онъ—хитрый,—говоритъ самая искусная.
— Онъ—добрый,—говоритъ самая добрая.
— Онъ—ласковый,—говоритъ самая нѣжная.
— Онъ—веселый,—говоритъ самая смѣшливая.
— Онъ—смѣлый,—говоритъ самая бойкая.
— Онъ—сильный,—говоритъ самая сильная.
— Онъ—гордый,—говоритъ самая надменная.
— Хорошъ то онъ хорошъ, но и онъ, какъ всѣ.
— Выберетъ одну изъ насъ въ жены.
— Будетъ царить въ своемъ удѣлѣ.
— Будетъ угождать людямъ.
— Будетъ славить земныя очарованія.

— Не пуститъ избранницы своей ни къ другому человѣку, ни къ заклятому царю.

— Нѣтъ, утаимся отъ него.

— Опоимъ его соннымъ зеліемъ.

Смѣются, какъ бубенчики бренчатъ.

Юный Поэтъ (входитъ въ коморку малую). — Время къ ночи подходитъ, — бормочетъ онъ, — летитъ на сѣрыхъ крыльяхъ. Летучая мышь, взмахами мягкихъ крыльевъ отсчитывая миги,—о миги! миги! — мечется туда и сюда, и засыпаетъ внизъ головою. Но я не засну. Вотъ моя кровать, и надъ нею скважина,—я провертѣлъ ее буравчикомъ. И мой взоръ острѣе буравчика.

Взоры, какъ у мальчика,
Острѣе буравчика.

Королевны въ началѣ его рѣчи ушли за соннымъ зеліемъ. Осталась одна,—сидитъ на кровати и, улыбаясь, прислушивается.

Потомъ остальныя королевны вернулись. У одной въ рукахъ кубокъ. Идутъ одна за другою въ дверь къ юному поэту, та, что съ кубкомъ, сзади всѣхъ.

Каждая королевна, входя, кланяется поэту, и говоритъ, каждая со свойственною ея характеру интонаціею:

Королевны. Здравствуй, милый поэтъ.

— Здравствуй, прекрасный поэтъ.

— Здравствуй, синеокій поэтъ.

— Здравствуй, русокудрый поэтъ.

— Здравствуй, мудрый поэтъ.

— Здравствуй, хитрый поэтъ.

— Здравствуй, добрый поэтъ.

— Здравствуй, веселый поэтъ.

— Здравствуй, ласковый поэтъ.
— Здравствуй, отважный поэтъ.
— Здравствуй, могучій поэтъ.
— Здравствуй, надменный поэтъ.

Юный Поэтъ (кланяется каждой отдѣльно, и отвѣчаетъ каждой).—Здравствуй, милая королевна.
— Здравствуй, прекрасная королевна.
— Здравствуй, черноокая королевна.
— Здравствуй, чернокудрая королевна.
— Здравствуй, мудрая королевна.
— Здравствуй, хитрая королевна.
— Здравствуй, милостивая королевна.
— Здравствуй, веселая королевна.
— Здравствуй, нѣжная королевна.
— Здравствуй, смѣлая королевна.
— Здравствуй, могучая королевна.
— Здравствуй, гордая королевна.

Королевны встали въ рядъ, и смѣются, словно гуселькн гудятъ. Юный поэтъ стоитъ передъ ними, и дѣлаетъ улыбку за улыбкою, перемежая ихъ спокойнымъ выраженіемъ лица.

Королевны (переглядываются, и говорятъ одна другой).—Угостимъ поэта виномъ!
— Угостимъ.
— Пусть выпьетъ за наше здоровье.

Приближается къ юному поэту одна королевна съ бокаломъ, и говоритъ:

олевна. Милый поэтъ, выпей это вино за наше здоровье, и пожелай намъ, чего сумѣешь и какъ сумѣешь.

Юный Поэтъ (беретъ бокалъ).—Охотно выпью за ваше здоровье, милостивыя и ласковыя королевны. И отъ всей души желаю вамъ счастья столько же полнаго и широкаго, сколь полонъ и широкъ дивный кругъ вашихъ совершенствъ, и столь же высокаго, какъ эти звѣзды,—(поднимаетъ бокалъ),—тамъ въ недостижимомъ небѣ, тамъ, смотрите, гдѣ звѣзда съ звѣздою говоритъ, гдѣ въ небесахъ торжественно и чудно.

Королевны смотрятъ вверхъ, и повторяютъ въ тихомъ восторгѣ всѣ вмѣстѣ:

Королевны. Звѣзда съ звѣздою говоритъ!
— Въ небесахъ торжественно и чудно.

Въ это время юный поэтъ выливаетъ вино въ свою постель.

Королевны, (уходя одна за другою, говорятъ):
— Покойной ночи, поэтъ!

Юный Поэтъ (отвѣчаетъ каждой). — Покойной ночи, королевна.

Королевны (вернулись къ себѣ. Говорятъ тихо).
— Мы смотрѣли на звѣзды, которыхъ не было видно.
— Надъ нами былъ только потолокъ.
— Но мы видѣли, какъ въ небесахъ торжественно и чудно.
— Мы слышали, какъ звѣзда съ звѣздою говоритъ.
— Поэтъ очаровалъ насъ только словами.
— Магіею словъ.
— А развѣ мы не учили этихъ словъ въ нашей хрестоматіи?
— Но хорошо, что онъ выпилъ вино.
— А если не выпилъ?

— Нѣтъ, выпилъ.
— Онъ спитъ.
— Подождемъ, пока онъ заснетъ совсѣмъ крѣпко.

Королевны ложатся въ свои постели. Поэтъ тоже. Тихо и темно. Юный поэтъ подсматриваетъ.

По опочивальнямъ ходятъ Сны, и навязываются королевнамъ и юному поэту:

Сны. Возьми меня на эту ночь.
— А ты меня.
— Или меня.
— Я—мирный сонъ.
— Я—безмятежный сонъ.
— Я—веселый сонъ.
— Я—страшный.
— Я—вѣщій.
— Я—крѣпкій.
— Я—глубокій.
— А я—кошмаръ,—хорошенькій, цѣпкій уродецъ.

Королевны и Юный Поэтъ (отгоняютъ сны, и говорятъ имъ тихо).—Не надо.
— Не хочу.
— Уйди.
— Не пущу.
— Иди къ больнымъ.
— Иди къ усталымъ.
— Иди къ печальнымъ.
— Иди къ умирающимъ.

Одна Королевна (встала, тихо говоритъ).
— Сестры, пора.

Королевны. Пора.
— А онъ?

— Надо войти къ нему.
— Не всѣмъ.
— Пусть одна.
— Кто пойдетъ?
— Я,—говоритъ самая бойкая.

И пошла къ юному поэту, тихохонько. У двери постояла, послушала, отворила дверь медленно, и вошла къ поэту. Юный поэтъ легъ спокойно.

ороле вна (тихо шепчетъ ему).—Милый поэтъ ты спишь? Ты спишь въ такую прекрасную ночь? Ты спишь въ тотъ часъ, когда я пришла къ тебѣ? Взгляни,—я красивая дѣвушка, у меня голыя, стройныя руки. Всѣ спятъ, только я одна не сплю, потому-что я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ ласковыя слова. Я молодая и красивая дѣвушка, у меня голыя, бѣлыя плечи, и стопы ногъ моихъ обнажены, я печальна, я томлюсь странною тоскою. Многіе говорили мнѣ, что они меня любятъ, и они были молодые, прекрасные и знатные, но я не вѣрю ихъ любви. И сердце говоритъ мнѣ, что еще никто меня не любилъ... Или я много сказала? Ты все-таки спишь? О, глупый поэтъ!

Слушаетъ. Юный поэтъ лежитъ молча и неподвижно.

Королевна (возвращается къ сестрамъ).—Онъ спитъ,—говоритъ она имъ тихо,—спитъ крѣпко.

— Онъ не скоро проснется,—говорятъ другія королевны, и смѣются тихо, какъ былинки шелестятъ.

— Пора, сестрицы, пора!
— Заклятой царь ждетъ насъ!
— И его милые гости.
— И его милыя гостьи.

— Надо взглянуть.

Юный поэтъ подсматриваетъ. Королевны надѣваютъ шитыя покрывала. На постеляхъ оставляютъ свои подобія. Мудрѣйшая изъ королевенъ отодвинула высокое изголовье своей кровати. Открылся ходъ. Королевны уходятъ одна за другою.

Юный поэтъ надѣваетъ шапку-невидимку, и крадется за ними. Всѣ ушли, и только на королевниныхъ кроватяхъ остались неживыя подобія спящихъ дѣвушекъ. Становится темно. Потомъ сцена преображается въ освѣщенную луннымъ свѣтомъ палату въ подземномъ царствѣ заклятаго царя. Слышенъ голосъ:

Всѣ цвѣты раскрыли глазки.
Рейте, вѣйте въ легкой пляскѣ,
Зачинайте ласки-сказки,
Забывайте сонъ дневной.
Тамъ, подъ солнцемъ, только маски,
Здѣсь развязаны завязки,
Святы лики, сняты маски,
Все святое предо мной.
Рейте, сестры, въ легкой пляскѣ,
Съ нами вмѣстѣ пляшутъ сказки
Подъ волшебницей луной.

Царевны пляшутъ. Тѣмъ второе дѣйствіе и кончается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же палата, что въ первомъ дѣйствіи. На высочайшемъ мѣстѣ за столомъ король Политовскій, отъ сна возставъ, вкушаетъ питія прохладныя. Позади его стоятъ слуги ближніе, про дѣла домашнія докладываютъ

съ усердіемъ. А внизу за столами бояре сидятъ, медъ, пиво пьютъ, и о чемъ то думаютъ, и у всѣхъ большія бороды. А у дверей стоятъ шутъ и слуги. Входитъ изъ сѣней юный поэтъ, останавливается передъ высокимъ мѣстомъ, королю челомъ бьетъ.

Юный поэтъ. Здравствуй, король.

Видъ у поэта очень гордый, и онъ кажется именинникомъ.

Король. Услѣдилъ ты моихъ дочерей?

Юный поэтъ. Обѣщалъ — и сдѣлалъ. Король, я услѣдилъ прекрасныхъ королевенъ.

Король. Куда же онѣ ходятъ?

Юный поэтъ. Прекрасныя королевны ходятъ въ подземное царство къ заклятому королю, всю ночь тамъ танцуютъ, исполняютъ танцы въ стилѣ знаменитой Айседоры Дунканъ подъ музыку великихъ композиторовъ разныхъ временъ и народовъ.

Король. Вѣрные слуги, позовите моихъ дочерей!

Слуги. Королевны сами идутъ.

Король ждетъ, пьетъ медъ, и поэта потчуетъ. Королевны вошли въ сѣни. Засматриваютъ въ чертогъ, и тихо переговариваются:

Королевны. А юный поэтъ уже тамъ.

— Съ нашимъ отцомъ сидитъ.

— Батюшка нашъ съ нимъ ласковъ.

— Но онъ же не былъ съ нами!

— Мы его тамъ не видѣли!

— Когда мы спускались по лѣстницѣ, мнѣ показалось, что кто-то наступилъ на мое платье,—говоритъ

самая хитрая,—это примѣта была плохая, она вѣщала намъ бѣду.

— Полно, ничего не будетъ,—говоритъ самая смѣлая,—просто, ты зацѣпила платьемъ за какой-нибудь гвоздь.

— Когда мы шли по той рощѣ, гдѣ цвѣтутъ золотые цвѣты,—говоритъ самая чуткая,—послышалось мнѣ, что вся роща зашумѣла.

— Такъ бываетъ въ той рощѣ,—говоритъ самая зоркая,—когда сломятъ одинъ цвѣтокъ.

— Въ царствѣ заклятого царя все едино,—говоритъ самая мудрая,—страданіе и ущербъ въ одномъ чувствуется всѣмъ живымъ въ этомъ царствѣ.

— Ахъ, сестрицы, — говоритъ самая робкая, — это что-то недоброе намъ сулило.

— Не бойтесь,—говоритъ самая беззаботная,—это у заклятого царя въ чертогахъ музыка гремѣла, а не роща шумѣла.

Входятъ одна за другою въ чертогъ.

Каждая королевна (отдѣльно низко кланяется королю, цѣлуетъ его руку, и говоритъ). — Здравствуй, милый батюшка нашъ король, съ добрымъ утромъ... Какъ почивать изволилъ, какіе сны тебѣ, батюшка, снились, и изволишь ли ты быть въ добромъ здоровьи?

Король цѣлуетъ каждую нѣжно въ уста сахарныя, треплетъ ласково по румяной щечкѣ, и милостиво отвѣчаетъ каждой въ особину:

Король. Здравствуй, милая дочка, прекрасная моя королевна. Почивалъ я крѣпко, сны видѣлъ хорошіе, какъ ты, моя красная ягодка, съ могучимъ и славнымъ

королевичемъ вѣнчалася. Всталъ я веселъ и радостен и здоровьемъ, по Божьей милости, крѣпокъ. А ты, ясочка моя ненаглядная, какъ почивать изволила, какіе сны тебѣ, моей голубушкѣ, снилися, да и встала ли ты веселехонька, да и живешь ли ты здоровехонька?

Королевна (каждая королю такъ отвѣтъ держитъ, низко кланяючись, и отцову руку во второй разъ цѣлуючи). Благодарствую тебя, милый батюшка, на добромъ словѣ. Спала я крѣпко, на которомъ боку заснула, на томъ и проснулась, во всю долгую ноченьку ни разу не ворохнулась. А сны я видѣла все веселые, какъ тебѣ, батюшка, Богъ далъ побѣду надъ супостатами, королями чужими и надъ здѣшними крамольниками, какъ по улицамъ флаги развѣсили, народъ бѣжитъ, ура кричитъ, въ ладоши хлопаетъ. А встала я, млада красна дѣвица, веселехонька, а живу я, млада красна дѣвица, по Божьей милости и для твоей родительской радости, здоровехонька.

Такъ одна по одной отходятъ отъ короля, садятся на свои мѣста, и пьютъ китайскій чай со сладкимъ сахаромъ въ накладку, выборгскимъ кренделемъ закусываютъ.

Король (пьетъ медъ, и дочерей допрашиваетъ).— А куда вы, дочки, нонче ночью ходили? а гдѣ вы, богоданныя дочки, ночью нонче были?

Королевны. Мы никуда не ходили,—говорятъ вразъ шестеро.

— Нонче ночью,—прибавляетъ одна изъ нихъ.

— Мы нигдѣ не были,—говорятъ вразъ другія шестеро.

— Ночью нонче,—прибавляетъ одна изъ нихъ.

Король. А у заклятого царя не были? Вотъ юный поэтъ на васъ показываетъ, уличить васъ хочетъ, говоритъ,—всю ночь вы плясали очень весело, и въ присядку, и по всякому.

Королевны. Гдѣ же ему, батюшка, уличить насъ, когда онъ всю ночь мертвымъ сномъ проспалъ!

— Онъ все это во снѣ видѣлъ.

— Рядомъ съ молодыми дѣвушками снятся веселые сны.

— Какъ не присниться веселымъ пляскамъ, когда за стѣнкой дѣвушки о своихъ секретахъ шепчутся!

Смѣются, словно стеклышки звенятъ.

Король (съ удивленіемъ).—Вотъ такъ дѣвушки у меня выросли! Смѣются, имъ и горюшка мало.

Юный Поэтъ. Фряжская пословица въ русскомъ переводѣ говоритъ: смѣется хорошо, кто смѣется полѣдні.

Старый Бояринъ. Пословица не мимо молвится.

Другой. Пословица до вѣку не сломится.

Шутъ. Глупая рѣчь не пословица.

Король. Однако, поэтъ, чѣмъ же ты докажешь что онѣ тамъ были?

Юный Поэтъ. Королевны хотѣли опоить меня соннымъ зеліемъ, но я отвелъ имъ глаза, и вылилъ сонное зеліе въ мою постель.

Королевны. Онъ васъ обманулъ!

— И поэты лгутъ!

— Поэты лгутъ, какъ всѣ!

— Тьмы низкихъ истинъ имъ дороже ихъ возвышающій обманъ.

Юный Поэтъ. Я шелъ за ними, а онѣ меня не видѣли,—на мнѣ была шапка-невидимка.

Вынимаетъ шапку-невидимку, и демонстрируетъ ее надѣвая и опять снимая. Слышны возгласы удивленія.

Шутъ (завистливо).—Фокусъ!

Поэтъ (презрительно).—Шутъ, въ этой драмѣ ты играешь самую скучную роль. Никто не смѣется твоимъ шутовствамъ.

Шутъ (сердито). Я не шучу. Я—королевскій шутъ, и говорю серьезно.

Королевны. Какое искусство—сдѣлаться ничтожнымъ!

— Искусство, полезное для шпіона!

— Поэтъ, воображающій, что ты—тайновидецъ, ты—только шпіонъ.

— Ты—тема для юмористическаго стихотворенія.

— И для пародіи.

— И для самой непріятной пародіи,—дружеской.

Юный поэтъ. Я шелъ за королевнами. Куда онѣ, туда и я, какъ нитка за иголкою.

Королевны, (смѣючись, точно птенчики щебечучи).—Старо!

Неостроумно!

Юный поэтъ. Мы вошли въ потайной ходъ за кроватью мудрѣйшей изъ королевенъ. Когда мы проходили въ той рощѣ подземнаго царства, гдѣ растутъ золотые цвѣты, я сорвалъ одинъ цвѣтокъ. Вотъ онъ.

Вынимаетъ изъ кармана золотой цвѣтокъ. Цвѣтокъ благоухаетъ.

Юный поэтъ. Вотъ и улика на лицо,—цвѣтокъ,

вынесенный изъ подземнаго царства заклятого царя,— золотой цвѣтокъ.

Бояре и слуги. Золотой цвѣтокъ!

Юный поэтъ. Благоуханный цвѣтокъ!

Бояре и слуги. Какъ хорошо пахнетъ этотъ цвѣтокъ!

Юный поэтъ. Виданы ли на землѣ такіе цвѣты?

Бояре и слуги. На землѣ нѣтъ такихъ цвѣтовъ. — И не можетъ быть.

Королевны. Злой поэтъ! — онъ погубилъ одно изъ прекраснѣйшихъ цвѣтеній въ царствѣ заклятого царя.

— Онъ оторвалъ этотъ цвѣтокъ отъ родной почвы таинственнаго края.

— Изъ міра сладкой сказки онъ вынесъ его въ свѣтъ земного дня!

— Чтобы любовались имъ равнодушные люди.

— И скучные эстеты.

Критикъ. Да, цвѣтокъ этотъ представляетъ твореніе высокаго искусства. Лепестки его отчеканены такъ строго, что кажется, что онъ благоухаетъ. Вѣчный ароматъ творимой красоты исходитъ отъ него.

Юный поэтъ. Вслѣдъ за королевнами пришелъ я во дворецъ заклятого царя. Пышность и красота этихъ чертоговъ превосходятъ все, что можетъ дать самое изысканное и богатое воображеніе. Я еще не успѣлъ найти всѣхъ словъ, достаточно великолѣпныхъ и рѣдкихъ, которыми можно было бы передать обаяніе этихъ чертоговъ. Описаніе ихъ составитъ тему моей особой поэмы. Теперь же буду кратокъ.

Король. Да, другъ, говори покороче, будетъ лучше.

Королевны печально смѣются, словно въ рѣчкѣ струйки плещутся.

Юный поэтъ. Самъ заклятой царь со своими придворными,—о, великолѣпіе одеждъ! о, красота лицъ! о, прелесть движеній! — встрѣтилъ прекрасныхъ королевенъ. И казалось мнѣ, что красота и прелесть ихъ умножились весьма,—не дивно ли это?

Бояре и слуги. Дивно!

— Ужъ и такъ онѣ красивы.

— Куда еще краше!

— Глазамъ не вынести такой красоты.

Юный поэтъ. Заиграла музыка, — о, дивное очарованіе звуковъ! – и всѣ, широкимъ и свободнымъ кругомъ, понеслись въ легкомъ танцѣ, и я со всѣми, невидимый, прекрасный, стройный и легкій.

Королевны смѣются, словно жемчужинки раскатились.

Юный поэтъ. Велѣлъ царь вино разливать и гостямъ разносить. Я, юный и прекрасный, и невидимый вами, смѣющіяся, чѣмъ бы плакать, королевны, взялъ съ подноса одинъ бокалъ, вино выпилъ, а бокалъ въ карманъ сунулъ. Вотъ и другая улика.

Вынимаетъ изъ кармана золотой кубокъ.

Бояре и слуги. Сіяющій бокалъ!

— Что написано на немъ?

— Буквы сіяютъ, какъ пожары!

Королевны. Взялъ бокалъ, а знаешь-ли его повелѣніе?

— Прочиталъ ли его начертаніе?

— Или только теперь разберешь, по складамъ, его сіяющую надпись?

Юный поэтъ. Вы опять устремились въ плящущій кругъ, послѣ словъ заклятого царя:

Всѣ цвѣты раскрыли глазки.
Рейте, вѣйте въ легкой пляскѣ,
Зачинайте ласки-сказки,
Забывайте сонъ дневной.
Тамъ, подъ солнцемъ, только маски,
Здѣсь развязаны завязки,
Святы лики, сняты маски,
Все святое предо мной.
Рейте, сестры, въ легкой пляскѣ,
Съ нами вмѣстѣ пляшутъ сказки
Подъ волшебницей луной.

Вы плясали, а я стоялъ. Мнѣ казалось, что царь еще не кончилъ, и хочетъ говорить. Я стоялъ передъ нимъ подъ сѣрой шапкой-невидимкой, и глядѣлъ прямо въ его неизъяснимо-глубокія очи, и онъ сказалъ мнѣ:

А ты, пришедшій невидимо,
Земные возлюбившій дни,
Ищи меня неутомимо,
И въ сердце грусть мою замкни.
И если память позабудетъ,
(Цвѣты земные—изъ тафты),
Тебѣ цвѣтокъ мой вѣчно будетъ
Напоминать, что видѣлъ ты.
И если-бъ сердце замолчало
(Тамъ діадемы—только жесть),
Напомнятъ блескъ и звонъ бокала
Тебѣ таинственную вѣсть.

Покинувъ царство заклятое,
Не вѣрь святынѣ злого дня,
И начертанье золотое
Читай всегда: Люби Меня!

Королевны (повторяютъ). Люби Меня! (смотрятъ одна на другую, и говорятъ).—Что же намъ дѣлать?

— Сознаемся?

— Да, сознаемся.

— Теперь уже нельзя не сознаться. (Отцу).

— Поэтъ сказалъ правду. (Поэту): —Ты прочиталъ начертаніе золотого кубка.

— Но, поэтъ, понялъ-ли ты его? — спрашиваетъ самая добрая.

— Поймешь-ли его когда-нибудь? — спрашиваетъ самая мудрая.

— Но сохрани его, поэтъ!

— Передай новымъ поколѣніямъ этотъ золотой цвѣтокъ и этотъ кубокъ съ начертаніемъ вѣчной заповѣди.

Король. Повелѣваю вамъ, вѣрные слуги, засыпать потайный ходъ въ подземное царство заклятого царя.

Слуги. Исполнимъ, ваше величество.

Король. А ты, поэтъ, выбирай изъ моихъ дочерей себѣ въ жены, какая полюбится. Вотъ онѣ проходятъ передъ тобою.

Королевны послушны, идутъ одна за другою передъ юнымъ поэтомъ.

Король (приговариваетъ). Вотъ эта — самая красивая.

— А эта—самая румяная.
— А эта—самая бѣлая.
— А эта—самая добрая.
— А эта—самая нѣжная.
— А эта—самая ласковая.
— А эта—самая милая.
— А эта—самая послушная.
— А эта—самая веселая.
— А эта—самая грамотная.
— А эта—самая мудрая.
— А эта—самая хитрая.

Всѣ королевны прошли и сѣли допивать свой чай въ накладку.

Король (юнаго поэта спрашиваетъ). Которую же выберешь себѣ въ жены?

Юный поэтъ. Я выбираю себѣ въ жены ту, которая по-нраву поэтамъ нашихъ дней.

Выбираетъ, какую хочетъ.

Король. У меня не вино курить, не пиво варить, не приданое шить,—все готово. Сейчасъ же честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

Начинается великое ликованіе, а всей сказкѣ тутъ пришелъ конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Побѣда смерти 7

Даръ мудрыхъ пчелъ 57

Любви 133

Ванька ключникъ и пажъ Жеанъ 157

Ночныя пляски 223